

**Actual problems
of Turkic studies**

**International
scientific conference
XXXV
Kononov Memorial Lectures**

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC
CONFERENCE**

XXXV

**KONONOV MEMORIAL
LECTURES**

**DEPARTMENT
OF TURKIC PHILOLOGY
OF SAINT PETERSBURG
STATE UNIVERSITY**

Materials

Saint Petersburg
2021

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

XXXV

КОНОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**НА КАФЕДРЕ
ТЮРКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

Материалы конференций

Санкт-Петербург
2021

**ББК 81.2Тюрк
М34**

- А43 Актуальные вопросы тюркологических исследований:** Международная научная конференция XXXV Кононовские чтения: Материалы конференции / под ред. Н. Н. Телицина. — СПб.: Санкт-Петербургский центр развития и поддержки востоковедных исследований, 2021. — 176 с.

ISBN 978-5-4391-0690-5

В сборнике представлены тезисы и доклады участников международной научной конференции XXXV Кононовские чтения, прошедшей 30 октября 2020 г. в Санкт-Петербурге. Материалы посвящены различным проблемам изучения письменных памятников, истории, культуры, тюркских языков и литератур.

ББК 81.2Тюрк

Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-4391-0690-5

© Коллектив авторов, 2021
© Кафедра тюркской
филологии СПбГУ, 2021
© Санкт-Петербургский
центр развития и
поддержки востоковедных
исследований, 2021

Содержание

<i>Алиева К. А.</i> К вопросу о формах со значением перфекта в древнейгузском языке	8
<i>Бекджаев Т. Б.</i> Ставропольские туркмены в трудах лингвистов Туркменистана	11
<i>Бурькин А. А., Попов В. А.</i> Термины родства и свойства тувинцев: этнолингвистические параллели	14
<i>Бычкова С. К.</i> Анализ орхонских рунических памятников с грамматической и структурной точек зрения.	19
<i>Гейгер Н. Н.</i> Востоковед Арминий Вамбери как один из родоначальников движения пантуранизма	27
<i>Гордеева П. В.</i> Переписка хана Арынгазы Абилгазыулы как источник сведений о российско-казахских отношениях в первой трети XIX века	30
<i>Guzev V. G.</i> Über die Begriffe “Kollektion” und “Selektion” (на нем. яз.)	36
<i>Гузев В. Г., Колосова Д. И.</i> Опыт структурного анализа категории времени неродственных языков (английский, турецкий).	38
<i>Демьянченко В. А.</i> Реформы Ататюрка в области религии	64
<i>Дубровина М. Э.</i> О необходимости различия понятий «синхрония» и «диахрония» при анализе тюркских морфологических форм	69
<i>Жуков К. А.</i> Специальные стулья для иностранных послов при Османском дворе	71

<i>Зайцев Н. А.</i> Восприятие журналистики через призму просветительства в лирике Г. Тукая	73
<i>Избасарова А. Р.</i> Образ казаха в сочинениях европейских путешественников XVIII – начала XIX вв.	82
<i>Камалова Ш. Н.</i> Аспекты характеристики дополнительной модели в языке ДТРП.	83
<i>Коваленко Е. А.</i> Сатирические элементы в новеллах Омера Сейфеддина	84
<i>Козинцев М. А., Савельева Н. В.</i> Сведения о Крымском ханстве в Сборнике Прохора Коломнятина 1668 г.	89
<i>Колосова Д. И.</i> К вопросу об условной форме <i>-sa</i> в турецком языке.	91
<i>Мирзоева Г. А.</i> О лексической единице <i>truva // turka // türük</i>	92
<i>Михайлова К. В.</i> Взаимоотношения Российской и Османской империй во время Персидских походов 1722–1723 гг. Петра I	96
<i>Молчанов И. А.</i> О состоянии российско-турецких экономических отношений в 2002 году	98
<i>Образцов А. В., Сулейманова А. С.</i> «Дракула в Стамбуле» — опыт культурного импорта иррационального	103
<i>Орловская А. В.</i> Роман Халиде Эдип Адывар “Yeni Turan” как отражение националистических тенденций в Османской империи в начале XX века (на англ. яз.)	122
<i>Пирага Э. И.</i> Головные уборы и мужская одежда азербайджанцев в XIX – начале XX вв. (по материалам Милской, Муганской, Ширванской этнографических зон)	125
<i>Пылев А. И.</i> Образ пророка Хызра (Хадерилиза) в тюркских версиях дестана «Ашик-Гариб» и в сказке М. Ю. Лермонтова об Ашике-Керибе	137
<i>Рогожина К. С.</i> Экономическое сотрудничество Ирана с Казахстаном и Туркменистаном в нефтегазовом секторе.	139

<i>Сахатова Г.С.</i> О некоторых экспрессивно окрашенных глаголах (пере)движения в тюркских языках	145
<i>Тимохин Д.М.</i> О роли кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака в борьбе между Хорезмом и кара-китаями: по данным арабо-персидских источников	148
<i>Халлиева Г.И.</i> С.Н. Иванов о тюркской газели	151
<i>Хана Я. Ю. Дж.</i> Турецкие и персидские заимствования в иракском диалекте	156
<i>Ханипова Д.А.</i> Женские образы в современной казахской литературе (на примере произведений М. Омаровой)	165
Сведения об авторах	171

К. А. Алиева

К вопросу о формах со значением перфекта в древнеуйгурском языке

Аннотация: В предлагаемой статье на основе фактов древнеуйгурского языка рассматриваются морфологические средства выражения значений, входящих в спектр crosslinguistic gram type — «универсального категориального типа» — перфект. При анализе памятников древнеуйгурского языка было установлено, что наиболее продуктивным средством выражения перфекта являются морфологические средства, среди которых наиболее часто встречается глагольно-именная форма *-miš* и вариации ее употребления.

Ключевые слова: аспект, перфект, глагол, древнеуйгурский язык, аналитические сочетания.

К. А. Alieva

On the forms expressing Perfect in the Old Uyghur language

Abstract: Article examines grammar tools expressing crosslinguistic gram type of perfect in the Old Uyghur language. The study points out that most productive tools to express the Perfect are morphologic forms. Analysis shows that most frequent forms to express perfect meanings used in the manuscripts are the *-miš* form and its variants.

Key words: aspectuality, crosslinguistic gram type, perfect, Old Uyghur, analytical verb.

В современной лингвистике вопрос о семантической природе перфекта, определения области значений и грамматических средств выражения не теряет своей актуальности. При анализе различных языков мира становится очевидным тот факт, что перфект представляется обширной семантической зоной, включающей самые разные аспектуальные и эвиденциальные значения. В работах Бондарко, Маслова, Comrie, Bybee, Dahl, Lindstedt подробно рассматриваются аспектуальные значе-

ния и их конкретные грамматические реализации в разноструктурных языках. В частности большое внимание уделяется определению семантической зоны перфекта и ее свойствам, характерным для индоевропейских языков. По результатам анализа языковых фактов и теоретизации полученного материала Б. Комри, О. Даль, Дж. Байби, Й. Линдстедт пришли к выводу, что перфект следует рассматривать как некую аспектуально-временную семантическую зону. В рамках предложенного ими подхода перфект понимается как *универсальный категориальный тип*, или *crosslinguistic gram type*.

В настоящей работе предлагается под *перфектом* понимать спектр значений, способных указывать на: результат ситуации в прошлом; ситуацию, которая имела место до момента речи; на актуальность ситуации, начавшейся в прошлом, до момента речи; близость ситуации, произошедшей в прошлом, к моменту речи. В работе проводится анализ грамматических средств выражения наиболее часто встречающихся значений, закрепленных за категориальным типом перфекта в языках мира и реализуемых в древнеуйгурском языке. Анализ языковых фактов продемонстрировал, что семантическая зона *перфекта* пересекается с зонами эвиденциальности и модальности.

Исследование проводится на материале древнеуйгурских памятников буддийского содержания, датируемых примерно X веком: *Уйгурская версия биографии Сюань-Цзана* и уйгурская версия тохарской сутры *Maitreyasamiti-Nāṭaka*.

В ходе исследования анализу подлежали морфологические средства, выражающие значения:

- *результативного перфекта*: глагольно-именная форма *-miš-* в функции финитной формы, аналитическое сочетание *-miš bol-*, аналитическое сочетание *-miš er-*, форма *-miš* в адъективной функции, форма *-miš* в сочетании с послелогом *teg*, форма *-miš-* в сочетании падежными формами (дательном-местным, местно-исходным, винительным, родительным), форма *-miš-* в сочетании с формой экватива, форма *-miš* в сочетании с предикативом *kärgäk*;
- *экспериментального перфекта*: глагольно-именная форма форма *-miš-* в функции финитной формы, аналитическое сочетание *-miš bol*, аналитическое сочетание *-miš er-*, форма *-miš* в адъективной

функции, форма *-miš-* в сочетании с формой экватива, форма *-miš* в сочетании с предикативом *bar*, форма *-miš-* в сочетании с модальным словом.

В древнеуйгурском языке также функционируют формы, способные выражать значения плюсквамперфекта и перфекта в будущем.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что спектр значений *перфекта* в древнеуйгурском языке лимитирован. Обнаруженные средства выражения перфектных значений не являются регулярными морфологическими средствами. Анализ контекстуальных ситуаций употребления морфологических средств — носителей значений перфекта — дает основание полагать, что семантическая зона перфекта в древнеуйгурском языке отличается гетерогенностью.

Т. Б. Бекджаев

Ставропольские туркмены в трудах лингвистов Туркменистана

Аннотация: Туркмены, мигрировавшие на территорию России, в XVII в. обосновались в Ставрополе. Со второй половины XIX в. российскими учеными широко изучается культура, национальные особенности, язык ставропольских туркменов. Такая деятельность развернулась и в Туркменистане начиная с 50-х годов XX в. Объектом научного исследования туркменских ученых стали не только языковые особенности ставропольских туркменов, но и их этнография, фольклор, литература. К настоящему времени в научно-исследовательских институтах и на филологических факультетах вузов Туркменистана выполнен ряд научных исследований, посвященных ставропольским туркменам.

Ключевые слова: ставропольские туркмены, туркменский язык, диалект, ставропольский говор туркменского языка.

Т. В. Bekjajev

Stavropol Turkmens in the works of linguists of Turkmenistan

Abstract: In XVII century Turkmens moving to the territory of Russia settled in Stavropol. Starting from the second half of XIX century the culture, national peculiarity, language, literature of Turkmens have been studied by the Russian scientists. This work was of wide range starting from the 50-s of XX century. Turkmen linguists analyzed not only the language peculiarities of Stavropol Turkmens, but also their ethnography, folk art, literature from the scientific bases. Lots of scientific works on Stavropol Turkmens were carried out in the philological faculties of the higher educational establishments, in the scientific-research institutions of Turkmenistan.

Key words: Stavropol Turkmens, the Turkmen language, dialect, Stavropol dialect of the Turkmen language.

В XVII в., точнее в 1653 г. племена союзджаджи, игдир, човдур и абдал из Мангышлака и Балкана совершили миграцию в европейскую часть России — на Северный Кавказ. Таким образом, несколько сот се-

мей туркменов осели в Ставропольском крае и впоследствии начали называться ставропольскими туркменами.

Основная часть трудов, написанных о ставропольских туркменах, принадлежат русским ученым. Однако начиная с конца 50-х годов XX в. и в Туркменистане начались фундаментальные исследования, посвященные языку, литературе, культуре ставропольских туркмен.

Достойное место среди них занимают работы, выполненные доктором филологических наук С. Куреновым [4; 5; 6]. Результатом глубокого изучения языковых особенностей ставропольских туркмен С. Куреновым стала защита кандидатской диссертации на тему «Говор северокавказских (Ставропольских) туркмен» [7]. В работе описываются фонетическая, морфологическая, лексическая системы языка ставропольских туркмен.

Монография С. Куренова «Ставропольские туркмены и их культурное богатство» [8] отличается широтой охвата границ изучаемых вопросов. В ней представлены историко-географические сведения о переселении туркмен на Северный Кавказ и их размещении в Астраханской и Ставропольской губерниях, об их разделении на племена и роды. Также скрупулезно исследуются распространение туркменских дестанов среди ставропольских туркмен, их музыкальное искусство, народные бахши (певцы) и поэтическое творчество.

Известно, что среди ставропольских туркмен широкой известностью пользуются стихи великого туркменского поэта Махтумкули. Это отмечал еще академик В. В. Бартольд: «...поэт Махтум-Кули, из гёкленов, сделался национальным поэтом для туркмен, в том числе и для ставропольских» [2: 614]. В монографии С. Куренова анализируются образцы литературного наследия Махтумкули, известные среди ставропольских туркмен, их отличия от рукописных образцов, распространенных на исторической Родине. Автор изучает и факты о ставропольских туркменских поэтах, об их творчестве. Сравнение литературного туркменского языка и языка ставропольских туркмен также приводит к интересным выводам.

В результате исследований С. Куренова в туркменской лингвистике повышается интерес к изучению ставропольских туркмен. В исследованиях, связанных с диалектологией туркменского языка, стали чаще обращаться к особенностям разговорной речи ставропольских туркмен.

В работе «Очерк диалектов туркменского языка» [10], которая посвящена истории исследования диалектов и говоров туркменского языка, их фонетических, морфологических, лексических и синтаксических особенностей, объектом отдельного изучения стали язык и речь ставропольских туркмен, отличительные и общие стороны этого диалекта и литературного туркменского языка.

Слова диалекта ставропольских туркмен включены в книгу «Краткий диалектологический словарь туркменского языка» [3], куда вошли слова малоупотребительные в современном туркменском литературном языке, но активные в основных его диалектах.

В учебниках по туркменской диалектологии для филологических факультетов вузов Туркменистана в хронологическом порядке освещены фонетические, грамматические, лексические особенности языка ставропольских туркмен и история их изучения [1; 9].

В настоящее время объекты туркменского языка, в том числе язык ставропольских туркмен как объект научных исследований, изучаются в Туркменском государственном университете им. Махтумкули, в педагогическом институте им. Сеиди, в Национальном институте мировых языков им. Азади, Институте языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана.

Литература:

1. Амансарыев, Дж. Туркмен диалектологиясы. — Ашгабат, 1970.
2. Бартольд, В. В. Сочинения. — Т. II. — Ч. 1. — М., 1963.
3. Краткий диалектологический словарь туркменского языка. — Ашгабат, 1977.
4. Куренов, С. Демиргазык Кавказ (Ставрополь) туркменлеринин геплешигинин кэбир морфологик айрагынлыклары // Известия Академии наук Туркменской ССР. — № 3. — 1958.

А. А. Бурькин, В. А. Попов

Термины родства и свойства тувинцев: этнолингвистические параллели

Аннотация: В статье проводятся этнолингвистические параллели терминов родства и свойства тувинцев с соответствующими терминами других тюркоязычных народов Сибири, а также с терминами монголоязычных и тунгусо-маньчжурских народов. Материалы статьи свидетельствуют об интенсивных связях между предками этих народов (прежде всего ойратских) с предками тувинцев.

Ключевые слова: тувинцы, тюркские языки, монгольские языки, термины родства и свойства, антропология родства, этнолингвистические контакты.

А. А. Burykin , V. A. Popov

Kinship terms and properties of Tuvans: ethno-linguistic Parallels

Abstract: The article draws ethnolinguistic parallels of the terms of kinship and affinity of Tuvans with the corresponding terms of other Turkic-speaking peoples of Siberia, as well as with the terms of Mongol-speaking and Tungus-Manchu peoples. The materials of the article indicate intensive connections between the ancestors of these peoples (primarily Oirat) and the ancestors of the Tuvans.

Key words: Tuvans, Turkic languages, Mongolian languages, kinship terms and affinity, anthropology of kinship, ethnolinguistic contacts.

Для системы терминов родства (СТР) тувинцев в целом характерна строгая соотнесенность терминов родства (ТР) по признаку пола как по восходящей, так и по нисходящей линиям. Неразличение пола младших сиблингов эго сближает СТР тувинцев с СТР калмыков и других ойратских народов [7: 7–8, 10–11]. При этом лексема *дуңма* не имеет ярко выраженных параллелей в тюркских языках. Варианты этого слова с начальным звонким согласным *д-* в других языках вообще не зафиксированы, но вариант *туңма* отмечен в языке лебединских татар (алтайском), шорском, койбальском и хакасских диалектах (сагайском и качинском)

[9: стлб. 1435]. Очевидно, данная лексема не является тюркской по происхождению. Она сравнима с монгольским словом *дуу* — ‘младший сиблинг’ и, возможно, заимствована тувинским (и хакасским) из какого-то ойратского языка, в котором имелась категория принадлежности в форме 1 л. ед. ч. [3].

Показательно отсутствие в СТР тувинцев особых лексических единиц для обозначения потомков –2 поколения. Это же явление характерно для тунгусо-маньчжурских языков, однако оно не характерно для монгольских языков, в СТР которых признак поколения имеет намного большую значимость, а различие признака поколений на лексическом уровне охватывает как минимум три поколения по восходящей и нисходящей линиям.

ТР *уруг* ‘дочь’ является эксклюзивным для тувинского языка и, скорее всего, заимствован из монгольских языков, где слово *ураг* имеет значение ‘родственник’. Сравнение его с древнетюркским *уруг* со значениями: ‘зерно, семя, косточка’, а также ‘род, потомство’ [4: 615] нам не кажется убедительным.

Противопоставление предков и потомков эго по патри- и матрилиниям в СТР тувинцев прослеживается только в виде особого наименования матери матери — *даай-эне*. Если рассматривать внутреннюю форму этого ТР, то буквально он означает ‘мать мужского сиблинга матери’. Возможно, он калькирован с ойратского *наһц эк, наһц ээж* — ‘мать матери’ у калмыков.

В тувинской СТР привлекают внимание обозначения альтеров +1 поколения. Во-первых, это противопоставление сиблингов родителей и их супругов, т. е. различие кровного родства и свойства в боковых линиях. Сходное явление отмечено и у калмыков. Во-вторых, в ТР тувинцев наблюдается так называемый скользящий счет поколений, при котором наименования старших сиблингов эго используются для обозначения младших сиблингов родителей эго: ср. *акы* — ‘старший мужской сиблинг, младший мужской сиблинг отца’, *угба* — ‘старший женский сиблинг, младший женский сиблинг отца’. В свою очередь, этот факт указывает на былую значимость признака возраста альтера для выражения этих отношений, однако в современном тувинском языке признак возраста альтера в этой группе ТР, очевидно, нейтрализован. Пол коннектора, соотносимый с родством по отцовской и по материнской линиям, при этом продолжает оставаться значимым. Следует отметить, что

термин *акы* в качестве апеллятива используется для обращения и к брату отца, и к брату матери (т. е. замещает специализированную лексему *даай*, что указывает на ослабление противопоставленности мужской и женской линий в номинации мужских сиблингов родителей эго).

Еще одна интересная деталь тувинской СТР заключается в использовании основы *даай*, имеющей значение ‘мужской сиблинг матери’, для выражения понятия ‘женский сиблинг матери’ — *даай-ава*. Трудно не заметить компонент *ава* (‘мать’) в составе сложного ТР. Сдвиг признака поколения и замещение его возрастным признаком, объединяющим два поколения (0 и +1) старше эго по возрасту, соотносится с некоторыми явлениями в терминах свойства (ТС). Это многозначность слов *каты* — ‘отец супруги’, ‘старший мужской сиблинг супруги’, *кат-ие* — ‘мать супруги’, ‘старший женский сиблинг супруги’, *бег*, *бээ* — ‘отец супруга’, ‘старший мужской сиблинг супруга’, *кунчуг*, *кунчуу* — ‘мать супруги’, ‘старший женский сиблинг супруга’.

Не может остаться без внимания и сходство термина *ача* ‘отец’ с монгольским обозначением потомка в –2 поколении: ср. калм. *ачнр*, ст.-калм. *аси* (ед. ч.) — ‘дети сына’. Впрочем, нельзя исключать и того, что данная форма представляет собой монгольское слово со значением ‘отец’ (калм. *эчке*) с измененной огласовкой. В. В. Радлов предположил, что форма *ача* может восходить к праформе **атача* [8: стлб. 502], однако это все же маловероятно.

Самая примечательная особенность номенклатуры родства тувинцев — это большое своеобразие ТС и, прежде всего — неразличение свойства по признаку поколения: ТС для отца/матери и для старших сиблингов супруга или супруги являются одними и теми же, но они противопоставлены отдельным ТС для младшего сиблинга супруга/супруги. Другая особенность ТС тувинцев — неразличение пола младшего сиблинга супруга/супруги.

В сравнительно-историческом отношении заслуживают внимания также тувинские ТС, содержащие компонент кат-: *каты* — ‘отец жены’, *каты*, *кадайның акызы* — ‘старший мужской сиблинг жены’, *кат-ие* — ‘мать жены’, ‘старший женский сиблинг жены’. Этот компонент является тождественным исторически алтайскому слову *кайны*, обозначающим свойственников, и оба слова соотносятся с монгольским *хадум*, обозначающим некровных родственников вообще, ср. также калм. *хадм эцк* — ‘отец жены/мужа’, ст.-калм. *xadam* ‘родня мужа или жены’, калм.

хадм эк — ‘мать жены/мужа’, *хадм ах* — ‘старший мужской сиблинг жены’, *хадм эгч* — ‘старший женский сиблинг жены’, *хадм ах* — ‘старший мужской сиблинг мужа’, *хадм эгч* — ‘старший женский сиблинг мужа’.

Помимо названий родственников мужа для Эж, к монгольским заимствованиям могут быть отнесены также слова куда ‘сват’ и *кудагай* ‘сватья’, при этом только форма *кудагай*, отмеченная также в хакасском и якутском языках (ср. хакасск. *худаңай*, якут. *ходогой* ‘сватья’), указывает на то, что данные слова заимствованы тюркскими языками из монгольских, а не наоборот. Аналогичным образом термин *бажа* ‘своjak’, который также является тюрко-монгольским, отмечается не только в тувинском, но и в других тюркских языках [3].

Исследование СТР тувинцев подтверждает, что ТС обладают большей устойчивостью и лучшей сохраняемостью, нежели ТР. Поэтому, едва ли есть основания объяснять факт сходства тюркских и монгольских ТС как результат заимствования их монголами у тюрков. Изучение региональных вариантов СТР тувинцев показывает значительную степень влияния СТР монголоязычных народов на тувинскую [5; 6; 1; 2], что, однако, характерно для отдельных групп тувинцев, испытывающих на себе позднейшее монгольское влияние. Ср. тув. *угбай* (‘сестра’) — *эгчи* (монг. *эгч*) [1: 38; 2: 25], много монгольских ТР параллельно с тувинскими употребляют тувинцы-эрзинцы [6: 251], что явно является следствием языковых контактов с монголами-ойратами.

Литература:

1. Айыжы, Е. В. Родовые группы тувинцев Кобдоского аймака Монголии на современном этапе (по материалам полевых исследований) / Е. В. Айыжы, А. А. Конгу // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2013. — № 1. — С. 36–40.
2. Айыжы, Е. В. Тувинцы Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая (по материалам этнографической экспедиции в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая) / Е. В. Айыжы, А. А. Конгу // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2013. — № 1 (3). — С. 23–27.
3. Бурькин, А. А. Терминология родства тувинцев в сравнении с терминами родства других тюркских народов Южной Сибири / А. А. Бу-

- рыкин, Н. И. Летагина // Алгебра родства / отв. ред. В. А. Попов. — Вып. 4. — СПб.: МАЭ РАН, 1999. — С. 179–196.
4. Древнетюркский словарь / Д. М. Насилов, В. М. Наделяев, А. М. Щербак и др. — 2-е изд. — Астана: Гылым баспасы, 1969.
 5. Кара-оол, Л. С. О некоторых особенностях терминов родства в кара-хольском говоре западного диалекта тувинского языка // Становление и развитие науки в Туве. Материалы международной конференции, посвященной 70-летию тувинской письменности / отв. ред. Х. Д.-Н. Ооржак и др. — Кызыл: Изд-во ТГУ, 2000. — С. 83–85.
 6. Кара-оол, Л. С. О некоторых особенностях функционирования терминов родства у тувинцев-эрзинцев // Алгебра родства / отв. ред. В. А. Попов. — Вып. 7. — СПб.: МАЭ РАН, 2001. — С. 248–254.
 7. Попов, В. А., Бурькин, А. А. Калмыцкая терминология родства как отражение исторических связей и этнокультурных контактов Ойратского мира и тувинцев / В. А. Попов, А. А. Бурькин // Новые исследования Тувы. — 2019. — № 4. [Электронный ресурс]. — URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/877> (дата обращения: 20.02.2020).
 8. Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. — СПб.: Типография АН, 1888. — Т. I. Гласные. — XVIII с., 1914 стлб.
 9. Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. — СПб.: Типография АН, 1905. — Т. III. — 2203 стлб.

С. К. Бычкова

Анализ орхонских рунических памятников с грамматической и структурной точек зрения

Аннотация: Древнетюркские рунические орхонские памятники неоднократно становились объектом научных исследований. Данная статья посвящена анализу формы записи текстов орхонских рунических памятников, а также такой особенности грамматического строя тюркских языков, как эпифористическая и анафористическая эвфония.

Ключевые слова: тексты орхонских рунических памятников, форма, стихи, проза, эпифористическая и анафористическая эвфония.

S. K. Bychkova

Analysis of the Orkhon runic texts: grammatical and structural aspects

Abstract: Orkhon runic monuments have repeatedly become the object of scientific research. This article is devoted to the analysis of the form of writing the texts of the Orkhon runic monuments, as well as such a feature of the grammatical structure of the Turkic languages as epiphoric and anaphoristic euphonies.

Key words: texts of the Orkhon runic monuments, form, poems, prose, epiphoric and anaphoric euphonies.

Прежде чем мы перенесемся в тюркский мир VII–IX вв., когда были созданы орхонские рунические памятники, исследуемые автором данной работы с формообразующей и грамматико-структурной точек зрения, хочется задать философский вопрос: что есть истинное познание. Это необходимо, так как для любого исследования проблема объективности и точности познания чрезвычайно актуальна и важна. Объективное познание дает возможность исследователю обладать бесценным подарком: ключом к прочтению изучаемого объекта. Субъективизм же ослепляет ученого и не дает ему шанса увидеть даже лежащий на по-

верхности ответ на интересующий его вопрос. Исследовательнице необходимо всегда обращать внимание на оригинальную форму записи того произведения, которое является объектом его исследования, абстрагироваться от субъективного видения исследуемого текста и помнить про то, что им не сочиняется новое произведение, а изучается написанное ранее, следовательно, должно быть каких-либо корректив структуры или текста содержания. Чрезвычайно важно пытаться максимально подробно изучить находящийся в распоряжении исследователя материал и прийти к каким-либо выводам, не изменяя сам объект исследования.

С точки зрения автора настоящей работы, отнюдь не следует пренебрегать формой текстов орхонских рунических памятников, а наоборот, должно использовать ее для разрешения поставленных вопросов. Соответственно, предположение некоторых ученых о том, что форма написания текстов памятников может не приниматься во внимание как существенный фактор и быть самовольно изменена на строфическую путем деления текста на строки, едва ли можно считать правомерным и научным. Примечательно, что С. Е. Малов в своей книге «Памятники древнетюркской письменности» не делит текст памятников на строки, а точно следует авторской схеме записи. [3: 33]. Тем самым он дал возможность многим ученым использовать свой труд как канонический текст для исследований орхонских текстов. Однако сохранение формы оригинального текста орхонских рунических памятников наблюдается не во всех трудах ученых, например, в работах И. В. Стеблевой текст памятников был разбит на состоящие в основном из четверостиший строки. Исследователь в качестве аргументации использует то, что именно такое построение текстов, т. е. строфическое, выглядит результатом «сознательного оформления мысли» [4: 12], хотя при этом в самих памятниках не наблюдается строфического деления. Текст памятников записан в форме, характерной для прозаического текста, без соблюдения норм стихотворной записи. Следует заметить, что правила стихотворного построения произведения с большой долей вероятности могли быть известны тюркам второго Тюркского каганата вследствие того, что культуры тюркского мира и Китая в VII–IX вв. теснейшим образом были взаимосвязаны, а в тот период в Китае как раз наблюдался расцвет классической древнекитайской поэзии, в которой соблюдалось строгое следование каноническим поэтическим требованиям, что могло оказать воздействие на тюркскую поэтическую традицию. Поэтому сле-

дует считать ненаучным самовольное, ничем не оправданное изменение формы записи текстов орхонских памятников.

После освещения вопроса значимости формы канонического текста орхонских памятников для исследований любого характера важно упомянуть, что предпринимались попытки разбить текст орхонских памятников на поэтические строфы вследствие наличия в нем эпифористической и анафористической эвфоний. Необходимо выяснить: справедливо ли считать текст орхонских рунических памятников стихотворным на основании того, что в нем есть эвфония звуков, или же наличие данного явления никак не может выступать в качестве доказательства стихотворной принадлежности орхонских текстов.

Вследствие наличия в текстах памятников тенденции к соблюдению порядка слов частым явлением в них является грамматическая эвфония флексий, что И. В. Стеблева в своих работах называет грамматической рифмой. Согласно порядку расположения синтагм в тюркском предложении, сказуемое должно стоять в конце, если не требуется нарушить порядок компонентов в предложении посредством инверсии, тем самым придав ему особую выразительность. Поскольку тексты орхонских памятников рассказывают о событиях, связанных со временем образования второго Тюркского каганата, его борьбой за независимость, почти везде встречаются в конце предложений у сказуемых аффиксы прошедших времен *-dı* и *-tıǵ*, также встречаются показатели настоящего-будущего времени *-аг*. Из-за этого можно говорить об эвфонии, созданной грамматическими средствами, но не авторскими интенциями. Делать вывод о стихотворной принадлежности орхонских текстов, основываясь на наличии в них грамматического созвучия, причем не везде соблюдаемого, не представляется возможным. Можно сказать с большой долей вероятности, что эвфония такого рода была использована автором лишь вследствие необходимости передать историческое ретроспективное видение событий в форме прошедшего времени и дать описание происходящему от первого лица в форме настоящего времени посредством оборотов с прямой речью.

Кроме грамматической рифмы, И. В. Стеблева выделяет начальную «рифму» в качестве свидетельства принадлежности орхонских текстов к поэтическому языку [4: 7]. Однако, проанализировав тексты орхонских памятников, можно сделать вывод, что «анафористическая аллитерация» наблюдается в так называемых «четверостишиях» И. В. Стебле-

вой в различных сочетаниях (abbc, abcb, aabb, abaa, abac, aabc, abcc, т. е. «сочетания корреспондирующих строк очень разнообразны») [4: 27] или вовсе отсутствует. Вследствие своей чрезмерной вариативности и несистемности едва ли правомерно считать наличие анафористической аллитерации показателем принадлежности орхонских текстов к поэтическим произведениям.

Более того, можно сделать предположение, что наличие аллитерации в орхонских текстах не должно выступать доказательством принадлежности данных текстов к поэтическому языку, поскольку повторение одинаковых или созвучных согласных в синтаксических единицах является характерной особенностью тюркских языков. Это явление может встречаться в анафоре и в эпифоре слов и словоформ с одинаковой регулярностью как в прозаических, так и в стихотворных произведениях.

Для доказательства справедливости данного утверждения можно привести прозаический художественный текст, написанный тюркским языком, где читатель непременно встретится с обилием аллитерирующих звуков как в корнях слов, так и в аффиксах. Возьмем отрывок из современного прозаического произведения «Şu Çilgin Türkler», написанного Тургутум Озакманом. Для начала запишем его в исконном прозаическом виде, а потом разделим его самовольно, как делает И. В. Стеблева с руническими текстами, на строки и посмотрим, как тюркская проза может органично вписаться в стихотворную форму.

Запись отрывка текста без каких-либо правок исследователя, в первоначальном виде:

«Birkaç adım yürüdü. Sonra dayanamadı, heyecanla koşmaya başladı. Yangın yerinden çıkıp yolu geçtiler, dağa vurdular. Küçük kız üsteğmenin atının yanında, atın tayı gibi koşuyordu». [6: 364].

Невозможно не обратить внимания на количество аллитерирующих звуков в нескольких предложениях повествовательного характера:

- «t»: birkaç, yürüdü, yerinden, geçtiler, vurdular;
- «d»: adım, yürüdü, dayanamadı, başladı, yerinden, dağa, vurdular, yanında, koşuyordu;
- «k»: birkaç, koşmaya, çıkıp, küçük, kız, koşuyordu;
- «ç»: birkaç, çıkıp, geçtiler, küçük;
- «n»: sonra, dayanamadı, heyecanla, yangın, yerinden, üsteğmenin, atının, yanında, atın;
- «l»: heyecanla, başladı, yolu, geçtiler, vurdular;

- «t»: *üsteğmenin, atının, atın, tayı*;
- «y»: *yürüdü, dayanamadı, heyecanla, koşmaya, yangın, yerinden, yolu, tayı, koşuyordu*;
- «m»: *adım, dayanamadı, koşmaya*;
- «ş»: *koşmaya, başladı*.

Число повторяющихся звуков, если брать за единицу одно предложение, не может не впечатлить читателя, не знакомого с наличием столь интересной черты всех без исключения тюркских языков, как обилие аллитерации в словах и производных формах. В конце каждого предложения можно увидеть аффикс прошедшего времени *-dı* 3-го лица, употребленный или в единственном, или во множественном числе, также можно встретить показатель родительного падежа в изафетной конструкции 3 типа *-nın*, который требует перед собой наличия разделительного «n», если должен присоединиться к словоформе с аффиксом принадлежности, заканчивающимся на гласный. Следовательно, на этом примере можно убедиться в правильности довода о том, что созвучие конечных аффиксов в словоформах тюркских языков обусловлено особенностью грамматики этих языков. Как можно заметить, данное явление совершенно не обязательно для стихотворных произведений и, соответственно, не может считаться однозначным признаком того, что перед нами именно стихи. В корнях многих слов и словоформ также встречаются повторяющиеся согласные, что уже, конечно, не может быть объяснено грамматической особенностью тюркских языков, ведь префиксы не присутствуют в данных языках, все грамматические показатели следуют после корня, присоединяясь к нему согласно таксономии показателей конкретного класса лексем, однако анафористическая аллитерация не уступает по степени распространенности аллитерации в эпифоре.

Теперь проведем запланированный эксперимент, самовольно разделив взятый отрывок на строки, и посмотрим, способна ли тюркская авторская проза путем деления на строки превратиться в стихи.

**«Birkaç adım yürüdü.
Sonra dayanamadı,
Heyecanla koşmaya başladı.
Yangın yerinden çıkıp
Yolu geçtiler,
Dağa vurdular.**

Küçük kız
Üsteğmenin atının yanında,
Atın tayı gibi koşuyordu» [б: 364].

Если не знать, что это отрывок из прозаического текста, с большой долей вероятности можно было бы поддаться искушению разнообразных вариантов эвфонии звуков и предположить, что это стихи вследствие относительного соблюдения рифмы и созвучия согласных. Вывод таков: не стоит полагаться только на зрительно-сравнительный фактор: «зрительная» эвфония не дает ответа на вопрос о форме написания произведения, а наличие междусловной анафористической и эпифористической эвфоний не может указывать на то, что исследуемые тексты относятся к стихотворным произведениям.

Однако если причина появления эвфонии в эпифоре очевидна — необходимость, обусловленная грамматикой тюркских языков, то как объяснить чрезвычайно развитую анафористическую аллитерацию в текстах орхонских рунических памятников?

С нашей точки зрения, наличие аллитерации в анафоре можно объяснить соблюдением принципа глухоначальности в древнетюркских языках. Следует принять во внимание тот факт, что в современном турецком языке аллитерация в анафоре выражена немного слабее, чем в языке орхонских памятников. Если перечислить парные согласные (звонкие и глухие) в рунике и взять только те, которые передавали глухие звуки, то окажется, что спектр глухих согласных, с которых может начинаться, согласно принципу глухоначальности, корень слова в языке текстов орхонских памятников, не так уж и велик. Есть также согласные, не имеющие пары, так называемые сонорные. Их стоит отдельно упомянуть, рассуждая о принципе глухоначальности. Есть разные точки зрения: одни исследователи считают, что принцип глухоначальности заключается в том, что в аналауте употребляются глухие варианты согласных из парных, не обращая особого внимания на употребление сонорных в этом случае и делая акцент на том, что существует одна звонкая согласная *b*, которая несмотря на то, что передает звонкий «б», может стоять в аналауте. Другие же воспринимают сонорные согласные как звонкие, которые, подобно звонким парным, в основном подчиняясь принципу глухоначальности, не встречаются в аналауте. Например, с точки зрения Н. З. Гаджиевой, «первоначальное отсутствие сонантов *m*, *p*, *l*, *n* в исконно тюркских словах (есть основания рассматривать «*m*»

как результат фонетического развития согласного «б») является также одним из доказательств того, что начало слова действительно было глухим; поскольку, как известно, названные выше сонанты ведут себя в языке как звонкие согласные» [1: 66]. При этом не стоит отрицать наличия среди сонорных согласных исключений, нарушающих абсолютное соблюдение этого принципа. С некоторых сонорных, а именно с j, n, m, могут начинаться слова в древнетюркском руническом языке. Тем не менее остальные сонанты (р, л) подчиняются этому правилу. По крайней мере, в данных текстах не наличествуют примеры, которые бы доказали, что с этих согласных тоже начинались слова в древнетюркском языке орхонских памятников.

Осветив на вопрос о принципе глухоначальности, можно прийти к следующему умозаключению: вследствие наличия в языке орхонских памятников принципа глухоначальности повышается вероятность того, что в данных текстах слова могут начинаться с одних и тех же согласных. Обращаясь к текстам памятников, мы действительно преимущественно встречаемся со словами, начинающимися с глухих парных согласных, в редких случаях с некоторых сонорных и с одной звонкой согласной, имеющей пару (то есть с «б»). Спектр согласных, с которых мог начинаться корень слова, являлся относительно небольшим. Таким образом, тот факт, что некоторые «строки» в орхонских текстах могут начинаться с одинаковых букв, не должен подводить исследователя к мысли о принадлежности данных текстов к стихотворным произведениям по причине того, что, во-первых, не совсем правомерно и корректно говорить о «междустрочной» анафористической аллитерации в орхонских рунических текстах, так как в оригиналах данных памятников не наблюдается деления текстов на строки, а во-вторых, даже если не принимать во внимание столь важный фактор, наличие «богатой» [4: 28] междусловной аллитерации все равно не может служить веским доказательством отнесения текстов данных памятников к стихотворным произведениям вследствие наличия в языке текстов орхонских памятников принципа глухоначальности. Немаловажно, что огромных пластов заимствований, которые могли бы нарушить этот принцип, к тому времени в тюркский словарь внесено еще не было, большинство слов было исконно тюркского происхождения.

Таким образом, делать вывод о принадлежности текстов тюркских орхонских рунических памятников к произведениям, написанным в сти-

хотворной форме, на основании наличия в них «междусловной» аллитерации в анафоре (о «междустрочной анафористической аллитерации» даже не стоит упоминать) без какой-либо системы совершенно не научно и опрометчиво. Нельзя согласиться с мнением, что аллитерация в эпифоре может выступать в качестве доказательства стихотворной принадлежности орхонских текстов. Эвфония, обусловленная аллитерацией, в конце тюркских слов — это очень частое явление, за счет прикрепления к основам слов одних и тех же показателей. Эвфонию в эпифоре, которая наличествует в большом количестве в конце искусственно выделенных некоторыми исследователями «строк», не представляется возможным рассматривать как авторскую интенцию для реализации поэтической формы произведения. Созвучие конечных флексий в словоформах — это грамматическая особенность тюркских языков.

Литература:

1. Гаджиева, Н. З. О трех этапах изменений анлаутных согласных в истории тюркских языков // Тюркологический сборник. 1974. — М.: Наука, 1978. — С. 65–71.
2. Кравцова, М. Е. Поэзия вечного просветления. — СПб.: Наука, 2001.
3. Малов, С. Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.
4. Стеблева, И. В. Поэзия тюрков VI–VIII веков. — М.: Наука, 1965.
5. Стеблева, И. В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. — М.: Наука, 1976.
6. Turgut Özakman. Şu Çılgın Türkler. — Ankara.: Bilgi yayınevi, 2005.

Н. Н. Гейгер

Востоковед Арминий Вамбери как один из родоначальников движения пантуранизма

Аннотация: Исследование посвящено деятельности востоковеда Арминия Вамбери как теоретика пантуранизма и пантюркизма. Целью работы является попытка определения роли ученого в формировании идеологий пантуранизма и пантюркизма. Актуальность исследования объясняется растущей популярностью пантюркистской идеологии как в Турции, так и в других тюркоязычных государствах, а также тем, что работы А. Вамбери мало изучены в нашей стране. В ходе исследования были использованы труды А. Вамбери, посвященные указанной тематике.

Ключевые слова: пантюркизм, пантуранизм, Арминий Вамбери, тюркология.

N. N. Geiger

The scholar Arminius Vambery as one of the founders of the Pan-Turanist movement

Abstract: The current research focuses on the works of orientalist Arminius Vambery as a theorist of Pan-Turanism and Pan-Turkism. The aim of the work is to determine the role of the scholar in the formation of the ideologies of Pan-Turanism and Pan-Turkism. The relevance of the research is explained by the growing popularity of Pan-Turkist ideology both in Turkey and in other Turkic-speaking countries. Besides that, that the works of A. Vambery are poorly studied in our country. In the course of the research, the works of A. Vambery devoted to the topic given were used.

Key words: Pan-Turkism, Pan-Turanism, Arminius Vambery, Turkic studies.

Пантуранизм — политическое движение, которое ставит своей целью национальное и государственное объединение «туранских народов». Под «туранскими народами» подразумеваются тюркские, финно-угорские и тунгусо-манчжурские и монгольские народы. Одним из родоначальников движения пантуранизма считается австро-венгерский

востоковед Арминий Вамбери (1832–1913). Целью данного исследования является определение роли ученого в формировании идеологий пантуранизма и пантюркизма.

В некоторых своих работах А. Вамбери использовал термин «туранские народы» применительно к тюркским, финно-угорским, тунгусо-манчжурским и монгольским народам. Так, например, в «Очерках Средней Азии» востоковед подробно описал типы и нравы т. н. «туранских народов»: бурятов, киргизов, каракалпаков, туркмен и узбеков, а также посвятил «туранцам» целую главу, попытавшись разделить «туранские народы» по их внешности и традициям.

В своей самой известной книге «Путешествие в Среднюю Азию», опубликованной в 1864 г., А. Вамбери также говорит об идее объединения туранских народов в единое государство, таким образом отмечая, что анатолийцы (турки), азербайджанцы, туркмены, узбеки, киргизы и татары должны объединиться под властью османского султана.

В статье «Культурное движение среди русских татар» (1907), в которой А. Вамбери отмечал подъем общественной и культурной жизни среди татар (под татарами А. Вамбери понимал все мусульманские тюркские народы России), ученым был затронут вопрос очищения татарского языка от русизмов и, что самое интересное, была отмечена попытка известного теоретика Исмаила Гаспринского создать т. н. «*Lisan-ı Umumi*» (всеобщий язык), или «турецкий язык», который представляет собой нечто среднее между османским и татарским. Австро-венгерский ученый считает, что попытки унификации тюркских языков, с одной стороны, повлияют на национальную идентификацию тюркских народов, с другой — сослужат неоценимую услугу Босфору, поскольку за основу единого тюркского языка многие теоретики, в том числе Юсуф Акчура, принимали именно «османское наречие».

Таким образом, можно сделать вывод, что одним из источников пантюркизма и пантуранизма были идеи, содержащиеся в работах ряда европейских востоковедов и писателей, в том числе А. Вамбери. Едва ли А. Вамбери можно назвать главным теоретиком пантуранизма и пантюркизма, но совершенно точно он заложил фундамент для дальнейшего развития движения, которое «живет» и в наше время. Ему удалось предугадать настроения, которые впоследствии распространились уже в Османской империи и Турции.

Литература:

1. Вамбери, А. Культурное движение среди русских татар / пер. с нем. А. Н. Черновой // Лекции об Исламе / А. Вамбери, И. Гольдцигер. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. — Прил. — С. 276–302.
2. Вамбери, А. Очерки Средней Азии. — М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1868.
3. Вамбери, А. Путешествие по Средней Азии / пер. с нем. З. Д. Голубевой. — М.: Восточная литература РАН, 2003.

П. В. Гордеева

Переписка хана Арынгазы Абилгазыулы как источник сведений о российско-казахских отношениях в первой трети XIX века

Аннотация: В данной статье предпринята попытка рассмотреть российско-казахские отношения в первой трети XIX в. на примере переписки хана Младшего жуза Арынгазы Абилгазыулы с российскими ведомствами.

Ключевые слова: хан, Арынгазы Абилгазыулы, Младший жуз, Азиатский департамент МИД, ходатайство.

P. V. Gordeeva

Khan Aryngzy Abilgazyuly's correspondence as a source of information about Russian-Kazakh relationships in the first third of the 19th century

Abstract: This article attempts to consider Russian-Kazakh relations in the first third of the 19th century on the example of the correspondence of the Khan of the Junior zhuz Aryngazy Abilgazyuly with the Russian departments.

Key words: khan, Aryngazy Abilgazyuly, the Junior zhuz, Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs, petition.

В начале XIX в. казахский народ переживал непростой период. С одной стороны, продолжался процесс интеграции казахских земель в состав Российской империи, урегулирования территориальных споров между казахами и уральскими казаками в Младшем жузе. По отношению к казахской Степи был выбран путь инкорпорации [5: 51]. Решался вопрос о судьбе ханской власти: в Азиатском департаменте МИД обсуждались варианты ее ликвидации либо введения совместного правления двух и более ханов. С другой стороны, отсутствие централизованного ханства и разобщенность не только между жузами, но и внутри их делало казахов уязвимыми перед Хивинским, Бухарским и Кокандским ханствами. В частности сложившейся в Младшем жузе ситуацией активно пользовалась Хива, стремившаяся подчинить сырдарьинских и

мангышлакских казахов, обложить их данью, использовать в борьбе против России [1].

В это непростое время к власти пришел хан Арынгазы, выходец из аристократической казахской среды, потомственный чингизид, внук хивинского хана Каипа Батырулы. Молодой Арынгазы быстро обрел популярность в казахской среде и получил статус батыра (почетный титул у тюркских народов за военные заслуги) благодаря активным действиям, направленным на ликвидацию шаек разбойников. После смерти своего отца Абилгазы в 1816 г. он был выбран на курултае ханом казахских родов шекты, каракесек и торткара-сейткул Младшего жуза; на его стороне также были роды шомакей, жагалбайлы и часть рода жаппас [1]. Однако его статус не был признан ни Россией, ни Хивинским ханством.

Арынгазы четко следовал своим убеждениям, одним из его первых шагов в качестве хана была замена адата (обычного казахского права) на шариат. Последний представлял собой стройную и логичную систему, тогда как адат являлся совокупностью многовековых обычаев, законов и прецедентов, составлявших противоречивую систему права [10: 188]. Это нововведение позволило вскоре разрешить многие трения между казахскими племенами. Помимо этого хан Арынгазы продолжал бороться с разбойниками, применяя суровые наказания, и охранять торговые караваны, чем смог добиться умиротворения края. Оценивший успехи молодого хана новый губернатор Оренбурга П. К. Эссен взял его под свою опеку и в дальнейшем неоднократно обращался в Санкт-Петербург с просьбой расширить полномочия Арынгазы и сделать его единоличным правителем Младшего жуза.

Однако решительные действия Арынгазы и его популярность в казахской среде вызывали обеспокоенность в Петербурге. Там не были заинтересованы в сильной фигуре, имеющей потенциальную возможность в дальнейшем объединить под своей властью казахов и дать отпор российской экспансии. К тому же активная борьба с хивинским ханом могла окончиться масштабным столкновением, в которое была бы втянута и Россия, не рассчитывавшая на тот момент на ведение войны с Хивой. Тем не менее действия Арынгазы все же были отмечены, и в 1817 г. он был назначен председателем ханского совета [5: 52].

В 1819 г. П. К. Эссен ходатайствовал перед Александром I о признании императором «ханского достоинства» Арынгазы [3: 85]. В рапорте говорится, что к П. К. Эссену прибыл сам хан и поддерживавшие его

султаны (члены династии, происходившей от Чингизхана [6: 346]), бии (предводители родов и племен [6: 351]) и старейшины (всего 380 человек). Последние подали прошение об официальном титуле хана для Арынгазы, поскольку он обладал необходимыми для этого качествами и знатным происхождением, тогда как официально признанный российскими властями хан Ширгазы Айшуаков утратил доверие казахов, не пользовался среди них авторитетом и был слаб в управлении. Однако российские власти отклонили требования казахской знати, поскольку в Петербурге были обеспокоены столкновениями казахов и хивинцев на Сырдарье, при том, что Арынгазы фактически защищал там интересы российской стороны.

Несмотря на настороженность по отношению к Арынгазы, российские власти обращались к нему за помощью в сопровождении российских торговых караванов, идущих в Бухару и обратно. В 1820 г. к хану обратились с просьбой сопроводить российское посольство в Бухару во главе с А. Ф. Негри, с чем тот успешно справился и был награжден медалью и ежемесячным жалованьем [10: 192].

Тем не менее обострившиеся отношения между Младшим жузом, межродовая борьба внутри казахского общества вынудили российские власти в лице Азиатского департамента МИД вызвать Арынгазы со своей свитой в столицу. 6 июля 1921 г. хан отбыл в Петербург [1]. Там он пробыл больше двух лет, подавая прошения на аудиенцию у императора, однако тот отклонял их ввиду нелегитимного титула хана Арынгазы, не признанного официально российскими властями. Арынгазы считался важным, но все же частным лицом [1].

В 1821 г. группа султанов, биев и старейшин Младшего жуза прибыла к бухарскому эмиру с просьбой подать прошение российскому императору о возвращении хана Арынгазы на родину, где в его отсутствие участились случаи грабежей, угона скота, а также междоусобные столкновения [9].

В 1823 г. было принято решение сослать незаурядного хана Арынгазы (казахские багыры ввиду отсутствия ответа на их прошения нападали на Уральские и Оренбургские пограничные линии с требованиями вернуть хана и признать его статус легитимным [1]) в Калугу, куда он прибыл в мае того же года. О калужском периоде жизни непризнанного хана рассказывают материалы Государственного архива Калужской области [7; 8], в которых содержится переписка калужского полицмейстера и са-

мого хана Арынгазы с Азиатским департаментом МИД (она относилась к категории секретной) и Оренбургским военным губернаторством. Переписка касалась вопросов регламентации «внешних сношений» хана и членов его свиты, наблюдения за кругом общения, урегулирования споров, возникавших между Арынгазы и его приближенными.

Помимо свиты к Арынгазы был приставлен служащий в Коллегии иностранных дел титулярный советник Фролов, имевший секретную инструкцию о всех необходимых действиях. Ему предписывалось наблюдать за внешними сношениями султана и его свиты, а также за его перепиской, чтобы ни одно письмо к хану или от него не проходило мимо рук пристава [2: Л. 23]. Однако с надзором за перепиской Арынгазы сразу возникли проблемы, поскольку хан находил возможности отправлять письма в Москву, а оттуда на родину или в Бухару напрямую через почтмейстера либо через земляков членов своей свиты в Калуге [2: Л. 45, 46, 47–47об., 48]. Сам же пристав Фролов не пользовался авторитетом ни у Арынгазы и «киргизцев», ни у калужского губернатора Омеляненко. Вскоре его отозвали в Петербург, и после этого приставов стал назначать калужский полицмейстер.

В 1824 г. жена Рахметуллы Муртазина, приближенного хана, подала прошение о возвращении мужа в Оренбург, о чем он и сам изъявлял желание. Прошение было удовлетворено [2: Л. 156–157об.; 7: Л. 11–14; 8: Л. 3].

После смерти Александра I П. К. Эссен не оставлял надежды вернуть в Степь Арынгазы, которого он считал достойным претендентом на титул хана Младшего и Среднего жуза, о чем писал Николаю I в столицу [10: 192]. Ярым противником этого выступал К. В. Нессельроде. В 1828 г. старшины Младшего жуза обратились с новым прошением к императору о возвращении Арынгазы в Степь, и вновь на него последовал отказ [10: 192].

В начале 1829 г. между Арынгазы и «казанским татаринном» Абдулнасыром Рахметулиным возникли «взаимные неудовольствия», оба они обратились в Азиатский департамент на имя директора К. К. Родофиникина. Хан в своем прошении указал, что Рахметулин «будучи пресыщен щедротою государя императора, начал против меня [Арынгазы] забывать и бесчестить» [7: Л. 84]. Арынгазы предложил отдать ему плату, положенную Рахметулину, чтобы он сам «нанял себе услугу из татар, отпущенных по пашпортам» [7: Л. 84] или вовсе остаться без

прислуги. Абдул-насыр Рахметулин указал причиной возникшего конфликта неуплату ханом удержанных с его жалованья (2350 рублей) и занятых у него денег [7: Л. 86]. Прошения Арынгазы и Абдул-насыра сохранились только в переводе на русский язык, копии их переводов были направлены калужскому губернатору, на которого Азиатский департамент возложил задачу урегулировать взаимные претензии хана и его подчиненного. В марте того же года рассматривался вопрос о назначении переводчиком татарина Шамшутдина Габдеева, которого рекомендовал московский Обер-полицмейстер [7: Л. 122]. Оба они были приставлены к Арынгазы. В апреле того же года Азиатский департамент удовлетворил просьбу хана о женитьбе на дочери богатого московского купца Хассана Мангушева Медине [7: Л. 124].

В 1831 г. калужский губернатор получил секретное распоряжение директора Азиатского департамента (№ 346 от 19 февраля 1831 г.), что хан Арынгазы притесняет султана Ильджана, ввиду чего последний был вынужден переехать на другую квартиру [4: 160]. Министерство сняло с себя все обязательства по разрешению домашних ссор между «азиатцами» и взяло за правило перепоручать их калужскому губернатору.

В сентябре 1833 г. из Азиатского департамента на имя губернатора Калуги пришло письмо о том, что «императору благоугодно было <...> султана Киргиз-Кайсацкой Меньшой Орды Арунгазы Абулгазиева перевести на жительство в Москву» [7: Л. 201], однако данное распоряжение поступило уже после смерти Арынгазы. В августе 1833 г. хан умер от воспаления легких и был похоронен в Калуге [7: Л. 193].

Подводя итог, можно сказать, что российские власти стремились обеспечить комфортное пребывание хана в Калуге, по большей части удовлетворяя все его пожелания и не вмешиваясь в отношения между «азиатцами». Сложно сказать, чем была обусловлена подобная благосклонность. Вероятно, в Петербурге осознавали популярность и авторитет Арынгазы в казахской среде, а потому видели неправомерность своих действий, направленных на удаление и изоляцию хана от дел в Младшем жузе. Тем не менее отклонение всех прошений старшин Младшего жуза об освобождении и возвращении хана в Степь свидетельствует о том, что российские власти не собирались отказываться от своих принципов и возвращать на родину сильного и потому потенциально опасного для России Арынгазы Абилгазыулы. Еще в 1822 г. ханская власть в Младшем жузе была отменена, и возвращение Арынгазы

могло бы отрицательно сказаться на процессе интеграции казахских земель в состав Российской империи.

Литература:

1. Абдиров, М. Ж. Он должен был стать ханом Младшего жуза, но кончил жизнь в ссылке. [Электронный документ]. 18.08.2017 — URL: samonitor.kz/28497-on-dolzhen-byt-stat-hanom-mladshego-zhuza-no-konchil-zhizn-v-ssylke.html (Проверено 08.12.2020).
2. ГКУ «Государственный архив Калужской области (ГАКО)». — Ф. 32. — Оп. 19. — Д. 1288.
3. Ерофеева, И. В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники) // Алматы: ТОО «Print-S», 2003.
4. Зиновкина, Н. В. Хан Арынгазы Абилгазыулы в Калуге // Материалы 9-й городской краеведческой конференции «Калуга в шести веках». — Калуга, 2013. — С. 151–163.
5. Избасарова, Г. В. Политика Российской империи в Казахской степи в первой половине XIX в. // Вестник Моск. ун-та. — Сер. 8. История. — 2017. — № 2. — С. 50–63.
6. Кляшторный, С. Г. Казахстан. Летопись трех тысячелетий / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. — Алма-Ата: Рауан, 1992.
7. Переписка с Департаментом азиатским, калужским полицмейстером по вопросу о расходах на содержание султана Киргиз-Кайсацкой малой орды Арунгазы Абулгазиева с его свитой и по прошению жены султана Медины Хасановой о принятии мер к сбережению его имущества ввиду его смерти // ГКУ «ГАКО». — Ф. 32. — Оп. 19. — Д. 1370.
8. Переписка с Оренбургским военным губернатором и калужским полицмейстером о возвращении из Калуги со службы от киргизского султана в г. Оренбург башкирского хорунжего Рахметуллы Муртазина к своему семейству ввиду тяжелого материального положения его семьи // ГКУ «ГАКО». — Ф. 32. — Оп. 19. — Д. 1375.
9. Сообщение бухарского посланника Караванбаш Бек-Назар Абдулкеримова управляющему МИД России К. В. Нессельроде // АВПРИ. — Ф. СПбГА. I–8. — Оп. 7. — Д. 2. — Л. 90–94.
10. Темиргалиев, Р. Д. Казахи и Россия. — М.: Междунар. отношения, 2013. — 352 с.

V. G. Guzev

Über die Begriffe “Kollektion” und “Selektion”

Аннотация: В статье разъясняется открытие Г.П. Мельниковым одного из глубоких различий между флективными индоевропейскими и агглютинативными языками: флективные заранее запасают словоформы и при порождении речи выбирают, «селектируют» и вводят в высказывание актуально необходимую. Агглютинативные же создают при построении речи временные словоформы путем собирания («коллекционирования») разрозненных языковых единиц.

Im Jahre 1966 wurde von G. P. Melnikof die folgende These formuliert: die agglutinierenden (z.B. die türkischen) Sprachen haben die Besonderheit die nötigen Flexionssuffixe zu sparen; d.h. ab und zu sie nicht zu gebrauchen. Diese Erscheinung wurde von dem Gelehrten auch “Tendenz zur Ökonomie der Hilfsmorpheme in den Wortformen” genannt. G. P. Melnikof behandelt diese Ökonomie als Folge der Zeitweiligkeit der Verbindung der Morpheme in einer agglutinativen Wortform und formuliert eine andere überzeugende Hypothese: die Ökonomie der Häl fsmorpheme in den Wortformen wird betrachtet als Folge des Fehlens in Agglutinierenden Sprachen (in ihren Sprachsystemen) der von vornherein angeschaffenen vollständigen Verzeichnissen der Wortformen, welche das Paradima jedes Leksams enthalten.

Das gesagte bedeutet, daß jede operativ gebrauchte agglutinative Wortform als kollektional (d.h. im moment der Redebildung geschaffen) angesehen werden kann.

Im Unterschied dazu die Wortformen der indoeuropäischen flektiven Sprachen, die in ihren Sprachsystems (wie oben gesagt) über vornherein angeschaffenen vollständigen Paradimas verfügen, werden im Laufe der Redebildung von dem sprechenden Kommunikanten durch selektierende tätigkeit erwält und in der nötigen Aussage benützt.

Es bleibt uns nichts anderes übrig als dem Herren G.P.Melnikof Gerechtigke it widerfahrenzulassen, seine Entdeckung mit Dankbarkeit anzuerkennen, die Begriffe „Kollektion” und “Selektion” anzunehmen und in unserer wissenschaftlichen arbeit korrekt zu gebrauchen.

Литература:

1. Мельников, Г. П. Рецензия на кн. Черкасский М. А. Тюркский вокализм и сингармонизм. Опыт историко-типологического исследования. М.: Наука, 1965. 143 с. // Вопросы языкознания. — 1966. — № 5. — С. 129–138.
2. Мельников, Г. П. Системная типология языков. Принципы, методы, модели. — М.: Наука, 2003.
3. Мельников, Г. П. Языковая стратификация и классификация языков // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. — М., 1969. — С. 63–67.

В. Г. Гузев, Д. И. Колосова

Опыт структурного анализа категории времени неродственных языков (английский, турецкий)

Аннотация: В статье в рамках сравнительного анализа рассматривается категория времени на материале английского и турецкого языков. Традиционный лингвистический подход утверждает, что время показывает временную связь между рассматриваемым действием и «моментом говорения». В статье рассматривается категория времени в соответствии с понятием «ориентационный период», подразумевающая теорию «трехполюсной системы времени» на английском и турецком материале.

Ключевые слова: лингвистика, турецкий язык, английский язык, категория времени.

V. G. Guzev, D. I. Kolosova

The analysis of the category of tense in unrelated languages (English, Turkish)

Abstract: The given article observes the category of tense in the framework of comparative analysis based on English and Turkish material. Traditional linguistics approach claims that Tense shows the temporal relationship between the action in question and the ‘moment of speaking’. The article examines the category of tense according to the concept of ‘orientation period’ by implying the theory of ‘three-poled tense system’ on English and Turkish material.

Key words: linguistics, Turkish, English, Tense.

Настоящая статья преследует цель верификации на материале двух разноструктурных языков разрабатываемой В. Г. Гузевым в основном на материале турецкого языка концепции «трехполюсной» (проф. Хасан Эрен), а точнее, трехпериодной структуры глагольной морфологической категории времени. Предполагается сделать указанную концепцию более доступной для лингвистов (в том числе студентов), не являющихся тюркологами, и таким образом расширить круг читателей [3: 66–71; 4].

В частности задачей настоящей статьи является показать несостоятельность устоявшегося положения о том, что «категория времени обо-

значает отношение времени деятельности ко времени речи» [12: 106], «или факту сообщения» [21: 100], исходя из предложенного Бодуэном де Куртенэ разграничения понятий и объектов исследования «язык» (языковая структура) и «речь».

В результате анализа структуры и состава категорий времени разных языков можно обнаружить как проявление своеобразия в арсенале средств выражения разных временных смыслов, так и неизбежные общие закономерности в восприятии человеком времени как одной из двух (наряду с пространством) форм существования материи.

Традиционные представления о глагольных категориях времени, как правило, упрощенно характеризуют формы, объединяемые в категории, прежде всего как «настоящие», «прошедшие» и «будущие времена». При этом нередко встречается классификация временных форм на «простые» и «сложные», также они получают дополнительные названия, отражающие акционсартовые свойства (длительность, кратность...) или видовые характеристики действий: интратерминальность (внутрипредельность), посттерминальность (послепредельность).

Согласно наиболее распространенному мнению, «категория времени вообще обозначает не просто время деятельности предмета, а «отношение времени деятельности ко времени речи», «или факту сообщения» [12: 105].

Ранее автору настоящей работы уже приходилось выражать сомнение в правомерности положения о том, что в глагольных временных формах действие, называемое глагольной основой, соотносится с моментом речи [3: 66–71].

Сомнения в правомерности этого положения высказывались неоднократно и другими авторами. Например, Ю. С. Маслов справедливо признает: «Перфект есть форма, изображающая либо состояние в настоящем явившееся в результате прошедшего действия (перфект состояния...), либо, чаще, форма, констатирующая само это прошедшее действие как факт, в том или ином отношении актуальный для настоящего момента (перфект действия)». При этом автор делает интересное примечание: «Здесь под настоящим понимается не только собственно *настоящее* (реальный момент речи), но и любой другой момент, — *прошедший* или *будущий* [выделено нами. — Авт.], — обозначенный в силу тех или иных причин формами настоящего времени» [9: 237]. Цитата ясно свидетельствует не только о сомнении автора в традиционной трактовке

понятий «временная форма» и «категория времени», но и о движении научной мысли вперед, как представляется, по совершенно правильно-му пути. За словами Ю. С. Маслова просматривается предположение о том, что для адекватной трактовки значений перфекта в настоящем, прошлом и будущем требуется не одна, а три точки ориентации.

Как пишет Н. А. Сыромятников, «момент речи мог бы быть единственным критерием лишь для языков с тремя временами — настоящим, прошедшим и будущим. А для тех языков, в которых времен больше <...> таким критерием является временное отношение между теми действиями, о которых идет речь» [17: 17]. Н. А. Сыромятников цитирует позицию Н. С. Пospelова, по мнению которого «ориентировка» принципов истолкования языковой категории времени на момент речи порочна с точки зрения общей теории языка [17: 17], с чем авторы настоящей статьи не могут не согласиться.

Современное теоретическое языкознание, разделяющее идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ (1845–1919), не может соглашаться с правом-мерностью соотнесения принципов истолкования языковой категории времени на момент речи, поскольку языковая система является идеальной, представляет собой знание, совокупность абстрактных образов, приспособленную для коммуникации часть мышления [2: 81, 183, 209–235]. Таким образом, и «момент», «моменты» или, точнее сказать, ориентиры, с которыми темпорально ассоциированы образы действий в составе значений временных форм, являются не моментами речи, а абстрактными образами, отражениями реальных моментов или, может быть, правильнее — периодов.

Предпосылкой популярности «момента речи» в устоявшихся истолкованиях категории времени на уровне обыденного мышления стало игнорирование фундаментального открытия Бодуэна де Куртенэ в конце XIX в. — разграничения понятий «язык» (по Л. В. Щербе «языковая система») и «речь», согласно которому язык представляет собой знание, «оязыковленную» (Бодуэн де Куртенэ), приспособленную для коммуникации часть мышления, в то время как речь представляет собой знак или линейную цепочку знаков, выступающих в функции репрезентантов как языковых значений, так и какого-либо сообщаемого мыслительного содержания, т. е. смысла [16: 51–53].

При рассмотрении категории времени представляется необходимым обратиться к самому понятию «время». Время как философское поня-

тие — одна из основных (наряду с пространством) форм существования материи, всеобщая форма последовательной смены явлений [7: 95].

Философская «статическая» концепция объективного времени (Бертран Рассел и др.) объединяет две серии временных понятий: серию А («прошлое» — «настоящее» — «будущее») и серию Б («раньше» — «одновременно» — «позже»), признает субъективность описания временной структуры мира в терминах серии А, настоящим признает событие, которое происходит одновременно с его восприятием человеческим сознанием [см., напр. 6: 147, 161].

Наряду с изложенной выше «статической» концепцией существует также едва ли приемлемая философская концепция так называемого знакореклексивного анализа понятий серии А (Г. Рейхенбах), которая связывает представление индивида о настоящем с «этим знаком», т. е. опять-таки с моментом речи [6: 157–158]. С этой точкой зрения нельзя согласиться, поскольку наряду с актом коммуникации существуют и другие события, которые человек воспринимает как настоящее и использует в качестве точки ориентации при квалификации событий как прошлых или будущих.

В функции точки или, точнее, периода ориентации, с которыми хронологически соотносятся образы действий в языковой системе, выступает в первую очередь обобщенный и оязыковленный (Бодуэн де Куртенэ) абстрактный образ восприятия человеком реальных настоящих моментов или периодов, способный быть, по выражению Эмиля Бенвениста, «моментом вечного настоящего» [1: 303], ассоциироваться в человеческом сознании с образом любого конкретного момента или периода реального времени. В силу того, что в глагольных временных значениях находят отражение такие свойства действий, как, например, (много)кратность, протяженность, длительность, представляется более корректным вместо термина «момент» использовать термин «период».

Если периодом ориентации является находящийся в сознании индивида грамматизованный образ настоящего периода восприятия человеком реальности, то в значении каждой временной формы отражена та или иная временная соотношенность действия с этим периодом: одновременно (совпадение), раньше (предшествование) или позже (следование за ним). На основе родственности своих значений (наличие в каждой из них общего содержания — хронологической соотношенности действия с периодом ориентации) — временные формы конституируют категорию времени [3: 68]. Этот внутриязыковой временной ориентир,

который удобно именовать «настоящим периодом временной ориентации», входит в состав значения каждой временной формы.

Осмысление функционирования сложных временных форм ряда языков — германских, романских, славянских и тюркских и т. д. — приводит к предположению, что значения форм могут содержать абстрактные образы не только настоящего периода ориентации, но и абстрактные образы прошлого и будущего периодов восприятия реальности, а в значениях сложных форм действие может соотноситься соответственно с прошлым и будущим периодами ориентации. Убедительным примером соотнесенности (совпадения) с тремя разными периодами ориентации и функционирования в настоящем, прошлом и будущем может служить английская форма Continuous Tense, трактуемая грамматистами как Present Continuous Tense: I am writing — «Я пишу» (совпадение с настоящим периодом ориентации), Past Continuous Tense: I was writing — «Я писал» (совпадение с прошлым периодом) и Future Continuous Tense: I shall be writing — «Я буду писать» (совпадение с будущим периодом).

В таком случае категория времени распадается на три подкатегории, или подсистемы, в зависимости от того, с каким из трех периодов ориентации ассоциирована конкретная временная форма. Здесь хочется отметить реакцию на представленное положение турецкого профессора Хасана Эрена, который после доклада автора этих строк в Стамбуле проговорил: «Оказывается, категория времени турецкого языка “трёхплюсна”». Действительно, категории времени ряда языков (английского, болгарского, немецкого, французского и др.) состоят из трех подсистем, которые могут иметь разные названия. Мы, в свою очередь, воспользовались терминами: формы, соотнесенные с настоящим периодом ориентации, формы, соотнесенные с прошлым периодом ориентации, формы, соотнесенные с будущим периодом ориентации.

ФОРМЫ, СООТНЕСЕННЫЕ С НАСТОЯЩИМ ПЕРИОДОМ ОРИЕНТАЦИИ

Речь идет о синтетических и аналитических (сложновербальных) временных глагольных формах, значения которых, согласно формулируемой в настоящей работе гипотезе, сигнализируют о разной временной соотнесенности действия с предполагаемым настоящим, т. е. с периодом ориентации, представляющим собой абстрактный обобщенный образ реальных настоящих периодов восприятия человеком объективной реальности. Представляется неоправданным именование совокупности

форм, соотнесенных с настоящим периодом ориентации, первичной подсистемой категории времени.

1. Форма настоящего простого / Simple Present Tense / Настоящее-будущее (тур.)

В значении формы отражено совпадение времени совершения действия с настоящим периодом ориентации. Отсутствие в языковом значении каких-либо видовых и модальных сем позволяет коммуникантам выражать в речи большое количество узуальных и окказиональных смыслов, например представлять действие как естественное по своей природе, как проявление свойства предмета или события, использовать её в формулах вежливости, в пословицах и поговорках, употреблять её транспозитивно (переносно), т. е. для передачи в качестве смыслов не только настоящих, но и прошлых или будущих событий.

Английский материал

1. "It's interesting to know what he does in there", he would say. And Jem said, "He goes out, all right, when it's quite dark". [Harper Lee. P. 14]. «Интересно знать, что он делает там, внутри [дома]», — неоднократно спрашивал он. И Джим говорил: «Он выходит, когда становится совсем темно».

2. "I'd like to see what he looks like", said Dill. [Harper Lee. P. 14] «Хотел бы я видеть, как он выглядит».

3. What doesn't kill you makes you stronger. [Информант] «То, что вас не убивает, делает вас более сильным».

Турецкий материал

В турецком языке представлена форма настоящего-будущего с показателями -(A)g/-mAz, значение которой сигнализирует или о темпоральном совпадении действия с настоящим периодом ориентации, или о его следовании за ним. Это позволяет трактовать темпоральное содержание значения настоящего-будущего как непредшествование действия настоящему периоду ориентации. В состав значения этой временной формы входит также аспектуальная сема, сигнализирующая о неактуальности, неконкретности действия, т. е. о том, что действие совершается не здесь и не сейчас. Сочетание названных двух сем — темпоральной и аспектуальной — обуславливает коммуникативные свойства этой временной формы, а именно — передавать в качестве смыслов только неконкретные (неактуальные) настоящие и будущие действия.

Примеры

1. Güneş doğudan doğar, batıdan batar. [Информант] «Солнце восходит на востоке, заходит на западе».

2. Dedikodu en çok bıķıp attıđı dalkavuklardan çıkar. Fakat bunların hiç birisi Sabiha Hanım'ı üzmez. Kahkahası sürekli, neşesi mikrop gibi yakınlарına geçer. [HE SB, 24–25] «Сплетни чаще всего исходят от прихлебательниц, которые ей надоели и которых она прогнала. Но ни одна из них (этих сплетен) не тревожит её. Её смех, её веселость все время заражают близких ей людей».

3. Sabahları erken kalkar[ım], akşamları erken yatarım. [Информант] «По утрам я рано встаю, а по вечерам рано ложусь (спать)».

II. Форма настоящего актуального / «Настоящее время I (настоящее данного момента)» / Present Continuous Tense

Такие формы подчеркивают актуальность, реальность, «сиюминутность» протекания действия безотносительно к начальному и конечному его пределам в какое-либо конкретное время в пределах настоящего периода ориентации. Это позволяет говорить о наличии в содержании таких форм значения семы интрагерминального (внутрипредельного) вида.

Английский материал

1. Don't make any noise, he is sleeping. [5: 127] «Не шумите, он [сейчас] спит».

2. Walter stood where he was and didn't go with us. Jem and I were nearly to the Radley place when Walter called, "Hey, I am coming!" [Harper Lee. P. 17] «Уолтер стоял там, где был, и не шел с нами. Джим и я были почти уже у дома Рэдли, когда Уолтер прокричал: "Эй, я иду!"».

3. I know what we are going to play. [Harper Lee. P. 30] «Я знаю, во что мы намереваемся играть»;

4. "What are you all playing?" he asked. [Harper Lee. P. 31] «"Во что вы все играете?" — спросил он».

Турецкий материал

В современной турецкой речи коммуникантами все более игнорируется имеющаяся в языковом значении формы с морфемой -(I)уог сема актуальности действия. В последнее время возрастает взаимозаменяемость в речи словоформ настоящего-будущего и настоящего актуального.

Примеры

1. İşte şimdi çocukluk arkadaşlarımın anılarıyla tekrar beraberiz; mahallemizin dar sokaklarında yürüyoruz, mutluyuz. [Mercan Civan] «Вот теперь мы снова вместе с воспоминаниями моих друзей о детстве; мы идём по узким улицам нашего квартала, и мы счастливы».

2. Yunan orduları yürüyor Ankara üstüne... [NH YGŞK] «Греческие войска идут на Анкару...».

3. Beni bir iş için Trabzon'a çağırıyorlar [NH YGŞK] «Меня по какому-то делу вызывают в Трабзон».

4. Maamafih, fena bir şey mi yapıyorum? Kimsenin malına, hayatına, izzetine mi dokunuyorum? [RNG YD] «Кроме того, разве я совершаю что-нибудь плохое? Разве я покушаюсь на чью-либо собственность, жизнь или честь?...»

III. Форма настоящего длительного времени в турецком языке

Форма с показателем -mAktA (субстантивная форма в форме местного падежа — -mak+ta) подчеркивает, что действие находится в процессе осуществления. Имеет в своем значении акционсартовую сему длительности и аспектуальную (видовую) сему внутрипредельности (интратерминальности), сигнализирующую о том, что действие воспринято как актуальное, конкретное, протекающее безотносительно к его границам, моментам его начала и завершения [см. 22: 111, 134, 139–142]. В настоящее время эта форма все более утверждается как модное средство официально-бюрократического или научного стиля. Наиболее часто употребляется в речи в форме 3-го лица.

Примеры

1. Otopark, Okul Aile Birliği tarafından işletilmektedir. [Надпись на щите у въезда на автомобильную стоянку в Стамбуле] «Автомобильная стоянка эксплуатируется Школьным семейным союзом».

2. Hitit dilinde bu hatt kökünden doğmuş sözlerin çoğu (bütünü değil) yakın anlamları içermektedir. [AU] «Большинство слов хеттского языка (не все), производные от корня хатт, содержат близкие значения» (стиль научного сочинения).

3. Yunan yazarlarının değişik yapıtlarından toplanan yirmi otuz Frig sözüne bakılarak bu dilin Hind-Avrupa dillerinden olduğu söylenmektedir. [AU] «На основании (анализа) 20–30 фригийских слов, собранных из

разных сочинений греческих авторов, утверждают, что этот язык был индоевропейским» (стиль научного сочинения).

4. 38 yaşındaki Zeliha Hanım, 4 çocuğu ve gözlerini kaybeden kocası için örgü örerek hayata direnmekte. [Türkiye Gazetesi. 03 Haziran 2008] «38-летняя Зелиха Ханым борется за жизнь своих четверых детей и потерявшего зрение мужа, зарабатывая на жизнь вязанием».

IV. Турецкая форма настоящего действия / Состояния с морфемой -mAdA

Форма -mAdA нередко отождествляется грамматистами с формой -mAktA. В частности, по свидетельству З. Коркмаз, эта форма употребляется редко и, насколько можно понять, признается исследователем синонимом рассмотренной выше формы с морфемой -mAktA [24: 621–623].

Анализ функционирования этой формы в речи позволяет высказать следующее предположение: эта форма означает не только действие: в составе ее значения имеется также сема, подчеркивающая или состояние производителя действия, или постоянство самого действия. В пользу этого предположения свидетельствует, например, тот факт, что о пребывании компьютера в режиме ожидания сообщает надпись: *bekle+me+de* «в состоянии ожидания», а о разговоре абонента по другой линии передает информацию сообщение *görüŝ+me+de* — «на совещании».

Примеры

1. Dünya sonsuz bir çeŝitlilikte, sonsuz bir kaynaŝmada. [Yaŝar Kemal, Ölmez Out] «Мир во всем своем многообразии находится в состоянии бесконечного кипения».

2. Bu adam öldürülecek olursa, sizler onunla çekiŝmedesiniz, hemen sizin üstünüze atarlar, sonra da kıyamet kopar. [Y. Kemal, İnce Memed-4] «Если вдруг этот человек будет убит, то окажется, что вы с ним в состоянии постоянной вражды, тотчас же (вину) повесят на вас, а потом беды не оберешься».

3. Koca Halil iki büklüm ama, elleri sonsuz bir uğunmada. [Yaŝar Kemal, Ölmez Out] «Коджа Халиль согнут в три погибели, но руки его постоянно в беспокойном движении».

4. Karanlıktan dem alan birkaç hayvan geziyordu ortalıkta; baykuŝ, yarasa, kurt, kimi ötmekte, kimi ulumada. [Eŝ A] «Поблизости бродило несколько зверюшек, которых привлекала тьма; совы, летучие мыши, волки. Одни из них постоянно издавали приятные звуки, другие постоянно выли».

*V. Прошедшее простое / The Past Indefinite Tense /
«Прошедшее категорическое»*

Прошедшее простое (аорист) — одна из временных форм изъявительного наклонения, значения которых сигнализируют только о предшествовании действия настоящему периоду ориентации. Ее семантика (значение) как сугубо языковая единица не содержит каких-либо иных (аспектуальных, модальных или интервальных) сем, что, разумеется, не мешает коммуникантам передавать в речи соответствующую информацию лексическими или иными средствами.

Английский материал

1. I went into the hall and caught the sound of Adele chattering cheerfully. [Charlotte Bronte. P. 80] «Я прошел в холл и уловил звуки радостной болтовни Адель».

2. You may remember the evening we first talked about going to London. [19: 53] «Возможно, вы помните тот вечер, когда мы в первый раз говорили о поездке в Лондон».

3. Mr Tate pointed to an invisible person and said: 'Her left'. [Harper Lee. P. 185] «Мистер Тейт указал на невидимую фигуру и сказал: "Слева от нее"».

4. They rode the bus to Abbotsville on Sundays and went to the cinema. They danced and drank whiskey. [Harper Lee. P. 101] «По воскресеньям они ездили на автобусе в Абботсвилль, ходили в кино. Танцевали и пили виски».

Турецкий материал

Прошедшее категорическое время в турецком языке не имеет видовых сем. При переводе с турецкого языка на русский в зависимости от передаваемого в конкретной ситуации смысла используются русские глаголы как совершенного, так и несовершенного вида [ср. 20: 202].

Примеры

1. Kuzenimle gençleri Eğridere'ye geri gönderdim, ben babamın yanında kaldım. [Mercan Civan] «... я отправила юношей с моим кузеном в Эгридере, сама осталась рядом с отцом».

2. Metin'le arkadaşlığımız uzun sürdü... [Mercan Civan] «Наша дружба с Метином длилась долго...».

3. Gitmem gerektiğini anladım. [OP YH] «...я понял, что мне надо уходить».

4. Sonraları, bütün hayatımın kaptanın bu korkaklığı yüzünden değiştiğini çok düşündüm. [OP BK] «Впоследствии я много размышлял о том, что моя жизнь изменилась из-за этой трусости капитана».

VI. Перфект / Present Perfect Tense

Перфект относится к числу самых употребительных в языках мира временных форм. Исследователи нередко акцентируют внимание на способности перфекта выражать какую-либо конкретную разновидность связи действия с настоящим, как, например: «видо-временная форма глагола, обозначающая состояние в настоящем как результат предшествующего действия» [9: 237; 10: 372; 13: 406]. Весьма удачной представляется формулировка Э. Бенвениста: «Перфект — это такая форма, в которой понятие состояния, соединенное с понятием обладания, отнесено к действующему лицу; в перфекте действующее лицо предстает как обладатель осуществленного действия» [1: 217].

Сказанное означает, что формы перфекта обладают не только темпоральной, но и видовой семей посттерминальности (послепредельности), по причине чего перфект сигнализирует о двух фактах: о предшествовании действия периоду ориентации — во-первых, и об истолковании говорящим действия как свершившегося целостного события — во-вторых.

Английский материал

1. I ran home, and there on our front porch I looked at what I have found. [Harper Lee. P. 76] «Я побежала домой и там, у нашей входной двери, я взглянула на то, что нашла».

2. Have you had any serious illness? [19] «Вы когда-нибудь серьезно болели?».

3. “I know he is alive ... because I haven’t seen him carried out yet”. [Harper Lee. P. 149] «Я знаю, что он жив, потому что я еще не видела, чтобы его увозили».

4. ‘I have come back to you — forever’ [Charlotte Bronte. P. 188] «Я пришла обратно к тебе — навсегда».

Турецкий материал

1. Nakikaten kurt olmuşsun, göüyorum. [EŞ A] «Ты на самом деле превратился в волка. Я это вижу».

2. Babam yüzüme baktı, ‘Pişmiş istakoza dönmüşsün’ dedi. [НВ АBB] «Отец взглянул мне в лицо и сказал: “Ты превратился в жареного омара”».

3. Vay ananı avradını, çocuk, bana misafir demiyor! Böyle bir itoğlu it dünyaya gelmemiştir. [YK BBE] «Ах, что б тебя, парень не называет меня гостем! Такой сукин сын еще не родился на земле».

VII. Прошедшее опосредованное / неочевидное / индирективное

Вслед за перфектом представляется целесообразным рассмотреть функционирование так называемого прошедшего опосредованного времени. На связь двух временных форм указывает Б.А. Серебренников: «В различных языках на базе значения перфекта нередко развивается модальное значение неочевидности действия» [15: 206]. Этот процесс не обошел стороной и турецкий язык, в котором имеются весьма употребительные категории «прошедшего-субъективного», или «прошедшего-неочевидного» [8: 231–233], или «заглазного времени».

Содержание значения прошедшего опосредованного сводится к тому, что говорящий не был свидетелем события и узнал о нем опосредованно, косвенным путем.

Категория прошедшего опосредованного в турецком языке формально почти оморфна перфекту. Формальное различие форм находится в сфере формоизменения — турецкая форма 3-го лица прошедшего неочевидного имеет нулевой показатель, в то время как перфектная форма 3-го лица отличается только употреблением личного показателя.

В английском языке форма прошедшего опосредованного времени отсутствует.

Состав форм турецких категорий

<i>Перфект</i>	<i>Прошедшее неочевидное</i>
<i>Gelmiş+im</i>	<i>Gelmişiz</i>
<i>Gelmiş+sin</i>	<i>Gelmişsiniz</i>
<i>Gelmiş+tir</i> «Он пришел»	<i>Gelmiş+0</i> «Говорят, он пришел»

Турецкий материал

Выражение ссылки на получение сведений от постороннего источника (пересказывательный смысл):

1. Babam edebiyat sevdalısıdır, özellikle de Sabahattin Ali hayranıdır. Sabahattin Ali'nin şiirleri, hikâyeleri, romanları, şimdi karşımda duran kitapların arasında seçkin yerlerini yıllar öncesinden almışlar. [Mercan Civan] «Мой отец любитель литературы. В особенности же поклонник Сабахаттина Али. Прежде всего, его стихи, рассказы, романы много лет тому назад заняли свои особые места среди книг, которые сейчас стоят передо мной».

2. Sözde Bursa'da gizli örgüt kurmuşum, yasadışı işler çevirmişim de, onlar da bunu ancak bir yıl sonra çakmışlar [AN, GK] «Будто бы я организовал в Бурсе тайную организацию, занимался незаконными делами, а они только через год догадались об этом»;

3. Bu kız bir gün odasında oturup nakış işlerken, akşam üstü pencereden bir kuş içeri girmiş, buna demiş ki... [Сказка «Muradına Eren Kız», см.: 18] «[Сказывают, что] когда однажды эта девушка сидела в своей комнате и вышивала, под вечер в окно влетела птица и сказала ей...».

4. Evvel zamanda bir padişah varmış, bunun dünyaya hiç çocuğu gelmemiş. [Сказка «Şehzade ile Derviş Kızı»: 18] «В прежние времена жил-был падишах, у него не появилось на свет ни одного ребенка».

Выражение внезапного умозаключения (инференциальный смысл):

1. Yerler ıslak olduğuna göre gece yağmur yağmış. [Информант] «Судя по тому, что земля влажная, вчера вечером прошел дождь».

2. Sorumu yanlış anlamışsınız. [Информант] «[Судя по тому, что Вы говорите,] Вы неверно поняли мой вопрос».

3. Şemsiyemi otobüste unutmuşum! [Информант] «Оказывается, я забыл свой зонтик в автобусе!».

VIII. Будущее простое / «Будущее-категорическое время» / Future Tense

Значение формы будущего простого времени сигнализирует о том, что действие следует за настоящим периодом ориентации.

Английский материал

1. If I do find the book, I'll send it to you. [19] «Если я все-таки найду книгу, я пришлю ее вам».

2. Take a good sip, it will quieten you. [Harper Lee. P. 220] «Сделай глоток, это успокоит тебя».

3. You'll get your head shot off, Jem. [Harper Lee. P. 210] «Тебе снесут голову, Джим».

Турецкий материал

1. “Her halde ilk günlerde “bunu geçeceğiz” diye diretmeyeceksin”. [SF BE] «Наверное, ты не будешь настаивать, чтобы мы в первые дни играли это [этот спектакль]».

В значении турецкой формы ближайшего будущего темпоральное значение формы (следование за настоящим периодом ориентации) дополнено акционсартовой, интервальной семой, которая сигнализирует о том, что действие совершается через краткий промежуток времени после периода ориентации.

В английском языке формой ближайшего будущего времени можно считать конструкцию to be + about to + V:

1) I am about to lose my temper. [Charlotte Bronte. P. 46] «Я сейчас потеряю терпение».

2) She always looks like she is about to cry. [Charlotte Bronte. P. 42] «Она всегда выглядит так, как будто вот-вот заплачет».

Турецкий материал

1. Seniha ile (...) Mebusu Necip Bey arasındaki münasebet yarın resmî bir şekil almak üzeredir. Hattâ, zannederim, çarşambaya nikâh merasimi oluyor. [YKK KK] «Отношения между Сенихой и депутатом Неджимом Беем [в ближайшее время, т. е.] завтра приобретут официальный характер. Даже, как я полагаю, в среду состоится церемония бракосочетания».

2) Haydi, çıkalım mı? — Bir dakika, işimi bitirmek üzereyim. [Информант] «Ну что, выходим?» — «Минутку! Я уже заканчиваю работу».

3) “Neredesiniz?” — “Gelmek üzereyiz!” [Разговор по мобильному телефону] «Вы где?» — «Мы уже вот-вот приедем!».

ФОРМЫ, СООТНЕСЕННЫЕ С ПРОШЛЫМ ПЕРИОДОМ ОРИЕНТАЦИИ

Речь идет о синтетических и аналитических временных глагольных формах, значения которых сигнализируют об отнесенности действия к настоящему периоду ориентации не непосредственно, а опосредованно, т. е. совпадая, предшествуя или следуя за «своим», вторичным, в данном случае прошлым периодом ориентации, который сам, в свою очередь, предшествует первичному (настоящему) периоду

и предположительно представляет собой абстрактный, обобщенный образ реальных прошлых периодов восприятия человеком объективной реальности. Совокупность форм, соотнесенных с прошлым периодом ориентации, представляется оправданным именовать вторичной подсистемой категории времени.

X. Турецкий неопределенный имперфект

Турецкая временная форма с морфемой $-(A)rd\dot{ı} / -mAzd\dot{ı}$ — ближайшая родственница настоящего-будущего (с показателями $-(A)r / -mAz$). Структура ее показателя $-(A)r+d\dot{ı} / -mAz+d\dot{ı}$ такая же, как у показателя определенного имперфекта $-(1)uog+du$, что позволяет думать, что ее значение сигнализирует о темпоральном совпадении действия с прошлым периодом ориентации. В состав значения этой временной формы также входит аспектуальная сема, сигнализирующая о неактуальности, неконкретности действия, т. е. о том, что действие не является прегнантным. Сочетание двух сем — темпоральной и аспектуальной — обуславливает коммуникативные свойства этой временной формы — передавать в качестве смыслов только неконкретные (неактуальные) действия.

1. Güneş çok erken doğar[dı], geç te batardı. [Информант] «Солнце вставало очень рано и садилось поздно».

2. Kışın hava arasıra pek soğuk olurdu. [Информант] «Зимой погода временами бывала очень холодной».

3. Metin'le arkadaşlığımız uzun sürdü... Mavi eşofman giyerdi... spor yapardı. 100 m koşuda hep birinci gelirdi. [Mercan Civan] «Наша дружба с Метином длилась долго. Он надевал синие спортивные штаны... занимался спортом. В забеге на 100 метров всегда прибегал первым».

XI. Определенный имперфект / The Past Continuous Tense

Временная форма, функциональное предназначение которой не просто сигнализировать о том, что называемое исходной основой действие представляется как прошедшее, а, о том, что: 1) оно характеризуется как настоящее в прошлом [22: 104–105], т. е. хронологически совпадает с прошлым периодом ориентации и вместе с последним предшествует настоящему периоду; 2) представляет действие в интрагерминальном (внутрипредельном) виде, т. е. как воспринимаемое в процессе его протека-

ния безотносительно к его началу и концу; 3) мыслится как актуальное, имевшее место реально, действительно, в конкретных обстоятельствах. Абстрактный образ прошлого периода ориентации естественно может ассоциироваться в представлении говорящего с образом какого-либо реального события, и передаваемое действие истолковывается в таком случае как совпадающее по времени с этим событием, одновременное с ним, как, например, в русском высказывании: «Вчера в это время я уже спал» [22: 104–110, 118–142]. Сема интрагерминальности отчетливо проявляет себя при переводе английских и турецких высказываний со сказуемым в форме определенного имперфекта: попытки перевести эту форму славянским совершенным видом имеют следствием неадекватный перевод (см. примеры ниже).

Английский материал

1. I was raveling a thread, wasn't even thinking about your father. [Harper Lee. P. 51] «Я распутывал леску и даже не думал о твоём отце».

2. A fire was burning but there was no candle. [Charlotte Bronte. P. 80] «Горел огонь, но не было ни одной свечи».

3. Summer was coming. [Harper Lee. P. 67] «Наступало лето»;

4. When I was rubbing his nose in the dirt Jem came by and told me to stop. [Harper Lee. P. 25] «Когда я отчитывал его, пришел Джим и попросил меня перестать».

Турецкий материал

1. Annem akşam yemeğini hazırlamış, bekliyordu. [Mercan Civan] «Моя мама приготовила ужин и ждала».

2. Geçenlerde bir gece yine onların evindeydik. Biz çocuklar bir odadaydık. Metin'le Nurten'e kitaptan masal okuyordum. [Aziz Nesin. ŞÇH] «Недавно мы снова были вечером в их доме. Мы, дети, были в одной комнате. Я читал сказки Метину и Нуртен».

3. Ben böyle çıkışınca ister istemez yelkenleri suya indiriyorlardı. [RNG YD] «Когда я делал им такие замечания, они волей-неволей затихали».

XII. Прошедшее длительное

В английском языке отсутствует.

Временная форма со сложной морфемой -mAktAydl (< -mAk+ta idi) — ближайшая родственница настоящего длительного (см. выше).

Как и последняя, она сигнализирует о совпадении со своим (в данном случае — прошлым) периодом ориентации. Характерна для официально-бюрократической и научной речи. Наиболее часто употребляется в форме 3-го лица.

Чаще всего передает прошедшие действия, характеризующиеся некоторой продолжительностью. По-видимому, прав Ларс Юхансон, который полагает, что эта форма имеет в составе своего значения акционсартовые семы актуальности (прегнантности) и продолжительности действия (действие находилось в процессе совершения) [22: 111, 134, 139–142]:

1) İzmir kurtulmuştu. Fakat korkunç bir geçim sıkıntısı geçiriyordu. Bizim piyasada rakiplerin sayısı günden güne çoğalmaktaydı. (RNG MT) «Измир был освобожден. Однако переживал трудные времена. Количество конкурентов на нашем рынке изо дня в день возрастало».

2) Söylenenler doğruysa Amazonlar (kadınlar) savaşçılığı, ev işleri yanında erkek işlerini de başarıyla yürütmekteydiler. (AU) «Если то, что говорят, соответствует действительности, амазонки помимо домашних дел успешно выполняли и воинские, мужские обязанности».

3) Kazandığımız için durumu rahat rahat değerlendirmekteydik. [Информант] «Мы совсем спокойно анализировали ситуацию, поскольку победа была на нашей стороне».

Заключая анализ трех временных форм «настоящего в прошлом», Ларс Юхансон приходит к следующему выводу: «Нашу гипотезу <...> в этом вопросе можно сформулировать так: в отношении обладания [видовой семой] интрагерминальности (идея А) <...> формы *ıyordu*, *irdi* и *mekteydi* эквивалентны. На основе этой идеи [семей] три единицы “en bloc” [совместно] (в качестве маркированного члена) составляют привативную оппозицию А с формой *di* (немаркированный член): (*ıyordu*, *irdi*, *mekteydi*): *di*» [22: 114].

XIII. Перфект в прошлом / The Past Perfect Tense

Действия, трактуемые в речи как предшествующие событиям в прошлом, в языковом значении отражены семей предшествования прошлому периоду ориентации. В речи они передаются глагольными словоформами перфекта в прошлом (иногда в сочетании с the Past Continuous Tense в прошлом, см. ниже английский пример 4).

Английский материал

1. Inside the house lived Boo Radley — a phantom. Said he existed, but Jem and I had never seen him. [Harper Lee. P. 16] «Внутри дома жил Бу Рэдли — призрак. Говорили, что он существует, но Джим и я никогда его не видели».

2. Two days later Dill arrived. He came by himself from Meridian to Maycomb where he had been met at the station by Miss Rachel in Maycomb's one taxi. [Harper Lee. P. 18] «Через два дня Дилл прибыл. Он сам добрался из Меридиана до Майкомба, где был встречен Мисс Рэйчел на одном из такси Майкомба».

3. I thought over all that Mrs. Fairfax had said. [Charlotte Bronte. P. 104] «Я думала обо всем, что сказала Миссис Фаирфакс».

4. He said that he had been writing since two o'clock. [19] «Он сказал, что пишет уже с двух часов».

Турецкий материал

1. ...kuzenimle gençleri Eğridere'ye geri gönderdim, ben babamın yanında kaldım. <...> Başım dönüyor, yarım litre kan verdikten sonra elimde ayağımda güç derman kalmamıştı. [Mercan Civan] «...я отправила юношей с моим кузеном в Эгридере, сама осталась рядом с отцом. <...> У меня кружилась голова. После того как я сдала пол-литра крови, мои руки и ноги лишились сил».

2. Geceliğimi giyip yattım. <...> Dışarıda dolunay vardı; beyaz ışığı, perdenin arasından süzölmüş, sürtünerek yanıma kadar gelmişti. [Mercan Civan] «Я надела пижаму и легла. <...> Было полнолуние. Свет луны пробрался сквозь шторы и потихоньку добрался до меня».

3. İzmir kurtulmuştu. Fakat korkunç bir geçim sıkıntısı geçeriordu. Bizim piyasada rakiplerin sayısı günden güne çoğalmaktaydı. [RNG MT] «Измир был освобожден. Однако переживал трудные времена. Количество конкурентов на нашем рынке изо дня в день возрастало».

4. İlk başarısı ve tanınması, Valide Cami'inde olmuştu. Selim Paşa'nın karısının dikkatini de orada mukabele okurken çekti. [HE SB]. «Ее первый успех и первое признание состоялись в мечети Валиде. И внимание жены Селима Паши она привлекла, когда читала молитву мукабеле».

Независимое употребление

При независимом использовании, т. е. в тех случаях, когда речь идет о функционировании словоформ, содержащих аффикс перфекта в про-

шлом, в составе простых высказываний, не имеющих словоформ других «времен», словоформа обсуждаемого «времени» сигнализирует или о том, что 1) действие происходило раньше описываемых прошлых событий (примеры 1, 2), или 2) действие происходило в отдаленном прошлом (примеры 3–5).

1. “Çok geçerim, ama hiç oturmamıştım buraya, dedi, güzel yermiş”. [VT BGTB] «Много хожу по заведениям, но сюда ни разу не заходил, — сказал он, — оказывается, отличное место».

2. Tanpınar, yıllar sonra yazdığı bir yazıda “Biz acı mütareke senelerinde mazideki eserlerimize nasıl sarılmıştık!” diye hatırlar. [OP I] «Танпынар вспоминает в одной из своих статей, написанных годами позже: “Как же мы в горькие годы перемирия вцепились в (литературные) произведения из нашего прошлого!”».

3. Hâsılı, kısa bir zaman için zerzevatı çiçeğe benzeten bahar beni de insana benzetmişti. [RNG MT] «Короче говоря, весна, благодаря которой зелень, овощи воспринимаются как цветы, сделала так, что и я стал походить на человека».

4. Namaz surelerini bu kadar çabuk ezberleyen bir hafız henüz görmemişti. [HE SB] «Он никогда еще видел хафыза [знатока Корана], который столь быстро заучивал бы молитвенные суры».

5. Lord Acton şöyle demişti... [Газ.] «Лорд Эктон (некогда) сказал следующее...».

XIV. Будущее в прошлом. The Future Indefinit in the Past Tense

Форма будущего в прошлом сигнализирует о том, что действие следует за прошлым периодом ориентации.

Английский материал

1. I said that I should go there the next day. [Информант] «Я сказал, что пойду туда на следующий день».

2. He knew that she would return next week. [Информант] «Он знал, что она вернется на следующей неделе».

3. I was sure that she would call back. [Информант]. «Я был уверен, что она в ответ на мой звонок тоже мне позвонит».

Турецкий материал

Значение формы с морфемой -(y)AcAktI (< -(y)AcAk idi) характеризует действие как предстоящее по отношению к каким-либо событиям

в прошлом. В составе словоформ чаще всего используется сложный показатель *-(y)AcAk idi* (> *-(y)AcAktı*), реже – суффикс *-(A)r idi* (> *(A)rdı*):

1. Sezgin durumu anlatınca, ilkokul öğretmenini hemen hatırladı. Yıllar sonra Sezgin ve Sezen’le böyle karşılaş+acak+tık. [Mercan Civan] «Стоило мне пояснить Сезгину в чем дело, он тотчас же вспомнил свою учительницу начальной школы. Так нам предстояло встретиться с Сезгином и Сезен (много) лет спустя».

2. ...Hoca, artık, “öğretmek” kelimesini kullanmıyordu: Birlikte araştıracaktık, birlikte bulacaktık, birlikte yürüyecektik. [OP BK] «...Ходжа уже не употреблял слово “обучать”: нам предстояло вместе исследовать, вместе открывать, вместе шагать (вперед)».

3. Gebze’de camiler arasındaki namaz vakitlerindeki tutarsızlık, Hoca’ya başka bir düşünce verdi: Namaz vakitlerini gösteren kusursuz bir saat yaracaktı. [OP BK] «Несогласованность времени намаза в мечетях (городка) Гебзе подала Ходже другую идею: теперь он собирался (< теперь ему предстояло) соорудить часы, которые показывали бы время намаза».

XV. Турецкое ближайшее будущее в прошлом (-mAk üzere idi)

Имеющаяся в турецком языке форма сигнализирует своим значением о том, что действие следует за прошлым периодом ориентации и совершается через короткий промежуток времени.

В английском языке форма ближайшего будущего в прошлом выражается с помощью конструкции “was/were +about to +V”.

1. I was about to move when the light once more gleamed on the wall. [Charlotte Bronte. P. 98] Я вот-вот уже собралась пошевелиться, как на стену снова упал свет».

2. Luckily, just as I was about to give up, Toby and Mia returned from breakfast. [John Lanchester. P. 5] «К счастью, когда я должен был уже сдать, Тоби и Миа вернулись с завтрака».

Примеры:

1. İkinci şişe de boşalmak üzereydi. [SF BE] «И вторая бутылка вот-вот уже должна была опустеть».

2. Ben üniversiteden çıktığımda ortalık kararmak üzereydi. [Информант] «Когда я выходил из университета, вот-вот должно было уже стемнеть».

3. Kendini bildi bileli durgun bir göl gibiydi Ella Rubinstein’in hayatı. Kırk yaşına basmak üzereydi. [EŞ A] «С тех пор как она себя помнила,

жизнь Эллы Рубинштейн была похожа на спокойное озеро. Ей скоро должно было исполниться сорок лет».

ФОРМЫ, СООТНЕСЕННЫЕ С БУДУЩИМ ПЕРИОДОМ ОРИЕНТАЦИИ

Речь идет об аналитических (сложновербальных) временных глагольных формах, значения которых, согласно излагаемой в настоящей работе гипотезе, сигнализируют о разных способах соотнесения действия с предполагаемым третьим, т. е. с будущим периодом ориентации, представляющим собой абстрактный обобщенный образ реальных будущих периодов.

В значениях данных временных форм отражено совпадение времени совершения действия с будущим периодом ориентации.

XVI. Форма настоящего данного момента в будущем / Future Continuous Tense

Форма подчеркивает реальность, конкретность протекания актуального действия в будущем, что позволяет говорить о наличии в содержании ее временного значения семы интрагерминального (внутрипредельного) вида.

Английский материал

1. I will not be coming back soon so you can drive home. [Harper Lee. P. 101] «Я еще не буду возвращаться в скором времени, так что ты можешь отправляться домой».

2. He will be writing a play during the summer. [Информант] «Летом он будет писать пьесу».

3. Let's hope it won't still be raining when we have to go to school. [19] «Будем надеяться, что дождь не будет все еще лить, когда нам надо будет идти в школу».

Турецкий материал

1. Bir yıl sonra Moskova'da Alarko şirketinde çalışıyor olacağım. [Из частного письма] «Через год (в это время) я буду работать в Москве, в фирме Аларко».

2. Şimdi uyku zamanı, yarın yollara düşeceğim, yollara düşüp babamla buluşacağım; beni bekliyor olacak. [Mercan Civan] «Сейчас время спать. Завтра я отправлюсь в путь. По дороге встречусь с отцом. Он будет меня ждать».

3. Uyuyakalmayasin! Tan yeri ađarıırken ben seni yolda bekliyor olacađım. [Информант] «Смотри не проспй! На рассвете я буду ждаты тебя на дороге».

XVII. Турецкое настоящее длительное в будущем

В английском языке отсутствует.

Форма с показателем -mAktA olacak имеет в своем значении аспектуальные семы, подчеркивающие темпоральное совпадение с будущим периодом ориентации, длительность, и интрагерминальность. Действие характеризуется как актуальное, конкретное, протекающее в будущем безотносительно к его границам, к его началу и завершению [22: 111, 134, 139–142].

1. Bu satırların okunduđu sırada 19 Mayıs Gençlik ve Spor Bayramını kutlamakta olacađız. [Газ. Cumhuriyet. 19.05.1971] «Когда (читатели) будут читать эти строки, мы будем праздновать 19 Мая, День молодежи и спорта».

2. İnsanlar durumu farkettilerinde iş işten geçmekte; hayvan nesli hızla tükenmekte olacak. [Информант] «Когда люди заметят складывающуюся ситуацию, будет уже поздно, популяция животных будет быстро уменьшаться».

3. Asker toplamakta gecikmeseydik şimdi durumu değerlendirmekte olacaktık. [Информант] «Если бы мы не промедлили со сбором солдат, сейчас мы были бы в состоянии оценивать ситуацию».

XVIII. Перфект в будущем / Future Perfect Tense

Английский материал

1. We shall have translated the article by five o'clock. [5] «К пяти часам мы (уже) переведем статью».

2. They will have shipped the goods when your telegram arrives. [5] «Когда придет ваша телеграмма, они уже погрузят товары».

3. I shall have finished this work by five o'clock. [19] «К пяти часам я жуж закончу эту работу».

Турецкий материал

1. Fakat, genç kadın, ne kadar bunalmış olacak ki bu istiskale kızmıyor, üst üste gönderdiği mektuplarda, “Beni kurtar, yoksa kendimi

öldüreceğim, kanıma girmiş olacaksın! diye feryat ediyordu”. [RNG, YD] «Однако в какой мере молодая женщина должна была оказаться в затруднительном положении, чтобы не сердиться на это дурное отношение, и в письмах, которые она слала одно за другим, крикливо заявлять: “Спаси меня, иначе я покончу с собой! А ты запятнаешь себя моей кровью!”».

2. Gara yetiştığımız zaman tren kalkmış olacaktır. [Информант] «Когда мы доберемся до вокзала, поезд наверняка уже уйдет».

3. Yalnız, canımı sıkın şey, Hayrullah Beyin bulunmaması. Onbaşı deminden tekrar uğradı, beyin bu gece köyde kaldığını söyledi. İnşallah o gelinceye kadar küçüğüm kalkmış olur. [RNG Ç] «Меня беспокоило только отсутствие Хайруллаха Бей. Только что снова заехал ефрейтор, сказал, что Бей на ночь остается в деревне [в которую он уехал]. Даст бог, моя малышка поправится до его приезда».

XIX. Турецкая форма ближайшего будущего в будущем (-mAk üzere olacak) The Future Perfect Tense

Турецкая форма -mAk üzere olacak сигнализирует о том, что действительно предстоит совершаться в будущем через краткий промежуток времени после события, о котором сообщает говорящий.

1. Ben, akşam sularında adadan dönmek üzere olacağım, sen de beni sahilde bekliyor olacaksın. Ne saadet! [Hüseyin Dalli. 08.01.2009] «Я буду накануне скорого возвращения с острова, а ты будешь ожидать меня на берегу. Какое счастье!».

2. Yaşlı kadın torbasını aldığı sırada çocuğum ekmeği bitirmek üzere olacak diye söyledi. [Информант] «Когда пожилая женщина взяла свою сумку, она проговорила: мой ребенок скоро доест весь хлеб».

3. Sabah çaına kadar bir paket sigara bitmek üzere olacak. [Информант] «К утреннему чаю коробка сигарет будет почти уже выкурена».

4. Sen postaneden zarf ve pul alıp eve dönerken ben mektubu bitirmek üzere olacağım. [Информант] «Пока ты купишь на почте конверты и марки и будешь возвращаться домой, я почти уже закончу письмо».

Английский материал

1. This time tomorrow I'll be about to get on a plane to China. [Информант] «Завтра в это время я уже буду почти садиться в самолет в Китай».

ИСТОЧНИКИ:

Английские

- Charlotte Bronte — Bronte, Charlotte. Jane Eyre. М.: Айрис-пресс, 2010.
Grisham — Grisham, John. The Testament. New York: Random House, Inc. 1999.
John Lanchester — Lanchester, John. Signal. New-York, 2017.
Harper Lee — Lee, Harper. To Kill a Mockingbird. London: Arrow Books, 2010.
Maugham — Maugham, Somerset. Short stories. [Sofia,] 1995.

Турецкие

- AN GK — Aziz Nesin. Geriye Kalan / Bütün Kitapları. 2. basım. İstanbul: Karacan Yayınları, 1981.
AN ŞÇH — Aziz Nesin. Şimdiki çocuklar harika. İstanbul, 1982.
AU — İsmet Zeki Eyyuboğlu. Anadolu Uygurlığı. İkinci basım: İstanbul, 1991.
EŞ A — Elif Şafak. Aşk. 1. baskı. İstanbul: Doğan Egmont Yayıncılık ve Yapımcılık Tic. AŞ, 2009.
HB ABB 2007 — Halikarnas Balıkcısı. Bütün Eserleri: 1. Aganta Burina Burinata! On dokuzuncu basım. Ankara: Bilgi Yayınevi, 2007.
HE SB 1989 — Halide Edip-Adivar. Sinekli Bakkal. İstanbul: Atlas Kitabevi, 1989.
Mercan Civan — Mercan Civan. Rodoplar'da Boynun Bükmüş Menekşeler. Öyküler. Antalya, 2014.
NH YGŞK — Nazım Hikmet. Yaşamak Güzel Şeydir Kardeşim / Nazım Hikmet. Bütün Eserleri. Cilt 7. Sofya: Narodna Prosveta, 1969. S. 337–721.
OP BK — Orhan Pamuk. Beyaz Kale. 19. baskı. İstanbul, 1997.
OP YH — Orhan Pamuk. Yeni Hayat. 34. baskı. İstanbul: İletişim Yayınları [ö. r.].
RNG Ç. 2008 — Reşat Nuri Güntekin, Çalıküşu, İstanbul: İnkılâp Kitabevi, 2008.
RNG YD — Reşat Nuri Güntekin. Yaprak Dökümü. Roman. İstanbul: İnkılâp ve Aka Kitabevleri, 1962.
RNG MT — Güntekin Reşat Nuri. Miskinler Tekkesi. İstanbul, 1963.
SÇ HG — Sevinç Çokum. Hilâl Görününce. Roman. 3. baskı. İstanbul: Cönk Yayınları, 1988.
SF BE — Sait Faik. Bütün Eserleri. 5. Kumpanya. Kayıp Aranıyor. 9. basım. İstanbul, 1994.

VT BGTB — Vedat Türkali. Bir Gün Tek Başına. Roman. Cem Yayınevi. Beşinci Basım, 1980.

YKBBE — Yaşar Kemal. Bin Boğalar Efsanesi. İstanbul: Cem Yayınevi, 1976.

Y. Kemal, İnce Memed-4 — (Интернет).

YK — Yaşar Kemal. Ölmez Otu (Интернет).

YK OD — Yaşar Kemal. Orta Direk. Sofya: Narodna Prosveta, 1964; Yaşar Kemal. Orta Direk. İstanbul: Tekin Yayınevi, 1980.

YKK KK — Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Kıralk Konak. 13. basılış: İstanbul, 1988.

Литература:

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974.
2. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию. — Т. II. — М., 1963.
3. Гузев, В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол. — Л., 1990.
4. Гузев, В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015.
5. Израилевич, Е. Е. Практическая грамматика английского языка / Е. Е. Израилевич, К. Н. Качалова. — Киев: Методика, 2003.
6. Казарян, В. П. Понятие времени в структуре научного знания. — М., 1980.
7. Кондаков, Н. Н. Логический словарь-справочник. — М.: Наука, 1976.
8. Кононов, А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. — М.; Л., 1956.
9. Маслов, Ю. С. Очерк болгарской грамматики. — М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956.
10. Маслов, Ю. С. Перфект // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
11. Първев, Хр. Христоматия по практическа граматика на българския език. — София: Наука и изкуство, 1964.
12. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — Изд. 6-е. — М., 1938.
13. Поливанов, Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию. — М., 1991.
14. Рассел, Бертран. Проблемы философии. — М.: Республика, 2000.
15. Серебренников, Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. — М., 1974.

16. де Соссюр, Ф. Труды по языкознанию. — М., 1977.
17. Сыромятников, Н. А. Система времен в новояпонском языке. — М., 1971.
18. Турецкая хрестоматия для III и IV курсов / сост. Х. Джевдет-заде, С. С. Джикия, А. Н. Кононов, Х. М. Цовикян. — Л., 1935.
19. Хорнби, А. С. Конструкции и обороты английского языка. — М.: АО «Буклет», 1992.
20. Щека, Ю. В. Практическая грамматика турецкого языка. — М.: Восток-Запад, 2007.
21. Якобсон, Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. — Сборник статей. — М.: Наука, 1972.
22. Johanson, L. Aspekt im Türkischen. — Berlin, 1971.
23. Grönbech, K. Der türkische Sprachbau. — I. — Kopenhagen: Levin und Munksgaard, 1936.
24. Korkmaz, Z. Türkiye Türkçesi Grameri (Şekil Bilgisi). — Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2003.

В. А. Демьянченко

Реформы Ататюрка в области религии

Аннотация: Современная наука часто затрагивает вопрос религии в Турции, ведь именно Мустафа Кемаль Ататюрк изменил ход течения истории. Он стал первым президентом Турецкой республики, а приверженцы его идеологии по сей день продолжают ее распространение. В статье затрагиваются основные реформы, проведенные Мустафой Кемалем в сфере религии. В их число входят ликвидация халифата, отмена шариата и масштабные реформы в сферах образования и культуры.

Ключевые слова: Ататюрк, модернизация, религия, ислам.

Становление светского государства и светской власти

29 октября 1923 г. произошло значимое для Турции историческое событие: Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ) — новый турецкий парламент, действовавший в Анкаре как независимая альтернатива султанской власти, — принял поправку к конституции, согласно которой формой власти турецкого государства провозглашалась республика. В ту же ночь тайным голосованием был избран первый президент Турецкой Республики Мустафа Кемаль-паша Ататюрк.

Затем меджлис принял Закон № 364 «Об изменении некоторых статей конституции». В первой статье подтверждалось, что «власть в стране принадлежит нации», и «формой управления турецким государством является Республика». Вторая статья гласила, что «религия турецкого государства — ислам, а официальный язык — турецкий», четвертая — что государство Турция управляется ВНСТ через правительство при главенстве президента. Десятая статья вводила должность президента и устанавливала порядок его избрания, одиннадцатая провозглашала, что «президент является главой государства и при необходимости руководит меджлисом и правительством».

Кемалисты, анализируя исторический опыт страны, понимали, что первым политическим условием модернизации должно стать создание светского государства.

29 октября 1923 г., в день провозглашения Турецкой Республики и избрания Мустафы Кемала президентом, он заявил в своем интервью

французскому журналисту Морису Перно: «Наша политика, наши традиции, наши устремления будут направлены на то, чтобы Турция стала европейской страной, или точнее, страной, ориентирующейся на Запад». Идея европеизации в данном случае подразумевала становление независимой от института религии власти — как это было в развитых странах Европы.

В период национально-освободительной борьбы говорить о создании светского государства было рано — одной из самых активных антиимпериалистических сил в борьбе за независимость в Анатолии были исламисты.

Во время работы первого меджлиса в нем было много представителей духовенства — по меньшей мере 20% состава меджлиса были улемами¹, восемь депутатов были шейхами². На тот момент ислам иногда даже идентифицировался с национализмом³.

Однако после Лозанны политики стали использовать веру отдельно от религии. Стало бытовать мнение, что исламисты не могут приспособиться к идеологической основе нового государства, а шариат не может приспособиться к принципам светского правового регулирования всех сторон жизни государства.

Из выступлений Мустафы Кемалю и его соратников становится очевидно, что ислам в то время ассоциировался со всем отсталым, консервативным, с тем, что превратило Турцию в полуколонию Европы и привело к военному поражению. После провозглашения республики стало ясно, что халифат вскоре будет низложен.

29 февраля 1924 г. прошла последняя церемония пятничного посещения последним халифом Турции мечети в Стамбуле. На следующий день, при открытии заседания ВНСТ, Мустафа Кемаль произнес обвинительную речь по поводу векового использования ислама как политического инструмента, потребовал вернуть его «к истинному предназначению».

3 марта, на заседании ВНСТ были приняты законы об отмене в Турции шариатского судопроизводства, передаче вакуфного имущества

¹ Мусульманские богословы и правоведы, теоретики и практики в области историко-религиозного учения и предания, этико-правовых норм шариата.

² Почетное название богослова в исламе.

³ Об этом особенно подробно пишет азербайджанский историк Э. Гасанова. Она подчеркивает, что национальные лозунги зачастую облекались в религиозные. Традиции, унаследованные из классической исламской культуры, играли большую роль во многих сферах жизни турок.

в распоряжение создаваемого генерального управления вакуфами. В том числе предусматривалась передача всех научных и учебных заведений в распоряжение министерства просвещения, создание единой светской системы национального образования. Еще во времена Танзимата⁴ в Османской империи были учреждены первые светские школы, но в них сохранялась шариатская система обучения.

3 марта 1924 г. вышел закон № 430 «О едином образовании», одновременно с законом о ликвидации халифата. Закон состоял из семи статей и входил в список первых революционных законов, не подлежащих отмене любой властью.

Первая статья устанавливала, что все научные и учебные заведения Турции переходят в подчинение министерства просвещения. Вторая статья обговаривала необходимость такого перехода для министерства по делам шариата и вакуфов — все руководимые ими ранее медресе и школы передавались министерству просвещения.

Закон также предписывал этому же министерству учредить при Стамбульском университете факультет по подготовке специалистов-богословов, а также создать «особые школы по подготовке служащих, которым надлежит обеспечивать отправление религиозных услуг».

23 апреля 1924 г. была принята первая республиканская конституция, которая обязывала всех турок, независимо от пола, овладеть в государственных школах начальным образованием (согласно 87-й статье). Турция объявлялась республикой, ее религией — ислам, государственным языком — турецкий, столицей — Анкара. ВНСТ (меджлис) являлось единственным реальным представителем нации и осуществляло верховную власть от имени нации.

После низложения халифата всем членам султанской семьи запрещалось пребывание на территории Турецкой Республики и предписывалось покинуть ее в течение 10 дней.

Утром 4 марта 1924 г. последний халиф Османской империи Абдулмеджид был отправлен в Швейцарию на поезде. В тот же день было учреждено Управление по делам религии, которое по сей день регулирует всю религиозную деятельность в стране. Муфтии становились служащими этого управления. Под его контроль перешли не только мечети, но и различные религиозные обители, прибежища дервишей и их орденов.

⁴ Принятое в литературе название модернизационных реформ в Османской империи в 1839–1876 гг., когда была принята первая османская конституция.

Также в процессе деисламизации общества стоит отметить принудительный «перевод» населения страны на ношение европейской одежды. В августе 1925 г. Мустафа Кемаль отправился в Кастамону и Инеболу, где он был одет в европейскую одежду, а, вместо традиционных папахи или фески держал в руках панаму. Мустафа Кемаль заявил: «Господа, и ты, нация, хорошенько поймите, Турецкая Республика не может быть страной шейхов, дервишей, мюридов и приверженцев тарикатов. Самый верный и истинный тарикат (путь) — тарикат цивилизации». На встречах в этих городах он поднял вопрос о том, что нигде не сказано, что мусульманин должен носить особую одежду, отличную от других.

В ноябре 1925 г. были приняты законы, запрещающие носить фески и папахи, а также сообщающие о закрытии мест религиозной деятельности и поклонения — текке и завии (обители дервишей) и тюрбе (усыпальницы дервишских святых).

В 1926 г. был принят Гражданский кодекс, устанавливающий буржуазные светские принципы гражданского права — положения о физических и юридических лицах, обществах, браке, семье, имуществе, его наследовании, разделе и т. д. Кодекс был переписан с текста швейцарского Гражданского кодекса, который тогда часто брали за образец.

Также в 1926 г. был принят Уголовный кодекс, 136-я статья которого запрещала использование религии в политических и личных целях.

Относительно прав турецких женщин, первыми важными шагами к европеизации стали запрет на многоженство, признание равных прав мужчины и женщины в семье, закрепление права женщин на получение образования, право женщин на участие в выборах в органы власти.

Туркизм и исламизм

Формирование новой государственной идеологии началось с резкого поворота к светскости, отрицания исламизма. Ликвидация халифата лишила исламистов надежды, что их идеология будет принята как государственная. На тот момент можно говорить о существовании двух видов ислама: «государственного» ислама, чья деятельность ограничивалась стенами мечетей, и «народного» ислама, который ушел в подполье и сохранился вместе со своими шейхами, орденами и заявлял о себе только через вооруженные выступления под религиозными лозунгами.

Хотя многими историками признается, что поводами к восстаниям были экономические проблемы, не стоит забывать и про идеологиче-

ское противостояние. Среди прочих восстаний стоит отметить восстание шейха Саида (1925). Его войска захватили город Генс, объявили его временной столицей Курдистана. Турки смогли разбить восставших под Генчем, а затем взяли в плен и казнили руководителей восстания.

Последним крупным вооруженным восстанием исламистов стал мятеж в Менемене (в турецкой историографии также известен под названием «Происшествие с Кубилаем» (тур. Kubilay Olayı)), рядом с Измиром, в декабре 1930 г. Его возглавил дервиш-проповедник Мехмед, который призывал «спасти священную веру ислама и восстановить шариат». Дервиш провозгласил себя мехди (мессией) и призвал свергнуть безбожную власть. Бунт был подавлен, но произвел огромное впечатление на Мустафу Кемалю – он был возмущен и приказал сровнять с землей городок Менемен. Виновным сочли тарикат Накшбандийя. Причастных к этому восстанию — 28 зачинщиков — казнили.

Литература:

1. Аралов, С. И. Воспоминания советского дипломата. — М., 1960.
2. Гасратян, М. А. Очерки истории Турции / М. А. Гасратян, С. Ф. Орешкова, Ю. А. Петросян. — М., 1983.
3. Еремеев, Д. Е. История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. — М., 2017.
4. Жевахов, А. Ататюрк. — М., 2008.
5. Киреев, Н. Г. История Турции. 20 век. — М., 2007.
6. Козинцев, М. А. Роль тариката Накшбандийя в Менеменском инциденте 1930 года // Российская тюркология. — СПб., 2016.
7. Пиотровский, С. Свет и тени Турции. — М., 1981.
8. Ушаков, А. Феномен Ататюрка. — М., 2002.
9. Bilal, N. Şimşir «Türk yazı devrimi». — Ankara, 2008.
10. Kemal Atatürk, M. Nutuk. — Cilt 2. — İstanbul, 1997.
11. Kuzu, Ali. Atatürk din düşmanı değildi. — İstanbul, 2013.
12. Perinçek, Doğu. Atatürk, Din ve laiklik üzerine. — İstanbul, 1997.

М.Э. Дубровина

**О необходимости различия понятий «синхрония»
и «диахрония» при анализе тюркских
морфологических форм**

M.E. Dubrovina

**On the Importance of Distinguishing the Concepts
of “Synchrony” and “Diachrony” in the Analysis of Turkic
Morphological Forms**

Анализ любого языка и его единиц возможен с двух различных точек наблюдения: во-первых, в исторической перспективе, т. е. когда языковые факты рассматриваются в их диахроническом (историческом) развитии, во-вторых, с позиции современности, когда функционирование форм наблюдается на настоящий момент, т. е. в синхронном срезе языка, совпадающем с каким-то определенным временным периодом.

В любом лингвистическом исследовании необходимо отделять те значения и функции грамматических форм, которые существовали в некие предшествующие периоды развития данного языка, и те, которые являются продуктивными и действующими на тот момент, который выбран исследователем в качестве отправной точки анализа.

В настоящем сообщении предлагается остановиться только на одном примере, достаточно хорошо иллюстрирующем необходимость применения указанного выше принципа. Это вопрос о статусе в современном турецком языке деепричастия *-ур* и того глагола, который с ним сочетается, в конструкциях, именуемых сложновербальными (бивербальными). Речь пойдет о конструкциях типа *-ур dug-*. Этот вопрос представляет важность еще и потому, что практически во всех тюркских языках присутствуют аналогичные сочетания, в таких вариантах как: *-п утыр* (отыр, одур), *-п ят* (чат), *-п тур*.

Деепричастие в этих словосочетаниях зачастую рассматривается как некая самостоятельная форма, точнее, когда происходит анализ деепричастия, то как одно из его значений указывается возможность

сочетания данного деепричастия с вспомогательными глаголами. Тем не менее, опираясь на синхронический подход в исследовании можно прийти к заключению, что в указанных выше и аналогичных сочетаниях самостоятельное деепричастное значение формы, скорее всего, уже утрачено. Как представляется, форма *-ur* в таких случаях приобрела статус неотделяемой части единой аналитической или перифрастической конструкции, обладающей единым с последующим глаголом-модификатором грамматическим значением (вида или способа действия). То же можно сказать и о тех глаголах, которые употребляются в подобных сложновербальных образованиях. Они уже едва ли представляют собой самостоятельные единицы, обладающие собственным лексическим значением.

Таким образом, в турецком языке можно выделить следующие аналитические показатели способов действия: *-ur kal-*, *-ur dur-*, *-ur git-*, *-ur gel-*. С позиции синхронии можно говорить о том, что все эти сочетания представляют собой отдельные морфологические аналитические показатели, каждый из них имеет свое значение, указывающее на тот или иной способ протекания исходного действия, в каждой форме — глаголы *kal-*, *dur-*, *git-*, *gel-* уже не воспринимаются в качестве лексических единиц, обладающих своим значением (*kal-* ‘оставаться’, *dur-* ‘стоять’, *git-* ‘идти’, *gel-* ‘приходить’). Эти глаголы на настоящий момент выполняют исключительно техническую функцию, приобрели служебный статус и не должны отождествляться с имеющими то же самое звучание глаголами, от которых исторически возникли данные аналитические формы.

К. А. Жуков

Специальные стулья для иностранных послов при Османском дворе

К. А. Zhukov

Special chairs for foreign ambassadors at the Ottoman court

Формальным поводом для обращения к истории османской дипломатии послужил эпизод во время недавнего визита президента Сербии А. Вучича в Белый дом, где 4 сентября 2020 г. при посредничестве Вашингтона состоялось подписание соглашения сербского президента с премьером частично признанного государства Косово. Большой резонанс вызвала фотография Вучича в Овальном кабинете, сидящего «как на допросе» на небольшом неудобном стульчике на значительном расстоянии перед рабочим столом американского президента. Развернувшаяся в этой связи дискуссия о «протокольном проколе» сербского дипломатического ведомства, на наш взгляд, может быть обогащена путем обращения к опыту дипломатических сношений Османской империи с Россией и странами Запада в области протокола и этикета, учитывая тот факт, что Сербия долгое время входила в состав османского государства.

И в московский, и в имперский период российской истории власть хорошо понимала значение формальной стороны дипломатических сношений со странами Востока. Хорошей иллюстрацией к этому тезису служат подробные отчеты русских послов, в которых детальным образом фиксируются все протокольные тонкости (см., например, отчет Ивана Новосильцева, направленного в Стамбул в качестве гонца в 1570 г.). В общем плане изучению этой проблематики были посвящены специальные работы представителей старой школы отечественного востоковедения, в частности статьи таких выдающихся тюркологов, как И. Н. Березин, В. В. Григорьев и Н. И. Веселовский.

В работах, принадлежащих перу российских дипломатов екатерининского времени, отмечены некоторые протокольные

особенности при османском дворе, целью которых было запланированное персональное унижение иностранных представителей, что было равносильно удару по престижу соответствующих держав. В частности, в сочинении П. А. Левашова «Цареградские письма о древних и нынешних турках...» (1789) таким образом описывается аудиенция у великого везира: «Посреди сего покоя стоит старый и гнилой табурет, приготовленный для посла, на котором ему сидеть должно, ежели только может его сдержать. По меньшей мере часа два слушает он множество дел, кои там судят и решают, из которых посол ни слова не понимает; ежели паче чаяния задача тогда жалованья янычарам и спагам, как турки обыкновенно стараются таковые дни для сего назначать, то довольствуется зрением, как приносят и разделяют до 2400 мешков, деньгами наполненных, что продолжается почти четыре часа; итак, ежели холодное время, без шубы имеет он весьма довольно времени от стужи дрожать, и спина его также должна чувствовать жестокое мучение, не имея на что опереться и не могши чем себе помочь в сем столь беспокойном состоянии». Однако, как было сказано в том же сочинении, при должной настойчивости со стороны послов некоторые турецкие протокольные требования все же удавалось игнорировать.

Представляется, таким образом, что в вышеупомянутом случае служба протокола сербского президента могла бы заранее обеспокоиться «порядком рассадки». Если же после случившегося должны выводы не воспоследуют, то в следующий раз уже станет вполне возможным некое повторение случая, произошедшего с послом шаха Ирана в Стамбуле в период правления султана Мурада III (1574–1595), когда персидского посла во время торжественной встречи усадили на специально сооруженный помост, который затем развалился в самый разгар церемонии на потеху принимающей стороне.

Н. А. Зайцев

Восприятие журналистики через призму просветительства в лирике Г. Тукая

Аннотация: В статье на примере стихотворений Г. Тукая рассматривается отражение темы журналистики в просветительской литературе и предлагается дальнейший анализ темы периодической печати в произведениях просветителей как возможное направление исследований.

Ключевые слова: просветительство, Г. Тукай, периодика, поэзия.

N. A. Zaitsev

Perception of journalism through the prism of enlightenment in the lyrics of G. Tukay

Abstract: The article uses the example of G. Tukay's poems to consider the reflection of the topic of journalism in enlightenment literature and offers further analysis of the topic of periodicals in the works of enlighteners as a possible research direction.

Key words: enlightenment, G. Tukay, periodicals, poetry.

Период конца XIX – начала XX вв. стал для татарского просветительства чрезвычайно важным этапом, ознаменовавшим переход к восприятию социалистических идей в общественной жизни и возникновение сложного синтеза критического реализма, просветительского реализма и романтизма в татарской и ряде других национальных литератур. Для этого периода характерно расширение сферы деятельности просветителей — к педагогике, литературной деятельности и изучению родного языка и культуры добавляется политическая активность и оживленная работа в периодической печати.

Поэт Габдулла Тукай имеет непосредственное отношение к просветительской работе в журналистике как основатель и сотрудник ряда татарских изданий, выполнявших не в последнюю очередь просветитель-

скую миссию. Отношение к журналистике как орудию просвещения проявляется в многих стихотворениях Тукая.

Теме журналистики в поэзии Г. Тукая уже посвящалась отдельная статья [17]. В ней исчерпывающе охарактеризована лирика Тукая на тему периодической печати с точки зрения ее жанровой природы, привлечена представительная подборка стихотворений, проведен хронологически выдержанный анализ. Тем не менее, как представляется, работа исследователей допускает продолжение. В нашей статье будет сделана попытка, с одной стороны, детальнее проанализировать поэтику произведений Тукая, с другой — восприятие журналистики в лирике Тукая будет рассмотрено как факт более общей тенденции обращения просветителей к периодической печати на рубеже XIX–XX вв., что стало одним из этапов эволюции целого ряда национальных литератур.

В статье будет рассмотрен ряд стихотворений 1905–1907 гг., поскольку этот период представляется достаточно показательным для изучения позднего просветительства в его связи с периодической печатью. Они отражали отношение поэта к периодической печати и служили оружием в полемике или средством повышения популярности какого-либо журнала или газеты. Перечисленные стихотворения Тукая должны быть рассмотрены как с точки зрения темы журналистики в просветительской поэзии, так и с точки зрения проникновения просветительства в журналистику и синтеза в текстах Тукая черт просветительской поэзии и журналистских, отчасти даже рекламных жанров.

Рассмотренные тексты можно разделить на несколько групп. Г. М. Ханнанова и Л. Р. Надыршина придерживаются деления на две группы, соответствующие основным жанровым стратегиям: «панегрическое восхваление деятелей татарской культуры, способствовавших открытию и развитию татарских газет и журналов» [17: 56], и «сатирическое изображение их противников, а также инвектива, направленная против отдельных консервативных издателей» [17: 56]. Можно расширить эту классификацию, разбив первую группу на две. К первой группе в этом случае относятся стихотворения, содержащие похвалу конкретным изданиям. В некоторых случаях такие стихотворения близки к восхвалению журналистики в целом. Ко второй группе относятся стихотворения, посвященные деятелям просветительской журналистики. Третья группа связана с критикой изданий и деятелей печати, стоящих на реакционных позициях.

Стихотворение «В саду знаний», напечатанное в анонсе журнала «Эль-гаср-эль-джадид», по своей жанровой природе напоминает хитап — стихотворное обращение к целому народу. Это произведение характеризуется преимущественно просветительской поэтикой. Оно в значительной мере продолжает просветительскую поэзию, какой она была в творчестве Абая и Акмуллы. Однако уже в этом раннем стихотворении отражено обращение просветителей начала XX в. к журналистике. Часты здесь упоминания газет и журналов («Газеталар, журналларны көннән-көнгә, кат-кат күбәйтк; // Мәгариф майданында без, татарлар, ат уйнатыйк» [2] — «С каждым днем газет, журналов будем больше издавать, // Чтоб татарам славу в деле просвещения снискать» [6]), которое однозначно связывается поэтом с понятием просвещения. Это отличает его от более ранних просветительских обращений к народу, поскольку здесь воспевается светоч просвещения, созданный самой татарской интеллигенцией. Рубеж веков отмечен созданием разветвленной системы журналов и газет, имеющих самую разную аудиторию и направленность, служащих трибуной представителям разных воззрений и литературных течений, среди которых не последнее место заняли просветители. Таким образом, пафос стремления к просвещению здесь усилен тем, что татарское просветительство обретает в этот период большую самостоятельность с развитием национальной периодической печати, доступной каждому грамотному татарину.

Анализ стихотворения «*** («В один из дней Камиль эль-Мотыйги...»)), опубликованного в том же анонсе журнала, демонстрирует противоречивый характер татарского просветительства, в котором сочетаются разнородные влияния, придавая ему как прочное основание, так и возможность развития и изменения. Первым и главным влиянием оказывается влияние классической восточной поэзии, бывшее в целом сильным в раннем творчестве Тукая. Оно отмечено в работе Г. М. Ханнановой и Л. Р. Надыршиной как черта ряда стихотворений Тукая на тему журналистики и охарактеризовано обилием «арабо- и персоязычных заимствований, <...> коранических аллюзий» [17: 56]. В данном случае классическое влияние проявляется в обилии возвышенной лексики, стилизации имени Мутыгыя Тухватуллина и этикетном самоуничижении автора в последних трех двустишиях («Ниһаять, каләмемне туктагтым язудан, // Шуның белән чикләнергә рөхсәт сорыйм. // Шигърь язарга миндә осталык юк, // Тик әле кыюлык итеп кенә яздым. //

Исемем Габдулла — Алла бәндәсемән, // Алланың барлык колларынан
ин оялчаны мин» [3] — «Остановить на этом свой калям // За разреше-
нием обращаюсь к вам. // Писать стихи во мне умения нет, // Одной от-
вагой я ступил на след. // Мне имя Габдулла, Аллаха раб, // Ничтожней-
ший из всех и слаб» [1]). Влияние просветительской поэзии во многом
соотносимо с классической, так как просветители в своем творчестве
продолжали многие традиции восточной словесности. Однако можно
выделить здесь обилие символов света и других символических обра-
зов, которые поэт относит к характеристике журнала («Сез хыялланган
эфәк яулык та — // Чынында шушы журнал, ул — сезнең шәмегез. //
Журналның кәгазе — сезнең өчен көзге, // Алдыгызда яктыртылган чы-
раг ул» [3] — «Он — шелковый платок, твоя мечта; // На самом деле
он для вас свеча. // Его бумага — зеркало для вас, // Журнал — фонарь,
засвеченный сейчас» [1]). Тематика и адресат также связаны с просве-
тительской направленностью стихотворения, поскольку намерение по-
эта заключается, наряду с восхвалением конкретного журнала, в разъяс-
нении своему народу блага просвещения. Влияние формирующегося
рекламного дискурса проявляется главным образом в обилии призывов
и сравнений. Если сравнение объекта восхваления с положительными
образами характерно и для стихотворной похвалы, то призывы к дей-
ствию скорее сближают стихотворение Тукая с жанром хитапа. Сред-
ства, оформляющие рекламную функцию, в данном случае связаны с
поэтическими традициями тюркских литератур, что отражает незавер-
шенность процесса обращения просветителей к новому виду дискурса.
Тем не менее это стихотворение Тукая — яркое свидетельство того, что
на рубеже веков просветительские по духу произведения могут содер-
жать черты разных жанров и видов дискурса.

О стихотворении «Что говорят те, кто сотрудничает в «Эль-гаср-
эль-джадиде!» можно в общих чертах сказать то же, что и о «В саду
знаний». Оно так же выдержано преимущественно в рамках просвети-
тельской поэтики, причем в жанровом отношении его можно отнести
к касьеде — стихотворной похвале. Обильны символы света и жизни
(«Караңгылыкта нур тараттык без; // Бу үлгән милләтне тергездек без»
[16] — «Распространяли свет среди кромешной тьмы, // Умершей на-
ции жизнь возвратили мы» [15]). Своеобразно здесь повествование не
от лица поэта, как в предыдущих двух стихотворениях, а от лица сотруд-
ников журнала. Это достаточно нетипично для просветительской лири-

ки и может быть оценено как косвенное проявление демократического течения в литературе и общественной жизни.

Стихотворение «Редактору» обращено к Камиллю Мотыйгию, товарищу Тукая и издателю журналов, с которыми сотрудничал поэт. Жанр этого стихотворения, имеющего конкретный повод и адресата, ближе всего к посланию. Тем не менее, будучи обращенным к товарищу Тукая, оно было напечатано в нескольких журналах, что делает его обращением ко всем сторонникам просветительства и прогресса. Повторяющееся обращение «редактору» и отсылки к конкретным фактам («Дүрт газета-журнал иясе булуың белән син бәхетле» [11] — «Счастливым, четырёх газетам-журналам стал ты головой» [13]) ограничивают адресата стихотворения, однако публикация в периодическом издании делает любого читателя его косвенным адресатом.

Стихотворение «Стрелы» обыгрывает название журнала. Последовательная языковая игра отличает это стихотворение от рассмотренных ранее. Настроение, создаваемое этой игрой, соответствует задаче представить публике сатирический журнал. Здесь в творчестве Тукая кристаллизуется остроумная, юмористическая составляющая просветительства, уравнивающая его дидактизм. Соответственно и сатирические журналы типа «Стрел» представляют развитие просветительства в этом направлении, необходимое в условиях конкуренции за привлечение читателей к своим идеям. Аналогичную характеристику можно дать стихотворению «Уклар» журналында мөхбир уланлара тәнбиһ», где игра с названием журнала еще ярче и последовательнее.

Напротив, в стихотворении «Газетным наборщикам» поэт возвращается к форме похвалы и торжественному тону, уравновешенному юмористическим настроением нескольких двустиший. В варианте стихотворения на старотатарском языке яркой особенностью было местоимение «вы» — «сезсеңез», объединяющее как реди́ф первые две строки и почти все четные строки. Последняя строка стихотворения («Сезнең хакта яздым бераз көчмәннән килгән кадәр» [8] — «Как могу и как умею я составил это слово!» [7]) представляет собой краткое этикетное самоуменьшение автора. «Газетным наборщикам» представляет собой яркое проявление развития демократического начала в просветительстве. Всегда присущее просветительской идеологии, в начале XX в. оно усиливается благодаря совмещению в творчестве поэтов традиций просветительства и новых революционных и прогрессивных настроений рубежа веков.

Поэтическое обращение к рядовым работникам печати показывает, что просветители начинают в полной мере ощущать не только свою ответственность за родной народ, но и благодарность к тем его представителям, которые несут свет просвещения своим землякам.

В стихотворении «Не только для газеты “Фикер” (“Мысль”)» Тукай продолжает сложившуюся в его поэзии традицию языковой игры, помогающей поэту облегчить аудитории знакомство с новым изданием и создать устойчивый положительный образ. Основной прием поэта здесь тот же, что и в стихотворениях, посвященных журналу «Уклар» («Стрелы»): последовательное и насколько возможно разнообразное обыгрывание образа, легшего в основу названия издания, в положительном ключе; актуализация прямого значения названия журнала и его положительных коннотаций. Приведем пример: «Фикерегезне языгыз, тик якты булсын фикерегез; // Фикерегездер — фикеребез һәм фикеребездер — фикерегез <...> Чөнки фикерләр кайнаса, эшләр дә алга китәр, — // Бу мәгълүм булсын һәркемгә — шушындый безнең фикер» [14] — «За перо! Да будут мысли освещать пути умам. // Ваши мысли — наши мысли, наши — дороги и вам <...> Если мысль у нас родится — быть делам наверняка. // Мы на том стоим. Известно это вам наверняка» [12]. Интересно заглавие стихотворения. Вероятно, смысл его в том, что не только газета под названием «Мысль» должна нести мысль и знание народу, и не только о ней говорит поэт. Посыл заглавия заключается в том, чтобы через панегирик газете «Фикер» вновь обратить внимание читателя на значимость развивающейся национальной журналистики в целом. В общем и целом можно охарактеризовать это стихотворение как слияние стихии языковой игры стихотворений для журнала «Уклар» с просветительским дидактизмом и призывом всем грамотным татарам не оставаться безразличными к отечественной прогрессивной периодике.

В стихотворении «Из жизни редакции одной газеты» поэт отходит от возвышенного стиля, обращаясь к реалистическому изображению действительности, окрашенному долей сарказма. Повседневная лексика сменяет возвышенные заимствования, а простой, разговорный язык повествования — язык панегирика. Здесь Тукай обращает внимание читателя на трудное положение журналистов, представляющих интеллектуальный авангард татарского народа: «Хезмэтчеләр? — мәгълүм инде, фәкыйрь хәлдә, // Кызганычлы, мескен хәлдә, хәкыйрь хәлдә; // Бәйрәм күрмәк кайда инде?! — газап фәкать: // Бу күренешкә егъла да, көл дә,

шак та кат!» [4] — «Бедняги, жалко вас. Так горек ваш удел, // На вашем месте быть никто б не захотел. // Ведь вам и праздники и будни — всё равно. // Смешно ли это всё? Нет, братья, не смешно» [9]. В заключительных строках Тукай горько и недвусмысленно намекает на причину бедственного положения: «Сина, дустым, сүзем шулдыр: татарга сатма матбугат. // Трактир ач татарга, — сат та тор һәртөрле мәшрубат» [4] — «Мой друг, татарину вся пресса ни к чему: // Ему трактир нужней, гони вино ему!» [9]. Такое завершение стихотворения типично для просветительства; подобные выражения недовольства своими соотечественниками можно в изобилии встретить, например, у Абая. Таким образом, совершенно иные, нежели в предыдущих стихотворениях, стиль и поэтические средства здесь способствуют решению той же просветительской задачи.

Стихотворение «Богачу, спекулирующему типографией», написанное в том же 1907 г., также отражает отношение поэта к проблемам периодической печати. Конструктивной особенностью является деление каждого двустихия первой части на две противоположные по настроению строки. В первой дается позитивный тезис, во второй — его опровержение. К примеру: «Булды кондыз, аслы үзгәрде диеп мин күрсәм үз, — // Хәзрәтәңне белмәдем! — Дуңгыз икәнсең син һәнүз! // Матбага алгач, сине инсане галидер дисәм, — // Кайда галилек сина, хали икәнсең син һәнүз!» [10] — «Я думал: стал он добряком и свет несет невежде... // Но нет, свинья ты — и в грязи со всех сторон, как прежде! // Он, типографию купив, стал честным — мне казалось... // Какой ты честный человек? Ты пустозвон, как прежде!» [5]. В первой части стихотворения присутствует редиф — «һәнүз» («как прежде»). Вторая часть стихотворения полностью выдержана в духе инвективы. Редиф здесь отсутствует. Иное строение второй части стихотворения оформляет ее как вывод из сказанного выше. Таким образом поэт избегает риска сделать эффект противопоставления слишком протяженным и тем самым ослабить воздействие на читателя. В обеих частях присутствуют символы света и тьмы и ряд других символов, ассоциируемых с просвещением и обскурантизмом. Язык стихотворения архаичен, частотны культурные аллюзии. Таким образом, в данном произведении вновь проявляются характерные черты возвышенной просветительской риторики, совмещенные с особым решением композиции.

Объем статьи не позволяет проанализировать целый ряд стихотворений, представляющих разные подходы к решению задач популяризации

прогрессивной прессы. Однако представленная подборка позволяет заключить, что Тукай владел в полной мере как литературным наследием просветителей, так и арсеналом поэтических средств, в том числе новаторских и самобытных. Поэт в каждом стихотворении учитывает аудиторию, повод, цель написания текста и соответствующим образом выстраивает свое стихотворение.

В ходе анализа стихотворений Тукая можно прийти к выводу, что влияние на них журналистики и формирующегося медийного дискурса определяет не только творческую личность Тукая, но изменения самого просветительства, приспособляющегося к новым средствам обращения к народу. Поиск и характеристика аналогий в просветительстве башкир и других тюркских народов представляет собой тему отдельных работ. Вероятно, анализ творчества башкирских поэтов начала XX в., аналогичный проведенному в данной работе, сможет дать результаты, достаточные для сопоставления татарского и башкирского просветительства с точки зрения его связи с периодической печатью.

Литература:

1. Тукай, Г. *** («В один из дней Камиль эль-Мотыйги...») // Габдулла Тукай. — URL: <http://gabdullatukay.ru/rus/works/poems/1905-god/v-odin-iz-dnej-kamil-el-motyjgi-per-v-s-dumaevoj-valievvoj/> (дата обращения: 16.04.20).
2. Тукай, Г. *** («Голүмең бакчасында...») // Габдулла Тукай. — URL: <http://gabdullatukay.ru/works/poem/1905/golumen-bakchasynda/> (дата обращения: 16.04.20).
3. Тукай, Г. *** («Чөнанча бездә...») // Габдулла Тукай. — URL: <http://gabdullatukay.ru/works/poem/1905/chonancha-bezde/> (дата обращения: 16.04.20).
4. Тукай, Г. Бер гәзитә идарәсе хәленнән // Габдулла Тукай. — URL: <http://gabdullatukay.ru/works/poem/1907/ber-gezite-idarese-helennen/> (дата обращения: 16.04.20).
5. Тукай, Г. Богачу, спекулирующему типографией // Габдулла Тукай. — URL: <http://gabdullatukay.ru/rus/works/poems/1907-god/bogachu-spekuliruyushhemu-tipografiej-per-r-morana/> (дата обращения: 16.04.20).
6. Тукай, Г. В саду знаний // Габдулла Тукай. — URL: <http://gabdullatukay.ru/rus/works/poems/1905-god/v-sadu-znaniy-per-v-s-dumaevoj-valievvoj/> (дата обращения: 16.04.20).

7. Тукай, Г. Газетным наборщикам // Габдулла Тукай. — URL: <http://gabdullatukay.ru/rus/works/poems/1906-god/gazetnym-naborshhikam-per-s-botvinnika/> (дата обращения: 16.04.20).
8. Тукай, Г. Гэзитэ мөрэттиблэрэнэ // Габдулла Тукай. — URL: <http://gabdullatukay.ru/works/poem/1906/gezite-morettiblerene/> (дата обращения: 16.04.20).
9. Тукай, Г. Из жизни в редакции одной газеты // Габдулла Тукай. — URL: <http://gabdullatukay.ru/rus/works/poems/1907-god/iz-zhizni-redaktsii-odnoj-gazety-per-v-ganieva/> (дата обращения: 16.04.20).
10. Тукай, Г. Матбага берлэ уйнаган бер байга // Габдулла Тукай. — URL: <http://gabdullatukay.ru/works/poem/1907/matbaga-berle-ujnagan-ber-bajga/> (дата обращения: 16.04.20).
11. Тукай, Г. Мөхәрриргә // Габдулла Тукай. — URL: <http://gabdullatukay.ru/works/poem/1906/moherrirge-kitmesen-kejfen/> (дата обращения: 16.04.20).
12. Тукай, Г. Не только для газеты «Фикер» // Габдулла Тукай. — URL: <http://gabdullatukay.ru/rus/works/poems/1906-god/ne-tolko-dlya-gazety-fiker-mysl-per-v-ganieva/> (дата обращения: 16.04.20).
13. Тукай, Г. Редактору // Габдулла Тукай. — URL: <http://gabdullatukay.ru/rus/works/poems/1906-god/redaktoru-per-v-s-dumaevoy-valievoy/> (дата обращения: 16.04.20).
14. Тукай, Г. «Фикер» гәзитәсенә генә махсус түгел // Габдулла Тукай. — URL: <http://gabdullatukay.ru/works/poem/1906/fiker-gezitesene-gene-mahsus-tugel/> (дата обращения: 16.04.20).
15. Тукай, Г. Что говорят те, кто сотрудничает в «Эль-гаср-эль-джадид»! // Габдулла Тукай. — URL: <http://gabdullatukay.ru/rus/works/poems/1906-god/chto-govoryat-te-kto-sotrudnichayet-v-el-gasr-el-dzhadide-per-r-morana/> (дата обращения: 16.04.20).
16. Тукай, Г. «Элгасрелжәдид» кә матди һәм мәгънәви катнашкан кешеләрнең хәл телләре (күңеле) нәрсә әйтә? // Габдулла Тукай. — URL: <http://gabdullatukay.ru/works/poem/1906/elgasreljedide-maddeten-ve-megnen-ishtirak-idenleren-lisane-hale-ne-dier/> (дата обращения: 16.04.20).
17. Ханнанова, Г. М. Тема периодической печати в лирике Г. Тукая: мотивы и жанровые стратегии / Г. М. Ханнанова, Л. Р. Надыршина // Казанская наука. — 2019. — № 10. — С. 55–57.

А. Р. Избасарова

**Образ казаха в сочинениях европейских
путешественников XVIII – начала XIX вв.**

A. R. Izbasarova

**The image of the Khazakh in the writings of european
travelers in XVIII–XIX centuries**

Европейцы, посещавшие Центральную Азию в XVII–XIX вв., были преимущественно членами российских миссий и экспедиций. Это было обусловлено развитием казахско-русских отношений, продвижением России в Центральную Азию. В данной работе использованы записки, отчеты, труды путешественников и исследователей XVIII и XIX вв.: И. Муравина, Н. П. Рычкова, И. Г. Георги, Е. И. Бланкеннагеля, Я. П. Гавердовского, Е. К. Мейендорфа, Ф. П. Назарова.

Сочинения вышеперечисленных авторов дают достаточное представление о жилище, одежде, пище, быте, обычаях казахов, их отношениях между собой и с соседями. Среди этнопсихологических особенностей казахов исследователи отмечали следующие черты: гостеприимство, солидарность и взаимопомощь, выносливость, терпеливость, лень у мужчин и трудолюбие у женщин, меланхоличность, склонность к сочинению музыки и стихотворений.

Путешественники того времени, как правило, не учитывали, что все бытовые порядки были следствием такой формы хозяйственной деятельности, как кочевание. В их трудах присутствует негативное отношение к кочевничеству и некоторым степным обычаям, они воспринимаются как «проявления дикости». Авторы заостряют внимание на грубости нравов и суровости быта, отсутствии санитарии, низком уровне развития. Но были и случаи романтизации степного мира, исследователи проникались атмосферой «мирных» вечеров на летовках казахов, рисовали их «необузданными» детьми природы. По их мнению, степняки очень тесно связаны с природой, которая дает им все необходимое для жизни. Природа и человек проживают времена года вместе; с приходом осени мир засыпает, и люди тоже готовятся к зиме, как к длинной спячке, весной пробуждается жизнь — оживает и жизнь в ауле.

Ш. Н. Камалова

Аспекты характеристики дополнительной модели в языке ДТРП

Одна из разновидностей атрибутивных синтаксических моделей — дополнительная модель — состоит из двух компонентов — дополняемого и дополнения. Дополнительные модели служат средством выражения связи какого-либо действия, признака или предмета с каким-либо предметом.

В системе объектных отношений выделяются прямой и косвенный объекты. Прямой объект показывает реальный или грамматический объект, с которым совершается действие в реальном и грамматическом смысле. Он обычно употребляется с переходным глаголом, который в предложении может быть не только сказуемым, но и другим членом предложения.

Прямой объект может быть определенным и неопределенным. Выделение определенных и неопределенных прямых объектов языковеды сводят к грамматической определенности и неопределенности предмета. Уже в первых тюрко-татарских грамматиках имеются сведения об определенных и неопределенных прямых объектах.

В тюркских языках определенный прямой объект, как правило, выражается существительным в винительном падеже, а неопределенный прямой объект — существительным в неопределенном винительном падеже, т. е. без аффиксов.

Косвенный объект имеет лишь косвенное отношение к действию.

В языке ДТРП, и в том числе современных тюркских языках, между дополнением и дополняемым есть примыкание и управление. Примыкание в древнетюркских языках имеет большую сферу распространения, чем в современных тюркских языках.

Е. А. Коваленко

Сатирические элементы в новеллах Омера Сейфеддина

Аннотация: В докладе рассматривается, какими средствами Омер Сейфеддин создавал в своих новеллах сатирический эффект. Чтобы понять, что помогало писателю создавать сатирические произведения, были изучены его биография, историческая ситуация в Османской империи в период жизни писателя, рассмотрена проблематика его произведений, а также изучены используемые Омером Сейфеддином средства художественной выразительности на примере двух его новелл, а именно “Yüksek ökçeler” (Высокие каблучки) и “Keramet” (Чудо).

Ключевые слова: реализм, Омер Сейфеддин, сатира, новелла, рассказ.

Е. А. Kovalenko

Satirical elements in the stories of Omer Seyfeddin

Abstract: The report explores how Omer Seyfeddin created a satirical effect in his stories. To understand what helped the writer create satirical works, his biography, the historical situation in the Ottoman Empire during the period of the writer's life were studied, the problems of his works were considered, and the means of artistic expression used by Omer Seyfeddin were studied using the example of two of his stories, namely “Yüksek ökçeler” (High heels) and “Keramet” (Miracle).

Key words: realism, Omer Seyfeddin, satire, story.

В 10-е годы XX в. в османской литературе набирает популярность реализм, а вместе с ним в прозе на передний план выходит жанр новеллы. Новелла, как и рассказ, является прозаическим произведением, содержание которого направлено на отображение действительности. Омер Сейфеддин сыграл важную роль в становлении подлинно турецкой новеллы. Дело в том, что Омер Сейфеддин писал свои рассказы на языке, приближенном к народному турецкому, а не на литературном

османском, изобилующем арабскими и персидскими заимствованиями. В статье «Новый язык», напечатанной в журнале «Генч Калемлер» (Молодые перья), он написал, что османский язык не имеет никакого отношения к националистическим идеям, а национальную литературу можно создать только на турецком языке, на котором говорит сам народ [3: 32–33].

Омер Сейфеддин родился 11 марта 1884 г. в городе Гёнен. В 1900 г. он заканчивает военное училище в Эдирне. Именно в эти годы Омер проявляет интерес к литературе и пишет свои первые стихотворение и статью. После окончания училища Омер Сейфеддин приезжает в Стамбул и поступает в учебное заведение «Мектеб-и Харбийе-и Шахане» (Султанская военная школа). Будучи студентом, он пишет свой первый рассказ. В 1908 г. Омер Сейфеддин получил звание младшего лейтенанта и был отправлен на границу с Болгарией. Оттуда он отправлял статьи и стихи в журналы, издававшиеся в Стамбуле и Салониках. В следующем году Омер Сейфеддин прибывает в Стамбул вместе с войском, отправленным для подавления восстания, известного как «Инцидент 31 марта». О событиях, произошедших 31 марта, он потом напишет в рассказе «Реакционная война». В те годы он познакомился с Али Джаниб Йонтемом и Зией Гекальпом и начал усердно работать над темой турецкого национализма. Омер Сейфеддин преподавал в Кабаташском лицее, затем в Стамбульском мужском педагогическом училище. Также Омер Сейфеддин был главным редактором журнала «Тюрк сёзю» (Турецкое слово).

Пик творчества Омера Сейфеддина приходится на 10-е годы XX в., время правления младотурок. Младотурецкая революция 1908 г. не привела к развитию турецкой нации, наоборот, лишь обострила национальный вопрос. Отрицательное отношение Омера Сейфеддина к революции и младотуркам можно встретить, например, в рассказе «Эфруз-бей». В этом рассказе присутствует сатира на младотурок, которых олицетворяет главный герой Эфруз-бей, утверждающий, что «нет ничего более нелепого, чем национальность» [2: 176]. Омер Сейфеддин с иронией пишет о том, что коренные стамбульцы, греки, арабы, евреи, курды кинулись обнимать и целовать друг друга, послушав речи Эфруз-бея о всеобщем равенстве и братстве.

Сатира в творчестве Омера Сейфеддина играет важную роль. «Сатира — вид комического, отличающийся от других видов (юмора,

иронии) резкостью обличения» [1: 560] пороков общества или отдельного человека. Важное место среди работ Омера Сейфедина занимают рассказы на социально-бытовую тему, в которых писатель зачастую выражает свою критику и несогласие с происходящим в сатирическом ключе. В такого рода произведениях писатель часто затрагивает тему чрезмерной религиозности турецкого общества, суеверий, невежества мулл, дервишей и прочих представителей религиозного культа. Например, в рассказе «Священный призыв» речь идет о невероятно набожном Хаджи Имадэддин-эфенди, который принял выкрики пьяного сына за священный призыв и выпрыгнул в окно, думая, что вознесется на небо. Однако чуда не произошло, он разбился. Также автор демонстрирует, как меняется отношение людей к этому человеку. Еще недавно все считали его святым, теперь же называют безбожником, совершившим самоубийство.

На примере рассказов “Yüksek ökçeler” (Высокие каблучки) и “Keramet” (Чудо) в данной работе проанализированы средства художественной выразительности, используемые Омером Сейфедином.

В рассказе “Yüksek ökçeler” (Высокие каблучки) объектом сатиры является Хатидже-ханым, молодая и богатая вдова. В сатирических произведениях писатели делают акцент не на глубоком психологическом анализе персонажей, а на некоторых их особенностях характера и поведения. В случае с Хатидже-ханым это ее забота о чистоте и порядочности окружающих, а также ее страсть к туфлям на высоких каблуках. Они были такими высокими, что автор пишет о том, что «в таком виде она была похожа на канатоходца» (“Adeta bir cambaza dönmüştü” [4: 6]). В данном сравнении явно читается сарказм писателя. Пока Хатидже-ханым носила свои туфли на высоком каблуке, она была довольна жизнью, поведением домочадцев. Затем стоило только ей по совету доктора поменять туфли на мягкие тапочки, как ее слуги начали воровать и совершать прочие непристойности. Однажды домашние сказали: «Ох, эти домашние туфли нам все испортили» (“O terlikler her işimizi bozdu” [4: 7]). Таким образом автор использует олицетворение. Этот художественный прием показывает, что все беды, по мнению домочадцев, происходят исключительно из-за новой обуви хозяйки, ведь теперь они не слышат, как она к ним приближается. Сама же Хатидже-ханым посчитала, что ей будет спокойнее на душе, если она будет ходить на высоких каблуках и не знать о том, что вытворяют слуги. Поэтому рассказ завершается несколь-

ко абсурдно, Хатидже-ханым снова надевает туфли на высоком каблуке, и ее душевное состояние заметно улучшается. Таким образом, можно сказать, что рассказ построен на антитезе. В произведении наблюдается противопоставление разных состояний героини в зависимости от того, в какой обуви она ходит. Комический эффект в рассказ главным образом вносит антитеза, но вкрапления сравнения, олицетворения и сарказма также позволяют назвать данное произведение сатирическим.

Рассказ “Keramet” (Чудо) является примером произведения, в котором Омер Сейфеддин насмехается над религиозностью людей. По сюжету в бедном квартале разгорается пожар. Жители квартала уверены, что огонь потухнет, когда дойдет до усыпальницы святого, ведь «быть не может, чтобы она загорелась» (“Mümkün değil, o, tutuşmazdı” [3: 113]), иронизирует автор. Далее появляется персонаж Вобла Ахмед, вор, который воспринимает усыпальницу лишь как место, где можно пожить. Забравшись внутрь, Ахмед начинает собирать все, что там есть ценного. Автор с остроумием сравнивает накидывание молитвенных ковриков на надгробие с надеванием попоны на лошадь (“seccadeleri topladı bunları beygirin üzerine çul vurur gibi sandukanın sırtına örttü” [3: 114]). Далее вор спрятался под сделанное из фанеры надгробие, чтобы незаметно покинуть усыпальницу со всем украденным добром, вышел таким образом на улицу и прошел мимо пожара и людей. Автор, написав, что «надгробие двигалось прямо к пожару», «народ уступал ему дорогу», «надгробие, пошатываясь, величаво прошло мимо» (“Sanduka yangına doğru yürüdü”, “yol veren ahali”, “sanduka heybetle sallana sallana aralarından geçti” [3: 115]), обрисовал чувства людей. Это надгробие стало для них олицетворением покинувшего усыпальницу святого, которого они уважали и в данный момент боялись. Данный рассказ также построен на антитезе. Противопоставляя народ, объект сатиры, и Воблу Ахмеда, спокойно покусившегося на святое, автор демонстрирует невежество чрезмерно верующих людей, которых может обвести вокруг пальца обыкновенный вор.

Важным элементом для создания сатирического произведения является выбор темы, и Омер Сейфеддин в своих новеллах затрагивал актуальные для своего времени проблемы, что помогало созданию сатирического эффекта. Кроме того, в проанализированных новеллах “Yüksek ökçeler” (Высокие каблочки) и “Keramet” (Чудо) можно наблюдать такие тропы, как сравнение и олицетворение, зачастую работы Омера

Сейфеддина строятся на антитезе. В новеллах присутствуют примеры видов комического, а именно примеры острот, сарказма, иронии и юмора. Все эти средства помогли Омеру Сейфеддину выразить насмешку, изобличить недостатки общества, т. е. написать настоящую сатиру.

Литература:

1. Нельс, С. Сатира // Литературная энциклопедия: в 11 т. — Т. 10. — М.: Художественная литература, 1937. — С. 560–573.
2. Сейфеддин, Омер. Рассказы / пер. с тур. И. Печенев. — М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957.
3. Oktürk, Şerif. Ömer Seyfeddin. Hayatı, sanatı ve eserleri. Gökşin yayınları, 1984.
4. Seyfeddin, Ömer. Yüksek ökçeler. İstanbul: Serhat yayım A.Ş., 1984.

М. А. Козинцев, Н. В. Савельева

**Сведения о Крымском ханстве
в Сборнике Прохора Коломнятина 1668 г.¹**

М. А. Kozintcev, N. V. Savelieva

**Information about Crimean khanate in the Miscellany
compiled by Prokhor Kolomniatin in 1668²**

Рукописный сборник («Цветник»), составленный черным дьяконом Прохором Коломнятином в 1668 г. (Отдел рукописей ГИМ, Музейское собр., № 2803), включает в себя несколько записанных им в 40–60-е годы XVII в. словарей-разговорников, сохранившихся только в этой рукописи. Самый большой по объему памятник лексикографии — тюрко-русский словарный свод, который был создан в крымском плену и который, помимо собственно лексикографического материала, содержит также повествовательные разделы. Тематика сообщаемых сведений широка и затрагивает вопросы религии и этнографии народов, населявших Крым, а также географии и гидрографии полуострова и сопредельных территорий. Некоторые описания составлены автором на основе личных наблюдений, другие — зафиксированы, очевидно, со слов рассказчиков.

Включенные в свод статьи религиозной тематики отражают специфику историко-политической ситуации в Крымском ханстве в середине XVII в., когда Крым находился в вассальной зависимости от Османской империи и представлял собой средоточие нескольких народностей и вероисповеданий. Большинство населения исповедовало суннитский ислам; часть жителей — православие, монофелитство, иудаизм; здесь проживала довольно крупная армянская диаспора и имелись греческие поселения. Автор приводит описания мечети, паломников-мусульман, обрядов (коллективная молитва, радения суфиев, обрезание) и праздни-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00200 А..

² This work was financially supported by RFBR according to the Research project No. 20-012-00200 А.

ков (ураза-байрам, курбан-байрам). Параллельно описывается религия армян, отличия ее обрядности от русского православного обихода, посты, устройство армянского храма. О том, что составитель словаря не располагал достоверными знаниями об исламе, можно судить как по изложению основ мусульманского учения и значения ритуалов, так и по переводу лексики, содержащему большое количество ошибок.

Реалии географического и исторического характера, содержащиеся в тексте памятника, довольно многочисленны и разнообразны. При этом обнаружить какие-либо определенные письменные источники этих рассказов представляется весьма затруднительным. Учитывая тесную взаимосвязь указанных реалий, можно также предположить, что «информантами» лексикографа выступали паломники или купцы, т. е. люди, совершавшие путешествия через территорию Крымского ханства в Россию и Османскую империю, а также православные пленники, находившиеся в Крыму, которые и могли сообщить ему какие-либо сведения — в силу объективных причин отрывочные и не всегда достоверные — о своем вынужденном странствии.

Девять глав текста касаются или полностью посвящены вопросам географии, причем пять из них описывают сугубо географию и гидрографию Крыма и сопредельных территорий: в них рассказывается в том числе о двух путях, которыми можно добраться до ханства, точнее, непосредственно до полуострова. Таким образом, эти главы представляют собой нечто вроде краткого путеводителя. Вместе с тем характер сообщаемых сведений позволяет предположить, что автор сам описанными путями не ходил, а составил маршруты позднее, редактируя первоначальные заметки, сделанные на основании устных источников.

По названию 27-й главы: «Сказаніе о черьтежѣ Крымскаго царства» можно судить об ориентации автора на тексты подобного жанра и, возможно, об использовании каких-то письменных источников при обработке первоначальных записей. Хотя указанные в главе расстояния между населенными пунктами не всегда соответствуют реальности, их соотношение говорит о том, что автор весьма подробно представлял себе размеры полуострова и местонахождение многих его крупных городов.

Таким образом, тюркско-русский словарный свод в «Цветнике» Прохора Коломнятина, являясь уникальным памятником русской лексикографии XVII в., представляет собой также ценный источник сведений и представлений о Крымском ханстве и культуре населявших его народов.

Д. И. Колосова

К вопросу об условной форме *-sa* в турецком языке

Функционирующая в турецком языке форма *-sa* традиционно трактуется исследователями как форма условной модальности. Одновременно с этим рядом исследователей (Ю. Н. Мазур, В. Г. Гузев) глагольные адвербиальные формы, выражающие условие, относятся к деепричастным формам.

Автор обращается к материалу японского и бурятского языков, а также опыту исследователей этих областей языкознания. Так, в японском языке значение условия выражается с помощью деепричастных форм *-тара* и *-рэба* [4: 245], которые наряду со значением условия обладают временной семой [3: 253]. Близость понятий «условие» и «обстоятельство» дает объяснение наблюдаемому в языках мира явлению, поскольку в данном случае условие представляется разновидностью обстоятельственных значений (время, место и т. д.) [2: 303–304]. Классификация условной формы *-sa* как условной модальности противоречит определению модальности: «...категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [1: 179], из которого следует субъективный характер модальности.

Таким образом, автор ставит под сомнение понятие «условной модальности», выдвигая положение о том, что средствами для передачи условия, т. е. отношения элементов реальности, в агглютинативных языках следует считать условные глагольные адвербиальные формы и трактовать форму *-sa* как деепричастную.

Литература:

1. Гузев, В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. — СПб., 2015.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
3. Нечаева, Л. Т. Учебник японского языка для продолжающих. — Ч. 2. — М., 2011.
4. Сыромятников, Н. А. Развитие новояпонского языка. М., 2004.

Г. А. Мирзоева

О лексической единице *truva // turka // türük*

Аннотация: В данном исследовании рассматривается этимологическая картина лексемы “türük // türk”. В ходе исследования был использован исторически-сравнительный и описательно-сравнительный методы лингвистики. Учитывая исторические факты и фонетические изменения в эволюции языка можно утверждать, что слова “türük // türk”, “turka” и “truva” имеют общие корни.

Ключевые слова: Троя, турецкий язык, “truva // turka // türük”.

Г. А. Mirzayeva

About the lexical unit *truva // turka // türük*

Abstract: This study examines the etymological picture of the lexeme “türük // türk”. In the course of the study, historical-comparative and descriptive-comparative methods of linguistics were used. Given the historical facts and phonetic changes in the evolution of the language, it can be argued that the words “türük // türk”, “turka” and “truva” have common roots.

Key words: Troy, Turkish, “truva // turka // türük”.

Турецкий язык имеет глубокую и древнюю историю. Эпиграфические памятники на камнях, дошедшие до наших дней, свидетельствуют о том, что данный язык даже в VI–VII вв. достиг уровня письменного языка. Вероятность доминирующей позиции турецкого языка в те времена очень велика. Несмотря на то, что в исторических источниках есть очень много упоминаний о существовании различных штампов, символов для обозначения различных идей, тем самым древнетюркский язык уже в VI–VII вв. имел своеобразный алфавит. Н. Хаджиэминоглу в своей книге «Глаголы в турецком языке со структурной точки зрения» демонстрирует совсем иную и новую позицию в отношении глагольных структур в турецком языке. Анализируя глагольные корни в диа-

хроническом освещении, он идентифицирует их до уровня единичных гласных и утверждает, что все глаголы в турецком языке сформированы от гласных звуков. Например, в данном исследовании он указывает, что многие глаголы в турецком языке на букву «а» исторически сформированы от гласного звука [a] [3: 35]. Он утверждает, что такие глаголы как “aуrmak” (разделить), тому пример. В этом смысле легко можно увидеть смысловую связь или же сходство по значению таких современных глаголов в турецком языке, как “aгı” (очищать), “aуг” (разделить), “aktaг” (поливать) и т. д. [3: 60]. Автор также пишет, что от короткого звука [o] произошли глаголы, обозначающие пожар или повышение, а от длинного звука [o:] сформировались глаголы для обозначения ходьбы. Например, “osaк” (костер), “oku” (читай) и т. д.

Западные говоры современного турецкого языка демонстрируют различные языковые события и изменения с точки зрения его внутренней и внешней структуры на сегодняшний день. Изменения, которые наблюдаются с точки зрения внутренней структуры, являются некоторыми изменениями в звучании и форме турецких корней и частиц, и это напрямую связано с естественным развитием турецкого языка.

Фонема является самой маленькой частицей языка. В агглютинативных языках она является очень важным языковым элементом. Фонетические явления определяют процесс развития слов с течением времени. Основным определяющим аспектом фонетических процессов в тюркских языках является звуковая гармония. Гармония гласных классифицируется как тонкость, узость, ширина и плоскостность звуков. Фонетическое переоплощение гласных, которые распространены в западно-турецких говорах, в основном наблюдаются в такой форме: [o] — [ö] // [u] — [ü]. Такие трансформации происходят в основном в начале слова или в первом слоге. Например, “yoqaгu” — “yuqaгı” (вверх), “oуan” — “uуan” (проснись). Сужение звука [o] в значительной степени наблюдается в северных говорах и диалектах турецкого языка: “sor” — “sur”, “bozuq” — “uzuq”. Но надо отметить, что в азербайджанском языке данная трансформация наблюдается в форме [ü] — [ö], или [u] — [o]. Например, “güzel” — “gözel” (красивый (ая)), “büyük” — “böyük” (большой); “güvercin” — “göğercin” (голубь), “uуan” — “oуan” (проснись). Учитывая данные фонетические изменения, можно рассмотреть в диахронно-эволюционном аспекте и само слово “türk” (турк // турок).

Лексема “türk” встречается в очень древних тюркских письменностях, и его древняя форма во многих источниках читается как «Türük». В ходе исторической эволюции данная лексема трансформировалась в форму «Türk». В китайских источниках оно упоминается как Tu-kue [2]. В древнегреческих источниках данное слово встречается в формах Thrak, Thargita, Turkae [1: 67]. Данные факты подтверждают влияние и взаимосвязь тюрков со многими народами мира.

Азербайджанский исследователь-тюрколог Чингиз Гарашарлы в своей работе «Трояны были турками», утверждает, что этрусские надписи можно читать на турецком языке. Он пишет, что наименования в данных надписях с точки зрения этимологии легко можно трактовать в рамках тюркских языков и неспроста в древнескандинавских источниках троянцы и турки идентифицируются как единый народ [5: 56]. В данной книге представлены неопровержимые доказательства, подтверждающие троянско-этрусско-турецкое родство.

Исследуя слово “türk” в диахроническом освещении, можно увидеть, что в каком-то промежутке времени оно было перевоплощено в форму “turuv // truva” (Троя). Данный факт объясняется следующим: в тюркских языках в определенной степени наблюдается и эволюция согласных (это особенно заметно, если сравнить разные говоры и диалекты турецкого языка). Например, kargag>kargav>karga, oklagu>oklagı>oklağı>oklava и т.д. [4]. Сформирование лексемы “Turka” можно объяснить с данной позиции. Суффикс -а в конце данного слова — вполне вероятно, окаменевший суффикс дательного падежа древнетюркского языка. Эволюцию данного слова можно рассмотреть так: Türk + a > Türka > Turka. Если учесть тот факт, что в историческом фоне в тюркских языках наблюдается трансформация к — v, то можно утверждать, что в некоторых ареалах слово Türk-Türük имел такую трансформацию, или фонетическое изменение состава: Törük > Türük, Türük+a > Türüka > Turuk(a) > Turug(a) > Turuv(a) / Truv(a).

Литература:

1. Brandau, B. Troya: Bir Kent ve Mitleri Yeni Keşifler. Ankara: Arkadaş Yayınevi. 2007.
2. Erus, R. DNA Testleri Etruskler’ in Türk Kökenli olduklarını söylüyor. Hürriyet-Dünya (23.09.2007) — <http://www.hurriyet.com.tr/dunya/dna-testleri-etrusklerin-turk-kokenli-olduklarinisoyluyor-7544610> (дата обращения: 22.03.2020).

3. Hacıeminođlu, N. Türk Dilinde Yapı Bakımından Fiiller. Ankara: Bilge Kùltür Sanat, 2016.
4. Kaçalin, M. Azmi. Türkiyat Mecmuası, -lagu/-legü eki üzerine, Edebiyat Fakùltesi Yay / M. Kaçalin, A. Bilgin. İstanbul, 1997.
5. Qaraşarlı, Ç. Truvahılar Türk İdiler. Azərbaycan Diller Üniversitesi. YOM, 2007.

К. В. Михайлова

Взаимоотношения Российской и Османской империй во время Персидских походов 1722–1723 гг. Петра I

Аннотация: Рост напряжения русско-турецких отношений в правление Петра I впервые наблюдался еще в конце XVII столетия. Затем это напряжение переросло в Прутский поход 1711 г. и Персидские походы 1722–1723 гг. Тем не менее во время Каспийских походов удалось избежать крупного конфликта двух держав. Это противостояние завершилось заключением в Стамбуле в 1724 г. мира, согласно которому Россия и Турция присоединили к себе ряд территорий.

Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, Персия, Персидский (Каспийский) поход, держава.

К. V. Mikhailova

The relations of the Russian and Ottoman Empires during the Caspian campaign of 1722–1723 of Peter I

Abstract: For the first time the growing confrontation in the Russian-Turkish relations during the rule of Peter I was experienced at the end of XVII century. Then this confrontation culminated in the Prut campaign of 1711 and the Persian campaign of 1722–1723. Nevertheless, the latter didn't result in the biggest conflict of two powers. Eventually in the city of Istanbul in 1724 the Treaty of Peace was signed and according to this agreement Russia and Turkey annexed a number of territories.

Key words: the Russian Empire, the Ottoman Empire, Persia, the Persian (Caspian) campaign, power.

В 20-е годы XVIII столетия основным мероприятием восточной политики русского императора Петра I были Персидские походы. Однако основной его целью было не установление господства над персидскими владениями, а предотвращение проникновения туда Османской империи. Кроме того, у Петра I были и торговые интересы на прикаспийских территориях. Но в более широком смысле основной задачей

российской политики в то время было утверждение собственной империи как великой европейской державы. Русский император стремился создать такое государство, которое было бы способно отразить военную и дипломатическую атаку любой страны. Осуществить эту задачу в полной мере России препятствовала Османская империя. Взяв под свой контроль мусульманское население Армении и других районов Кавказа, султан Ахмед III (1703–1730) угрожал развертыванием военных действий против России. Однако для начала войны с русским государством Турция не имела ни серьезных оснований, ни возможностей.

Постоянный русский резидент в Турции И. И. Неплюев вел продолжительные переговоры с турецкой стороной для налаживания контакта. Казалось бы, конфликт достиг своего пика, и Турция уже была готова объявить новую войну, однако в конечном итоге обе стороны сменили политику в направлении урегулирования разногласия. Османский султан не только признавал все присоединения новых земель к России, но и взял на себя обязательство содействовать тому, чтобы принудить к этому Персию. В ответ Петр I подтвердил присоединение к турецким владениям новых кавказских земель. Все эти условия были прописаны в русско-турецком договоре 12 июня 1724 г. в Стамбуле.

Таким оказалось дипломатическое завершение развернувшегося во время Персидских походов Петра I русско-турецкого конфликта. Русский император достиг самой главной на тот момент задачи — обеспечения безопасности юго-восточных территорий России. Русское государство фактически отодвинуло свои границы до Кавказских гор и утвердило влияние в регионе между Черным и Каспийским морями, а это затруднило прежнее использование Крымским ханством мусульманских народов против России.

Литература:

1. Кулаков, В. О. Развитие Персидского направления во внешней политике России в первой половине XVIII века // Вестник Самарского государственного университета. — 2009.
2. Махмудова, К. З. Кавказский вектор в Восточной политике Петра I (1700–1722 гг.) // Вестник Владикавказского научного центра. — 2015.
3. Молчанов, Н. Н. Дипломатия Петра Первого. — М., 1984.
4. Новичев, А. Д. История Турции. — Л., 1963.
5. Орешкова, С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. — М., 1971.

И. А. Молчанов

О состоянии российско-турецких экономических отношений в 2002 году

Аннотация: Доклад посвящен обзору экономических отношений России и Турции, а также процессам их взаимодействия. В 2002 г., после прихода к власти ПСР была существенно пересмотрена политика экономических отношений с Россией, которая более десяти лет обеспечивала стабильный рост российского экспорта энергопродуктов (нефтепродукты, газ, каменный уголь). Наибольшую актуальность представляет трубопровод «Голубой поток», проходящий по дну Черного моря, строительство которого было завершено в 2002 г. Новый регламент 1994 г., регулировавший проливы, накладывал ограничения на проход крупных судов, что лишь подчеркнуло важность трубопровода.

Строительно-подрядная деятельность турецких компаний в Российской Федерации начала XXI в. широко велась при строительстве крупных предприятий и объектов, а также расширении государственной инфраструктуры.

Значительно увеличилось количество российских инвестиций в турецкую промышленность ввиду ее интенсивно развития. Внешняя торговля смогла вернуться на прежний уровень, окончательно восстановившись после кризиса 1998 г. Турция являлась местом челночной торговли, а также импортером сельскохозяйственной продукции. В свою очередь, подобный дисбаланс компенсировал интенсивный рост российского туризма к 2002 г., который значительно превышал количество граждан Турции, избравших Россию в качестве места отдыха. Развитие туризма способствовало расширению сферы услуг и авиасообщения.

Ключевые слова: Россия, Турция, экономика, 2002 год, обзор экономических отношений, «Голубой поток», ПСР.

I. A. Molchanov

On the state of Russian-Turkish economic relations in 2002

Abstract: The focus of this report is an overview of economic relations between Russia and Turkey, as well as the processes of their interaction. In 2002, after the AKP came to power, the policy of economic relations with Russia was

significantly revised, which for more than ten years ensured a stable growth of Russian exports of energy products (oil products, gas, coal). The most relevant is the “Blue Stream” pipeline, which runs along the bottom of the Black Sea, the construction of which was completed in 2002. A new 1994 regulation of the Straits imposed restrictions on the passage of large vessels, which only underlined the importance of the pipeline.

The construction and contracting activities of Turkish companies in the Russian Federation at the beginning of the XXI century were widely carried out during the construction of large enterprises and facilities, as well as the expansion of state infrastructure.

The number of Russian investments in Turkish industry has significantly increased due to its intensive development. Foreign trade was able to return to its previous level, having finally recovered after the 1998 crisis. Turkey was a place of shuttle trade, as well as an importer of agricultural products. In turn, this imbalance compensated for the intensive growth of Russian tourism at the time of 2002, which significantly exceeded the number of Turkish citizens who chose Russia as a vacation destination. The development of tourism has contributed to the expansion of services and air travel.

Key words: Russia, Turkey, economy, 2002, review of economic relations, “Blue Stream”, AKP.

Взаимодействие России и Турции непрерывно ведется на протяжении многих веков, чем обусловлена важность данного международного контакта в условиях схожих как экономических, так и геополитических интересов. В 2002 году, после прихода к власти ПСР во главе с Р. Т. Эрдоганом была существенно пересмотрена система развития политико-экономических отношений с Россией, которая на протяжении более десяти лет обеспечивала стабильный рост российского экспорта энергопродуктов (нефтепродукты, газ, каменный уголь).

Наибольшую актуальность на начало 2000-х гг. в сфере энергетической промышленности Турции представляет трубопровод «Голубой поток», проходящий по дну Черного моря. Строительство трубопровода было завершено к концу 2002 г., а первый запуск произведен в начале 2003 г. На конец 2020 г. с уверенностью можно сказать, что данный проект утрачивает свою актуальность ввиду строительства новых трубопроводов совместно со странами Европы и Азербайджаном. Кроме того, согласно множественным публикациям в турецкой прессе можно сделать вывод о возобновлении проектов по строительству и обновлению гидроэлектростанций, солнечных электростанций и прочих альтернативных источников электроэнергии.

Трудно с уверенностью сказать, были ли разработаны проекты по созданию централизованной экономики Турции в виде хаба (англ. hub) еще в 1990–2000-х гг., однако современная экономическая модель Турции полностью соответствует данному термину. Во многом такое решение могло быть вынужденным, по крайней мере, ввиду избыточного производства электроэнергии, возможности ее экспорта и наличия спроса на мировом рынке. Организация транспорта с помощью частных предприятий, в условиях либеральных принципов экономики Турции, позволяет обеспечить стабильное производство в таких отраслях, как металлургия, добывающая промышленность, судостроение, машиностроение, сельское хозяйство или легкая промышленность.

Новый регламент 1994 г., регулировавший проливы, накладывал ограничения на проход крупных судов, что лишь подчеркнуло важность создания проекта трубопровода. Ограничения в морской торговле существенно влияют на международную экономику в целом, так как межконтинентальные поставки большинства крупных и тяжелых грузов преимущественно осуществляются с помощью морских путей. Дефицит электроэнергии, получаемой преимущественно с помощью большого числа устаревших к 1990-м гг. гидроэлектростанций, привел к необходимости импорта энергоресурсов. Были заключены соглашения с Россией, Азербайджаном и Ираном, среди которых Иран вплоть до 2020 г. является ведущим поставщиком нефти, а Россия — природного газа.

Строительно-подрядная деятельность турецких компаний в Российской Федерации начала XXI в. широко ведется при строительстве крупных предприятий и объектов, а также расширении государственной инфраструктуры. Множество объектов в крупных городах России, таких как Москва, Санкт-Петербург, Казань и Нижний Новгород возведены силами турецких компаний, лидирующей из которых в 2002 г. являлась компания «Ренессанс».

Значительно увеличилось количество российских инвестиций в турецкую промышленность ввиду интенсивного развития экономики, роста населения, и соответственно увеличения спроса и обеспечение вакансиями рынка труда. Среди российских инвесторов наиболее выделяются «Роснефть», «Газпром» и «Сбербанк», чьи инвестиции исчисляются миллиардами долларов.

Внешняя торговля окончательно была восстановлена к 2002 г. после воздействия мирового кризиса 1998 г. В 1990–2000-е гг. Турция яв-

лялась важнейшим пунктом челночной торговли, а также импортером сельскохозяйственной продукции. Данное явление служило причиной заработка многих граждан Российской Федерации, однако не смогло просуществовать даже до середины 2000-х гг. Причиной краха челночной торговли стало повышение заработной платы в Турции, что привело к удорожанию всей продукции. Другим фактором было открытие представительства крупных корпораций в России, что по сути уравнивало цены с турецкой продукцией, делая подобные покупки все менее выгодными. В свою очередь, подобный дисбаланс компенсировал интенсивный рост российского туризма, который в 2002 г. значительно превышал количество граждан Турции, избравших Россию в качестве места отдыха. Развитие туризма способствовало расширению сферы услуг обеих стран и авиасообщения.

Литература:

1. Базиленко, И. В. Новая Россия и мусульманский Ближний Восток (арабские страны, Турция, Иран) на рубеже XX–XXI вв.: Учебно-методическое пособие / И. В. Базиленко, Н. Н. Дьяков, К. А. Жуков. — СПб.: Президентская библиотека, 2017.
2. Зиганшин, М. К. Российско-турецкие отношения на современном этапе (о визите министра иностранных дел Турции) // ИИИиБВ ИВ РАН. Турция в новых геополитических условиях (материалы круглого стола, март 2004 г.). — М., 2004.
3. Зиганшин, М. К. Россия — Турция: от двустороннего сотрудничества к многоплановому партнерству. — Бишкек, 2007.
4. Киреев, Н. Г. История Турции. XX век. — М.: Крафт+; ИВ РАН, 2007.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf
6. Конвенция о режиме проливов // Сайт по международному праву [Электронный ресурс]. — URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=839
7. Российско-турецкие отношения: 2002–2012 годы: Материалы Круглого стола, г. Москва, 4 апреля 2013 г. / под ред. В. А. Аваткова, С. Б. Дружиловского, А. В. Федорченко. — М., 2013.
8. Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. 07.12.2004 // Официальный сайт МИД РФ [Электронный ресурс]. —

URL: http://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23K1b76LY2/content/id/453582

9. Arafat M., Alnuaimy O. M. The Turkish-Russian Relations in the era of AKP. Afyon Kocatepe ni ersi esi, İİBF Dergisi (C. XIII, S II, 2011).
10. Bazoglu, D. S. Turkish Russian Relations: The Challenges of Reconciling Geopolitical Competition with Economic Partnership // Turkish Studies. — Spring 2000. — Vol. I.
11. Kazgan, Gülten. A Survey of Turkish-Russian Economic Relations in 1990s // Insight Turkey. — April-June 2002. — Vol. 4.
12. Oku, Asim. Turkey-Russia Relations Dynamics // Axis Global Challenges Research. — 2005.
13. Soli Özel, Belkıs Gökçe Uçar. TÜRKİYE-RUSYA İLİŞKİLERİNİN EKONOMİK BOYUTU // Dış Politika & Güvenlik. — 2019.

А. В. Образцов, А. С. Сулейманова

«Дракула в Стамбуле» — опыт культурного импорта иррационального¹

Аннотация: Статья посвящена первому «вампирослому» роману в истории турецкой литературы. Данное произведение рассматривается как пример культурного импорта или культурного взаимодействия, представленного такими видами, как заимствование и цитация.

Ключевые слова: Али Рыза Сейфи, «Дракула в Стамбуле», «вампироский» роман, культурный импорт.

A. V. Obratsov, A. S. Suleymanova

“Dracula in Istanbul” by Ali Riza Seyfi as a case of cultural adoption of the irrational

Abstract: The paper is dedicated to the first “vampire” novel in the history of Turkish literature. The paper considers this piece of Turkish literature as a specific kind of interaction between two cultures or even as an example of “import of another culture”, which can be seen in such elements of the text as borrowings or loan words and citations.

Key words: Ali Riza Seyfi, “Drakula İstanbul’da”, Vampire novel, import of culture.

Совершенно очевидно, что мир являет собой процесс, а следовательно, искусство, и, в свою очередь, литература — процесс художественный, обусловленный изменениями реальности. Как сама реальность, так и литература в процессе художественного осмысления реальности могут развиваться эволюционно или через взрывные процессы, что с некоторой условностью можно представить как сочетание статики и динамики. С той же долей условности статику можно соотнести с национальной традицией (предшествующая, устоявшаяся художественная

¹ Данная статья выполнена (подготовлена) при финансовой поддержке РФФИ, проект «Парадигмальные “заблуждения” и их влияние на культуру и общество», № 19-011-00371 А.

традиция, фольклор, этнографические особенности, быт, обычаи, обряды, мифы, ритуалы и т. п.), а динамику — с различными видами и формами художественных взаимодействий как с элементами иных традиций, так и с неактуальными в данный момент элементами традиции национальной [10: 8]. Разумеется, «динамика культуры не может быть представлена ни как изолированный имманентный процесс, ни в качестве пассивной сферы внешних влияний» [6: 205]. Поскольку любое произведение «всегда создается автором в расчете на современную ему систему представлений, современный ему менталитет» [10: 15].

Когда мы говорим о становлении современной турецкой литературы, помимо общепринятых типов взаимодействий (заимствование, адаптация и т. п.) следует иметь в виду и собственно турецкую традицию «махаллилешме» и «тюрки-и басит», которые предполагали придание национального колорита традиционным сюжетам и формам и настойчивое упрощение, через тюркизацию, литературного языка². Добавим, что несомненным является и влияние городской повести на становление жанра турецкого романа [1: 115–118].

Сочетание общего стремления к обновлению общественной жизни через обращение к собственной национальной традиции и к заимствованному, селективно адаптируемому инокультурному, европейскому по преимуществу, опыту привело, среди прочего, к изменению самой структуры турецкого литературно-художественного рынка. Судьба художественного сочинения стала зависеть не столько от оценок меценатов и узкого круга просвещенной бюрократии, сколько от круга читателей новой прессы, которые своим «рублем» обеспечивали успех или провал тех или иных художественных начинаний и поисков³.

² Считается, что данное направление получило развитие в конце XV–XVI вв. и нашло свое выражение в творчестве Айдынлы Висали (XV в.), Тагавлы Махреми (ум. 1535), Эдирнели Назми (ум. 1555). В XVII и XVIII вв. дань этому увлечению отдали и Шейх-ульислам Яхья (1553–1644), и Недим (ум. 1730). В XIX в. оно обрело второе дыхание в произведениях турецких просветителей. Из известных имен предшественников и сторонников данного направления называют: Ивазпашазаде Атайи (ум. 1438), Сарыджа Кемалы (конец XV – начало XVI вв.), Джебери Кясым-паша «Сафи» (XVI в.). Элементы «тюркизации» находят в творчестве даже Исы Неджати (ум. 1509) и Багы (1526–1600). Одной из характерных черт произведений такого рода было широкое использование фигур «ирсал ал-масал» / «ирсал ал-масалайн» / «ирсал-и масал», предполагавших включение в текст идиом, пословиц и поговорок.

³ Неслучайно целый период (90-е гг. XIX в.) в истории современной турецкой литературы назван по имени самого авторитетного общественно-политического и литературно-художественного журнала своего времени — «Сервет-и фюнун».

Редкое периодическое издание не имело у себя литературной рубрики и/или страницы и не печатало романы с продолжением. В короткое время фактами и факторами литературной жизни становятся не только новые жанры (роман, новелла, драма, басня и т. д.), но и субжанровые формы (авантюрно-приключенческий и авантюрно-исторический роман, детектив, женский роман, роман воспитания и т. д.). Примечательно, что в таком периферийном субжанре, как «готический роман» / «роман ужасов» работали и признанные мастера: например, Хюсейн Рахми Гюрпынар (1864–1944) и его романы «Демон» (Gülyabani, 1912–13) и «Восставший из могилы шехит» (Mezarından kalkın şehit, 1928). В художественной дихотомии «содержание — выражение» происходит сдвиг от изысканной выразительности к интригующей содержательности. Очевиден перенос европоориентированной реформаторской модели в сферу литературы [4: 329]. Повторимся, на наш взгляд, речь идет не о прямом заимствовании, как принято было думать современниками: «Турецкую литературу можно разделить на два периода: восточный и западный» [2: 97] или «Западноевропейское влияние в корне изменило всё» [3: 352], или еще жестче: «Правительство культивировало лишь архи-патриотическую литературу и романы, развращающие общество восхвалением сыска и шпионства» [2: 103].

Такой подход представляется несколько огрубленным, поскольку «происходит смена контекстов: импортируемые культурные ценности вырываются из контекста, внутри которого они получили свой первоначальный смысл, и попадают в новый контекст, неизбежно при этом обрастая новыми функциями и новыми смысловыми ассоциациями» [4: 13]. Или еще очевиднее, поскольку «новая «почва» является новым функциональным контекстом, теми культурными условиями, которые определяют деятельность воспроизводящего или переводящего текст автора и вписывают текст в ту или иную перспективу» [4: 321]. Такие процессы называют «культурным импортом», который остроумно описывается как «путешествие текстов по контекстам» [4: 321]. Однако всякий раз, когда мы наблюдаем подобный импорт, сколь бы он ни тяготел к типу заимствования, следует, в первую очередь, вскрыть механизм новой контекстуализации импортируемого продукта. Проще и очевиднее это сделать на эстетически сниженных примерах, нежели на произведениях высокой литературной классики («Мадам Бовари» и «Анна Каренина», например).

Обратимся к первому в турецкой литературе республиканского периода роману о вампирах. Его автором является Али Рыза Сейфи (1879/80–1958), турецкий прозаик, поэт и историк. Он родился в Стамбуле в семье моряка. Али Рыза и его брат Сулейман Нутки (создатель Морского музея в Стамбуле) избрали для себя военно-морскую карьеру. Али Рыза закончил военно-морское училище Касымпаша на Хейбелиада, после чего служил в Басре и Триполи. Уже в училище основательно изучил английский язык и увлекся творчеством новых османских литераторов, особенно Намыка Кемалья и Зиин-паши. С 1906 г. служит в Департаменте переводов ВМФ. Первые работы Али Рыза, посвященные истории флота, появляются в 1909 г. После оккупации Стамбула переезжает с семьей в Анкару, где сотрудничает как переводчик в Департаменте печати. После Национально-освободительной войны работает в Отделе торгового флота Управления коммерции. Много пишет, большинство его произведений публикуются на страницах газет и журналов. В 1926 г. выходит в отставку, но продолжает писать до самой кончины. На сегодняшний день остаются популярными и переиздаются его исторические и научно-популярные работы по истории османского флота: «Тургут Реис» (Turgut Reis, 1899), «Кемаль Реис и Баба Оруч» (Kemal Reis ve Baba Oruç, 1909), «Хайреттин Барбаросса» (Barbaros Hayrettin, 1910) и др. Из художественных произведений этого автора известностью пользуется только роман «Воевода, сажающий на кол» (Kazıklı Voyvoda, 1928, 1931), который после экранизации 1953 г. более известен как «Дракула в Стамбуле» (Drakula İstanbul'da). Режиссером является Мехмет Мухтар, сценарий написан Умитом Денизом, продюсер — Тургут Демираг, в роли Дракулы — Атыф Каптан. Этот фильм считается одной из первых экранизаций, где Дракула появляется в образе с характерными «вампирами» клыками. Обратим внимание, что с интервалом в 2–3 года роман был переиздан в латинизированной графике, что говорит о его популярности⁴. В 1997 г., когда праздновалось 100-летие

⁴ Второе турецкое оригинальное произведение о вампирах, опять же под явным влиянием Стокера, было напечатано только в 1958 г. Автор — писательница Кериме НаDIR АЗРАК (Kerime Nadir Azrak, 1917–1984) — одна из самых популярных, печатаемых и экранизируемых беллетристов (автор 36 романов) середины XX в. Ее роман называется «Дехшет геджеси» (Ночь ужасов, Dehşet Gecesi). Здесь также действует вампир, точнее вампиресса, и тоже с иностранными корнями, иракская принцесса Рухихаяль (Ruhihayal — Мечтательная душа). Главный герой романа журналист Мюмтаз приглашен на открытие дорогого и роскошного отеля в провинции Хаккари. В руки Мюмтаза попадает роман под названием «Кызыл Пуху» (Kızıl Puhu — Красный филин), который якобы основан

со дня выхода романа Абрахама Брэма Стокера (1847–1912), усилиями Джованни Скогнамилло (Giovanni Scognamillo, 1929–2016) — турецкого киноcritика, историка кино, литератора, переводчика, актера и издателя — роман был переиздан под названием «Дракула в Стамбуле».

Основное повествование в этом романе вводится через широко известный прием «найденной рукописи», который снимает с нарратора ответственность за достоверность и интерпретацию описываемых событий⁵. В предисловии нарратор обрамляющего повествования рассказывает о том, как прошлой осенью он сел на вечерний пароход от Хайдарпаша до Гёзтепе, в салоне которого из-за позднего часа никого не осталось. Он видит некий сверток из старой газеты. После тщетных попыток разыскать на пароходе владельца, он привозит сверток домой. Дает объявление в газету о находке, но никто не откликается и после этого. В свертке нарратор находит разрозненные листы рукописи и читает их. Изложенную на рукописных страницах историю трудно назвать цельным произведением, поскольку разные страницы написаны разными людьми, т. е. сама история рассказывается разными рассказчиками и с разных точек зрения. В дальнейшем Али Рыза довольно активно поль-

на реальных событиях, произошедших с его героем. В поезде Мюмтаз видит странную незнакомку и находит сходство между ней и женщиной, изображенной на обложке романа. Вместе с Мюмтазом мы узнаем историю героя романа «Красный филин». Его зовут Дженгиз, он также отправился в Хаккари, в замок иракской принцессы, который достался в наследство его невесте. Там встречается с женщиной, которую первоначально принимает за тетку своей невесты, а потом узнает, что это и есть иракская принцесса, которая стала уже больше 200 лет назад вампиром. Она видит в Дженгизе принца Маха, в которого была влюблена давным-давно и который не ответил ей взаимностью. Эта роковая принцесса, душа которой не может успокоиться из-за обиды на принца и тоскует по настоящей любви, колдовством заманивает в свой замок молодых мужчин, обольщает их, превращает их в вампиров и делает своими рабами. Сама она имеет способность превращаться в красного филина. Дженгиз узнает об этом, когда ранит себя при бритье, поскольку в замке, как в любом вампирском жилище, зеркал нет. Журналист, который прочитал приключения Дженгиза, также попадает в ловушку иракской принцессы. Здесь, конечно, интересно то, что героиня, хотя и представляет собой пример «роковой женщины, женщины-вамп», одержима жаждой не крови, а чистой любви! Поэтому роман имел популярность в 50–60-е гг. у турецких читательниц [14].

⁵ Этот прием хорошо известен с античных времен. Первые произведения, что приходят в голову, «Рукопись, найденная в Сарагосе» Я. Потоцкого (1797–1815), «Рукопись, найденная в бутылке» (1833) А. Э. По. Из сравнительно недавних произведений, где используется этот прием, можно упомянуть «Манускрипт, найденный в Акко» П. Коэльо (2012) и, отчасти, Нобелевскую лекцию О. Памука «Чемодан моего отца» (1999). Данный прием является разновидностью т. н. «шкатулочного/матрешечного повествования», широко распространенного в литературе.

зуется приемом смены нарраторов: в текст вводятся отрывки из писем и телеграмм (Гюзин, Шадан и Азми, Турана и Афифа, Ресухи), дневников героев романа (Азми и Гюзин, Афифа), выдержки из газетных статей (газета «Заман») и т. п. Стилистически они не слишком отличаются, но добавляют динамики в развитие сюжетной линии и создают иллюзию некой исторической достоверности.

История, которую можно восстановить по найденным отдельным листкам, имеет свою предысторию, которая рассказана молодым стамбульским адвокатом Азми-беєм (один из основных рассказчиков вставной истории) и начинается в мае, в Трансильвании, в городке Бистрич. Путешествуя через Вену и Будапешт, герой останавливается в этом городке на границе с Буковиной в ожидании дальнейших инструкций от некоего Дракулы, в замок⁶ к которому герой и направляется. Азми-бей постоянно вспоминает об историческом графе Дракуле, о карпатских легендах и о своей возлюбленной Гюзин. Герою напоминают, что сегодня канун дня св. Георгия и вся нечисть обретает свободу. Хозяйка постоялого двора дает герою крест-амулет, хотя у героя уже есть знамя-шериф от матери⁷. По дороге герой постоянно слышит от попутчиков слова: ведьма, вампир, дьявол и т. п. Приехав к месту назначения, турок видит, что его никто не встречает. Лошади ведут себя беспокойно, пассажиры крестятся. Вдруг появляется карета, запряженная четверкой черных коней, у возницы черная борода и черная шапка, на лице светятся только красные глаза. У нового кучера оказались красные губы, белоснежные зубы и стальное рукопожатие. Пассажир видит, что попутчики опять крестятся. Посмотрев на часы, путник отмечает, что время к полуночи. Он вспоминает все страшные рассказы местных жителей. Слышит пугающий лай и вой собак. Путник видит, что экипаж окружен морем волков, которые мгновенно исчезают.

Карета останавливается во дворе полуразрушенного замка. Путник думает, что в пути он задремал, и все страхи ему приснились. Вспоминает, что приехал дать советы иностранцу, который интересуется недвижимостью в Стамбуле. В дверях возникает высокий старик с седыми усами, одетый во всё черное. Говоря со странным акцентом, старик по-турецки приглашает путника войти. Путник изумлен и припоминает,

⁶ Историческая резиденция Дракулы находилась в городе Тырговиште в современной Румынии. Именно здесь 25.12.1989 были казнены супруги Чаушеску.

⁷ Энам-и шериф (En'am-i Şerif) — распространенный амулет, содержащий избранные аяты и суры Корана.

что подобный говор он слышал у стамбульских греков-докторов. Рукопожатие старика очень твердое и холодное. Это граф Дракула, который, сославшись на поздний час, сам помогает внести вещи в просторную светлую комнату с накрытым столом. Все страхи гостя пропадают перед любезностью графа.

Гость передает графу письмо из Стамбула с наилучшими рекомендациями посланца. Ужин завершается токайским вином и сигарами. Автор оценивает внешний вид графа:

«Его лицо было сильным, даже очень сильным, линия зубов выпирала. Тонкий нос казался высокой аркой. Ноздри казались очень подвижными. Лоб был высоким, даже очень. Волосы, редкие на висках, на голове были пышными и крепкими. Брови были густыми и нахмуренными, над переносицей они почти соединялись. Насколько можно было видеть под пышными белыми усами, рот был очень крупный и говорил о безжалостности. Зубы были странным образом очень остры и крепкие. Губы — кроваво-красные, что не встречается у людей такого возраста, что показывало желание жить полной жизнью и в полную силу. Уши были довольно бледными, а их верхушки были заострены. Челюсти были широкие и сильные. Щеки же были худыми, но выглядели сильными. В глаза бросалась общая бледность. В свете камина руки казались белыми и тонкими. Насколько я видел, ладони были покрыты волосками, пальцы рук были короткими, ногти же длинными и тонкими, кончики ногтей же словно были заточены» [13: 37–38].

Когда граф пожимает руку гостю, тот чувствует пробежавшую волну холода по телу. Опять слышен волчий вой. Граф называет его «музыкой детей ночи». Гость чувствует страх и мыслями вновь обращается к возлюбленной Гюзин. Утром гость находит в столовой завтрак с кофе и записку графа, что он вынужден отъехать по делам.

Гость замечает, что в замке нет ни одного зеркала при всем богатстве обстановки. Замок кажется пустым, нет ни одного слуги и не доносится ни одного звука. Собираясь почитать, гость находит в библиотеке даже книги на турецком, в том числе книги Вамбери⁸. Гость видит старые турецкие газеты и журналы. Тут входит граф и говорит, что он увлечен всем турецким и мечтает посетить Стамбул. Гость восхищается турецким графом, словно человек долго жил в Турции. Граф просит гостя по-

⁸ Арминий Вамбери, или Герман Бамбергер (19.03.1832, Нидермаркт – 15.09.1913, Будапешт) — венгерский востоковед, путешественник, полиглот. Был знаком с Брэмом Стокером, считается прообразом доктора Ван Хельсинга.

мочь ему усовершенствоваться в языке. Гость видит в библиотеке новейший план Стамбула с пометками в районах Бакыркёй, Сарыйер и Шишли, поражается обстоятельностью графа и убеждается, что граф прекрасно знает город. Купленный графом дом с садом «в духе Пьера Лоти», ранее принадлежавший османскому офицеру, находится в старом турецком квартале. Когда гость бреется при помощи своего маленького зеркала, он слышит голос графа, но не видит его отражения. Гость режется бритвой и обращает внимание, как изменился граф. Увидев амулет Энам, граф советует гостю быть внимательным, так как в этих краях это опасно. Схватив зеркальце, граф выбрасывает его в окно. Гость в страхе думает, что замок — тюрьма, а он в ней пленник. Видит, как хозяин застилает его постель и вновь вспоминает, что не видел в замке слуг. Вспоминает о подаренном крестике и амулете матери. Граф просит героя остаться еще на месяц для завершения дел с переездом. Герой разочарован, но выхода нет. Из окна он видит, как Дракула спускается по отвесной стене как ящерица, и страхи гостя оживают.

Гость не то во сне, не то наяву видит трех прелестных девушек, но ни одна не отбрасывает тень в лунном свете. Они подходят к герою и перешептываются. Обликом они похожи на графа. Гость чувствует и страх и влечение. Гостя понуждают поцеловать шатенку. Он видит острые зубы и дрожащие красные губы. Появляется граф, который отталкивает девушек и гневно ругает их за то, что они претендуют на его гостя. Девушки хватают торбу графа, из которой как будто доносится детский плач. Гость теряет сознание.

Через несколько дней граф просит написать письма, что дела в замке окончены и скоро гость вернется. Беседы с графом прекращаются, они видятся только за едой. Азми-бей из окна видит, как грузят вещи. Ночью во дворе он видит женщину, которая требует вернуть ей ребенка. Двор заполнился волками, которые растерзали гостью. Встречи с графом всё реже. Граф сообщает, что завтра они отправляются в путь. О вещах позаботятся словаки и цыгане. Гость слышит шепот графа, который призывает кого-то проявить терпение и дождаться завтрашней ночи. Гость хватается за амулет матери.

К утру Азми-бей чувствует, что его страхи отступили. Но случайно видит сундук-гроб, а в нем графа. Он обращает внимание, что граф словно помолодел, видит струйку свежей крови на губах графа. Гость понимает, что стал средством доставить чудовище в Стамбул. Схватив

лопату, гость бьет графа по лицу. На лбу графа появляется глубокая рана и сундук закрывается. Гость хочет бежать, но все двери закрыты. Гость решает бежать, хотя понимает, что это верная смерть. Далее выясняется, что Азми удалось в полубезумном состоянии добраться, с помощью венгерских властей, до Эдирне, где его и встретила Гюзин.

Тем временем жизнь в Стамбуле идет своим чередом. К подруге Гюзин — Шадан сватаются сразу трое: Афиф-бей — врач, Оздемир Огуз — из анатолийских беев, член организации Кувва-и Миллийе⁹, Туран-бей — майор, прибывший в Стамбул на лечение. Гуляя, Гюзин и Шадан видят, как причаливает судно из России. На борту сундуки из Варны с землей или песком для производства фарфора. Становится известно, что по дороге пропало два матроса и два пассажира.

Однажды ночью Гюзин видит, что Шадан исчезла, и начинает ее искать. На камне в саду видит белую тень, а рядом с ней черный силуэт. Находит на берегу одну Шадан, которая словно спит. Колет иголкой и будит Шадан, которая крайне испугана. Укладывает Шадан спать, та просит никому не рассказывать о случившемся. Гюзин видит огромную летучую мышь, которая тут же улетает.

Во время прогулки Шадан произносит: «Красные глаза» и тут же Гюзин видит на берегу незнакомца в черном. Гюзин кажется, что у него красные глаза.

Врач дает печальный прогноз о положении Шадан. Она слабеет с каждым днем. На шее Шадан видны следы как от укусов, которые не проходят, а увеличиваются. Шадан несколько лучше. Она рассказывает, что во сне видит черный силуэт с красными глазами. Ей слышится сладкий голос и кажется, что из нее выпивают кровь.

Туран обращается за помощью к доктору Афифу, который не видит у Шадан серьезных проблем со здоровьем, кроме душевного беспокойства и врожденного лунатизма. Афиф обращается за помощью к Ресухи-бею¹⁰ — своему учителю и опытному врачу. Ресухи обнаруживает, что у Шадан большая потеря крови, но причина ее непонятна. Девушке

⁹ Кувва-и Миллийе (Kuvva-i Milliye) — общее название для национально-патриотических организаций, которые вели партизанскую войну против оккупационных сил в Анатолии после подписания Мудросского соглашения (1918). Общая численность отрядов сопротивления доходила до 15 000 чел. Костяк движения составляли офицеры распущенной османской армии.

¹⁰ Символично, что доктор Ресухи-бей носит имя, созвучное с именем одного из сподвижников Мустафы Кемала Ататюрка, его главного адъютанта Рюсухи Савашчи.

делают переливание крови¹¹ от Турана, что ненадолго улучшает ее самочувствие. Но Шадан продолжает терять кровь и Ресухи делает ей новое переливание. Ресухи просит развесить цветы чеснока по окнам комнаты Шадан, утверждая, что это должно помочь. Выясняется, что Ресухи еще и знаток и собиратель фольклора.

Ночью Шадан слышит хлопанье крыльев за окном. Видит большую летучую мышь, которая разбивает окно. Появляется морда волка. Кажется, что из окна в комнату проникают сверкающие песчинки. Шадан не может встать с постели. Очнувшись, видит безжизненное тело матери. Ресухи, пытаясь спасти девушку, делает новые переливания крови, но это уже мало помогает. Все замечают изменения в Шадан, прежде всего ее заострившиеся зубы. Шадан умирает, Ресухи предвидит тяжелые времена.

Гюзин получает большое наследство и выходит замуж за Азми. Азми-бей получает повышение по службе. В хорошую погоду новобрачные идут гулять в парк Сарайбурну. Вдруг Азми испугался, увидев высокого человека с черными усами и острой бородкой. Черный человек провожал взглядом прелестную девушку. Азми чуть не падает и бормочет: «это граф... граф Дракула, но помолодевший».

Стамбульские газеты пишут, что в районе Эйюб пропадают дети. Их обнаруживают с ранами на шее, но пострадавшие ничего не могут рассказать, кроме того, что играли с красивой женщиной. Полиция предполагает, что детей покусали маленькие собаки или мыши.

Гюзин находит и читает дневник Азми и обращает внимание на сходство человека в Сарайбурну и графа Дракулы. Вспоминает страшные истории, которые слышала в детстве от няни и греков. Решает поговорить с Ресухи вместе с Азми.

Ресухи показывает газету «Заман» Афифу, Турану и Оздемиру. Находят сходство с болезнью Шадан. Считают, что причина общая — раны на шее. Шадан умерла от чрезмерной потери крови. Ресухи говорит, что дело очень плохо. Считает, что раны детям нанесла Шадан. Афиф считает, что доктор сошел с ума. Ресухи же приглашает Афифа сегодня ночью

¹¹ Автор допускает некоторый анахронизм. Хотя первое переливание крови от человека к человеку было проведено в 1819 г., необходимость для этого соответствия групп крови была доказана лишь в самом начале XX в., что стало широко применяться лишь после 1919 г. Очевидно, автор об этом не знает. Впрочем, об этом не знал и Брэм Стокер, в романе которого тоже есть эпизоды переливания крови. Возможно, в турецком романе имеет место обычное некритическое заимствование.

пойти с ним и проверить могилы Шадан и ее матери. На пароходе едут в Эйюп и уже в темноте подходят к кладбищу, к тюрбе семьи Шадан. Ресухи открывает дверь и зажигает свечу. Для Шадан не рыли новую могилу, а положили тело в саркофаг бабушки. Ресухи берет рычаг и открывает саркофаг, но он пуст. Афиф допускает, что тело украли для вскрытия. Выйдя из тюрбе, они прячутся. Афиф видит нечто белое в кипарисах. Видит и черную тень, которая идет к белой. Поет петух. Белая тень устремляется к тюрбе. Ресухи утверждает, что черная тень — это ребенок. Ресухи говорит, что слежку следует продолжить. На закате они вновь приходят на кладбище. Тело Шадан лежит в гробу и выглядит, будто она вчера умерла. Губы красные. Щеки розовые. Ресухи раздвигает губы трупа и показывает острые зубы.

Ресухи обращает внимание на то, что у многих народов востока и запада есть вера в вампиров, включая малоазийских греков. Да и у турок есть персонаж Джады, хотя точнее назвать его Хортлак. Ресухи говорит, что ради спасения души Шадан, он должен ее убить по-настоящему, ссылаясь на верования греков, трабзонцев и жителей Скопье. Из их легенд Ресухи и узнал о вампирах. Он слышал о них еще от отца, который был родом из Офлу. Ресухи собирается отрезать Шадан голову, набить рот чесноком, вбить в сердце кол и захоронить тело. Считает, что Шадан превратилась в вампира и надо принять меры, чтобы она не выходила из тюрбе.

Без четверти полночь герои приезжают на кладбище. Ночь темна, небо в облаках. Доктор входит в тюрбе первым. Проверяют наличие тела в саркофаге, но его нет. Все застывают, Ресухи выводит всех наружу и вытаскивает из сумки свиток бумаги и клей. Заклеивает дверь по периметру и замочную скважину. Ресухи говорит, что на бумаге написаны аяты Корана. Все видят белый призрак среди кипарисов. Призрак склоняется над ребенком. Видно, что призрак — женщина с черными волосами. Слышен крик похожий на детский. Призрак — это сильно изменившаяся Шадан: на ее лице похотливое, страшное выражение. Ресухи поднимает фонарь и все видят лицо Шадан, по которому на саван течет кровь. Шадан, увидев мужчин, начинает рычать как собака. В голубых глазах горит адский огонь. Бросив тело ребенка, Шадан с улыбкой направляется прямо к Турану и говорит: «Иди ко мне, Туран! Мои руки ждут тебя, мои губы тоскуют по тебе, оставь их, иди ко мне, любимый». Туран медленно движется ей навстречу. Ресухи бросается между

ними и подносит к лицу Шадан раскрытый Коран. Вампир пятится, потом внезапно останавливается. Ресухи отрывает кусок бумаги, закрывающей дверь. Шадан, обратившись в пар, исчезает в могиле. Ресухи спрашивает Турана, может ли он сделать то, что должен. Туран дает согласие. Ребенка относят к полицейскому участку. Ресухи всех зовет завтра к себе, чтобы закончить дело. На следующий день, все встречаются у тюрбе Шадан. Ресухи приносит с собой большой кожаный мешок. Шадан — вся окровавленная — лежит в гробу. Доктор достает лампу, хирургические инструменты, полированный кол и молоток.

Ресухи, ссылаясь на опыт других народов, говорит, что вампир может жить вечно, ибо проклят. Если бы Туран поцеловал Шадан или обнял бы ее, он и сам бы стал вампиром. Детей, которых укусила Шадан, ждет страшная участь, но всё исправит истинная смерть Шадан. Человек, который ее убьет, принесет и ей спасение. Все смотрят на Турана. Тот бледнеет и дрожит, но собрав волю, говорит, что готов сделать, что должно. Ресухи говорит, что дело быстрое, но начав его, нельзя останавливаться. Туран вновь говорит, что готов. Ресухи дает наставления: надо взять кол и приставить к сердцу вампира, затем взять молоток в правую руку. Доктор достает из кармана маленькую книжку, как потом выясняется, Коран. Пока все произносят «во имя Аллаха всемилостивого и милосердного», кол надо вбить глубоко в грудь.

Туран бледнеет и дрожит. Ресухи читает громким голосом Коран, и тюрбе начинает дрожать. Туран приставляет кол и со всей силы ударяет молотком. Труп начинает вертеться, издавать страшные звуки и извиваться, смыкать и размыкать челюсти, губы и язык кровоточат. По шее течет красная пена. Туран, держа молоток двумя руками, наносит мощные удары. Наконец покойница замирает. Дело закончено, молоток выпадает из рук Турана. Он весь дрожит. Друзья бросаются его поддержать. Осматривают покойницу, она выглядит совершенно спокойной, и ее лицо излучает «святой свет удовлетворенной души» [13: 160]. Ресухи говорит, что теперь можно поцеловать Шадан. Туран припадает к ее лбу. Туран и Оздемир выходят из тюрбе, и Ресухи отрезает трупу голову и набивает рот цветками чеснока. Всё закрыв и выйдя, он говорит, что первая задача выполнена, но впереди еще тяжелый экзамен, и он думает, что и все друзья вместе пройдут этот путь. Все пожимают доктору руки, он предлагает собраться через два дня. Становится известно, что из Варны пришел новый корабль под

русским флагом, который привез сундуки с землей. Азми-бей сообщает, что Дракула в Стамбуле и Азми знает адрес его дома в городе, но, возможно, есть и другие.

Ресухи говорит на общем собрании, что вампиры и хортлаки действительно существуют. Вампир силен как 20 человек. Может уменьшаться и увеличиваться, исчезать и появляться. Спрашивает, все ли готовы вступить в борьбу. Все говорят, что готовы пожертвовать собой. Доктор продолжает: следы вампиров везде — от Греции до Китая. Главная черта вампира — он не может жить без притока свежей крови. Не может войти в дом, пока кто-либо из домашних его не призвал. Но затем может приходиться, когда захочет. С восходом солнца теряет свои силы. Днем должен находиться в могильной земле. Может менять свой облик. Бойтся чеснока. Бойтся Корана и земли с могилы Пророка. У христиан есть вера в защиту креста. Любые святые предметы — защита. Если найти могилу вампира, его можно уничтожить. Противостоящий им вампир сильнее остальных, и если он кого поймают, то тот сам станет вампиром.

По словам Азми-бея, в Трансильвании было заготовлено 50 ящиков с землей. Они были доставлены в Стамбул в дома, приобретенные Дракулой. Эти места — крепость вампира, там он отдыхает днем. Эти убежища в разных местах Стамбула. Надо их найти. Доктор призывает взяться за дело. Ресухи заявляет, что противостоящий им враг страшнее, чем можно представить, и есть потребность в разнообразном оружии. Этот враг — не простое создание, он очень лукавый и опытный. Но есть оружие и против этого. Например, носить у сердца маленький список Корана.

Вскоре друзья приходят к старому большому разрушенному особняку в Балате, рядом с Топкапы, который купил Дракула. Пройдя через заросший сад, открывают дверь на лестницу, ведущую вниз, зажигают лампы в полной темноте. Место, куда спустились герои, — это уже полвека нежилой подвал в пыли. Но в пыли были следы грузчиков, которые принесли ящики с землей графа. Азми, как продавец, хорошо знает план дома. Ресухи предупреждает, что наверняка есть и другие места, купленные графом, где спрятаны такие ящики. Здесь было 29 из 50. Ресухи говорит, что наступает утро и пора уходить.

Вновь они приходят на следующий день. К этому времени по рассказам грузчиков находят еще два дома, купленные Дракулой. Охота на

вампира начинается. Азми считает, что если бы не Ресухи, их дело не привело бы к успеху. Ресухи говорит, что их главное преимущество — то, что граф не знает об их целях. Поскольку найдены все убежища графа, этим надо воспользоваться, и у доктора уже есть план.

Пьют кофе в доме Азми. Ресухи встает и говорит, что начинается их страшное дело. У всех есть Кораны-обереги и пистолеты с серебряными пулями, у Ресухи в большой сумке тоже есть кое-что. Сначала обыскивают дом. Находят бумаги и дневник Дракулы. Спустившись к 29 ящикам с землей, Ресухи говорит, что надо сделать эту землю непригодной для вампиров. Доктор раскрывает ящики и укладывает в них листы с аятами Корана, а затем добавляет цветы чеснока. Наконец ящики закрыты. Все уходит. Ресухи говорит, что дело сделано, вампир больше не сможет здесь укрыться. Если в двух других местах удастся сделать так же, то Турция и вся Земля будут спасены. Теперь быстро в другие дома. Едут на автомобиле.

Азми пишет в дневнике о событиях, которые стали финалом трагедии. Второй дом Дракулы в отдаленном районе Догруджа — разрушенный одноэтажный особняк на высоком цоколе, с большим садом. Предчувствие, что именно здесь найдут Дракулу. Мощный Оздемир распахивает двери. Там несколько ящиков, их 21. Крышка одного неплотно закрыта. Туран бросается к нему, за ним Оздемир, остальные следом. Туран ногой сбивает крышку ящика. Там лежит Дракула. Лицо желтое как воск, глаза красные, сверкают жадной мести.

Ресухи застывает, но Туран внезапно выхватывает из-под пальто топор с широким лезвием и отрубает графу голову. Оздемир выхватывает дагестанскую каму¹² и вонзает в сердце вампира по рукоять. Кстати, у Стокера тоже фигурирует экзотическое оружие — непальский, гуркский кривой клинок в руках Харкера. Туран произносит: «Это мечь за наших соплеменников, погибших на Дунае¹³, и за Шадан». Голова и труп обращаются в прах и смешиваются с землей. На этом рукопись обрывается.

¹² Кама — культовое оружие, тип кинжала, распространенный у народов Кавказа, Закавказья и Ближнего Востока. Клинок длинный (30–50 см), прямой, обоюдоострый. Вдоль клинка по центру идет узкий дол. Сечение клинка — линзовидное. Клинок плавно сужается к острию. Рукоять узкая, без крестовины, с массивным навершием. Кинжал носится в ножнах на поясе или на шее. Применяется в первую очередь как рубяще-режущее оружие..

¹³ Считается, что во время «дунайских» походов 1460–1462 гг. по приказу Влада III было казнено более 20 тыс. пленных турок.

Конечно, это не самостоятельная интерпретация известного сюжета, но и не перевод романа Стокера¹⁴, это, можно сказать, как определено в одной из электронных рецензий, «пересказ с учетом мусульманских традиций». Каков же характер художественного взаимодействия двух романов? Попробуем понять, что является фундаментом, основой варианта этих исламо-турецких традиций, составляющих фон произведения?

Внутреннее время романа четко не обозначено, однако некоторые приметы эпохи (естественно-научные и технические новшества, название политической организации), позволяют предположить, что романное время отстоит от реального времени его появления максимум на 10 лет, т. е. время читателя и время действия книги практически синхронны. Роман вышел в 1928 г., т. е. это время, когда Турция начинает осознавать свою новую идентичность, на формирование которой наложили отпечаток все бурные события начала XX в.: Младотурецкая революция (1908), Триполитанская и Балканские войны (1911–1913), Первая мировая война, оккупация османских территорий странами Антанты, Национально-освободительная война, упразднение султаната (1922) и провозглашение Турецкой республики (1923) и т. д. Программой для нового национального строительства становится работа Зии Гёкалпа «Туркизироваться, исламизироваться, модернизироваться» (*Türkleşmek, İslanlaşmak, Muasırlaşmak*, 1329/1918), развивавшая идеи национального превосходства [8: 139–159]. Разумеется, Али Рыза — офицер османского флота, перешедший на сторону республиканских властей, — не мог остаться в стороне от идеологических споров своего времени, в которых, судя по его историческим и научно-популярным работам, явно склонялся к буржуазно-националистическим взглядам.

В романе мы не встретим ни одного, даже второстепенного положительного персонажа из инородцев или иноверцев, хотя значительная часть действия происходит в космополитичном Стамбуле. Некоторым исключением являются простые валахи/румыны-попутчики героя в Трансильвании и венгерские пограничники, которые, как и у Стокера, помогают герою добраться до Турции. Если первые, в духе модного на-

¹⁴ Собственно перевод на турецкий язык романа Стокера, насколько нам известно, появился в 1940 г. под названием “*Drakyola. Kan içen adam*” (Дракйола. Человек, пьющий кровь). Переводчик: С. М. Йурдатап. В настоящее время распространен перевод Зейнеп Аккуш. Строго говоря, Стокер не был создателем литературной «вампириады», первым автором этого субжанра считается Джозеф Шеридан Ле Фанно (1814–1873) и его «Кармила».

родничества, символизируют искренность и непорочность «простого» человека, то вторые, в этнических концепциях того времени, считались родственным тюркам этносом. Впрочем, столь же «простые» цыгане и словенцы, напротив, помогают графу. Главный антагонист — сам граф Дракула — заявляет: «Здесьние места (т. е. Трансильвания) не похожи на вашу родину. Обычаи и верования другие». Конечно, отрицательный образ графа Дракулы связан отчасти и с памятью о его историческом прототипе — Владе III Басарабе-Цепеше (правил 1448, 1456–1462, 1476). Влад Цепеш воспринимается как собирательный образ балканского, т. е. внутреннего врага Османской империи, продолжающего посягать на авторитет и территории уже и новой Турции. Исторический Цепеш считался виновником казни более 20 тыс. пленных турок, о чем напоминает последняя реплика Турана: «Это месть за наших соплеменников, погибших на Дунае».

Дракула и его багаж прибывают в Стамбул на кораблях под русским (уже советским?) флагом из болгарской Варны. Заметим, что у Стокера граф возвращается через Варну в Трансильванию на корабле «Царица Екатерина», правда флаг судна не назван, а его капитана зовут Донелсон. Выбирая жилье в Стамбуле, Дракула ищет дом «в духе Пьера Лоти» (1850–1923) — известного ориенталиста и французского офицера, автора ориентальных, колониальных романов из жизни экзотических стран, в том числе османской Турции, — что, особенно после оккупации, порождало негативные коннотации.

Противостоящие нежити и нечисти силы представлены исключительно турками, причем в лице лучших представителей, что подчеркнуто говорящими именами героев: Азми / *Azmi* (Джонатан Харкер) — решительный, Гюзин / *Güzin* (Мина Харкер) — изысканная, избранная, Шадан / *Şadan* (Люси Вестенра) — веселая, Ресухи / *Resuhî / Rüşuhî* (Ван Хельсинг) — знающий, Афиф / *Afif* (Джон Сьюворд) — скромный, Оздемир / *Özdemir* — железный/стальной характер, Туран / *Turan* — легендарная прародина тюркских народов (оба — контаминация Квинси Морриса и Артура Холмвуда). Примечательно, что, по крайней мере, двое — Оздемир и Туран — как предполагается, участники освободительного движения, один — член партизанских отрядов, борющихся с оккупантами, другой — раненый армейский офицер. Примечательна и фигура доктора Ресухи — это и квалифицированный врач, находящийся в курсе новейших достижений в своей области (делает

многочисленные переливания крови), знаток и собиратель фольклора, включая не столь распространенные в Турции вампирские легенды, и, наконец, просто современный человек (водит автомобиль). Он с легкостью использует и достижения науки, и традиционные подходы: чеснок и чудодейственную силу Корана, деревянный кол и серебряные пули. Напомним, что и Ван Хельсинг не чужд бытовой магии, он часто и разнообразно использует освященные облатки и иные «святые дары», или предлагает уничтожить убежище графа веткой шиповника. Герои-турки тоже не чужды примет бытовой религиозности: в дело идут амулеты (Энам-и шериф), аяты священного Корана и листы из него, находится применение и нательному христианскому кресту. Восхитительна сцена, где в сердце вампира вбивают кол, вызывая при этом к Аллаху.

Заметно и противопоставление локусов действия: мрачная, дикая Трансильвания с ее волчьим воем и похищением детей для пропитания вампиров, противопоставит домашнему, упорядоченному, топографически точному описанию Стамбула, где, кстати, полностью не удаются и похищения турецких мальчишек, впрочем, как и в аналогичных эпизодах Стокера у могилы Люси Вестнера в Вестминстере. Само историческое, сакральное кладбище в святом районе Эйюб¹⁵ словно приходит на помощь борцам с нечистью. Еще один любопытный момент: у Стокера герои вынуждены преследовать Дракулу в Трансильвании, турки же уничтожают врага на своей земле, как бы отсылая читателя к победам Национально-освободительной войны на просторах Анатолии.

Стоит обратить внимание и на намеренное уменьшение активности женских персонажей: Гюзин — не Мина Харкер и не участвует в казни графа, что мыслится, видимо, как сугубо мужское дело.

Таким образом, мы видим, что в романе реализованы, в той или иной степени, все три составляющие триады Гёкалпа: благородные, просвещенные и патриотичные турки, вооружившись современной наукой вкуче с верой отцов, побеждают иноземных монстров-захватчиков.

¹⁵ Эйюб — одно из свято чтимых мест Стамбула. На здешнем кладбище расположены мечеть и усыпальница Эйюба Ансари — знаменосца пророка Мухаммада, погибшего под стенами Константинополя. Обретение мощей Эйюба в 1453 г. якобы предопределило взятие турками города. Примечательно, что это место связано с семейными и государственными обрядами перехода: именно сюда привозят мальчиков перед обрезанием и именно здесь проходили церемонии опоясывания мечом основателя династии и вступления на престол нового султана из рода Османов. Еще одна параллель — именно в районе Эйюб находится мечеть Заль Махмуд-паши, который считается непосредственным убийцей принца Мустафы.

Остается последний вопрос: почему из турецкой версии исчез такой колоритный персонаж, как Р. М. Рендлиф — пациент психиатрической клиники, мучающий и поедающий насекомых, поклонник и почитатель Дракулы. Этот персонаж Стокера чрезвычайно умен и не лишен inferнального обаяния. Лечебницы, специализирующиеся на душевных недугах были известны в Турции со средних веков, поэтому речь явно не идет о неизвестных практиках. Представляется, что автор затруднился с «отуречиванием» персонажа: если Рендлиф — турок, то как он может быть сторонником и даже пособником врага, если же он инородец, то ему просто нет места в «священной войне» турок.

В целом же фабула романа Али Рыза упрощена и схематизирована по сравнению с романом Стокера. Применительно к вопросу о культурном импорте интерес представляют, прежде всего, такие типы художественных взаимодействий как:

Займствование, которое подразумевает перенесение элементов одной художественной системы (сюжетной схемы, обстоятельств, характеров героев, композиции и т. д.) в другую. В новом произведении очевидно различимы черты источника. Но заимствуемые элементы сочетаются с новым колоритом и иной трактовкой образов [10: 45];

Цитация — в широком смысле термина, которая предполагает художественное использование первоисточника с отсылкой к нему, заимствование отдельных элементов и тем из первоисточника [10: 46].

В целом появление первого романа о вампирах в турецкой литературе представляет собой любопытное явление, когда, с одной стороны, турецкого автора привлекает, казалось бы, область иррационального — вампир как символ inferнального, абсолютного зла, страха, ужаса, которые «нежить» вселяет в души живых людей, и смерть, которая не приносит упокоения. С другой стороны, Дракула осмыслен автором весьма рационально — источник страха действует в объективной реальности. Следствием этого страха перед исторически обобщенным образом национального врага и одновременно ответом на него стало стремление к объединению нации. При этом, если вспомнить о времени создания романа «Дракула в Стамбуле», приходит понимание, что Али Рыза Сейфи мог адаптировать и переосмыслить перенесенный на турецкую почву сюжет только так и не иначе.

Литература:

1. Аникеева, Т. А. Турецкая городская повесть XIX в. — М.: Восточная литература, 2011.
2. Голобородько, И. И. (И. Южанин). Старая и новая Турция. — М.: Польза, 1908.
3. Гордлевский, В. А. Очерки по новой османской литературе // Избр. соч. — Т. 2. — М.: Восточная литература, 1961. — С. 350–437.
4. Клейн, И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. — М.: Языки славянской культуры, 2005.
5. Лоти, П. Невольница гарема. — М.: Алгоритм, 2014.
6. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв. — М.: Гнозис, 1992.
7. Михайлова, Т. А. Граф Дракула: опыт описания / Т. А. Михайлова, М. П. Одесский. — М.: ОГИ, 2009.
8. Мухамметдинов, Р. Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. — Казань: Заман, 1996.
9. Стокер, Б. Малое собрание сочинений. — СПб.: Азбука, 2017.
10. Теория литературы. — Т. IV. Литературный процесс. — М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001.
11. Трактат по вампирологии доктора Абрахама Ван Хельсинга, доктора медицины, доктора философии, доктора филологии и проч. С добавлением других древних, редких и драгоценных трактатов на эту тему / Сост. и ред. Эдуарда Бразе. — М.: Книжный клуб 36.6, 2012.
12. Sarpkaya, S. Türk Kültüründe Vampirler. Oburlar, Yalmavuzlar ve Diğerleri / Seçkin Sarpkaya, Mehmet Berk Yaltrık. — Ankara: Karakum Yayı., 2018.
13. Seyfi, Alirıza. Drakula İstanbul'da. — İst.: Kamer Yay., 1997.
14. Suleymanova, A. S. The Image of the Vampire in Turkish Literature // Древняя и новая Романия. — Т. 22. — Вып. 2. — СПб.: СПбГУ, 2018. — С. 205–212.
15. Uğur 2013 – Uğur, Veli. 1980 Sonrası Türkiye'de Popüler Roman. — İst.: Koç Üniversitesi Yay., 2013.
16. «Дракула в Стамбуле»: рецензия // Cinema Oscuro. [Электронный ресурс]. — http://www.oltretomba.net/cinema/drakula_istanbulda.html
17. О фильме «Дракула в Стамбуле» // КиноПоиск. [Электронный ресурс]. — <https://www.kinopoisk.ru/film/86183/>

А. В. Орловская

**Роман Халиде Эдип Адывар “Yeni Turan”
как отражение националистических тенденций
в Османской империи в начале XX века**

A. V. Orlovskaya

**Halide Edip Adıvar’s Novel “Yeni Turan” as a Reflection
of Nationalist tendencies in the Ottoman Empire
at the Beginning of the 20th century**

After the victory of the Young Turk movement and the establishment of the period of the Second Constitution in the Ottoman Empire, it became obvious that a deep crisis in all spheres of social life could not be resolved only by a change in the ruling elite. To overcome pressing problems, radical changes were required, and the question of which path of development should the country take became a cornerstone among the politically active intellectuals [3: 127].

Halide Edip Adıvar was also involved in the political life of the empire and was one of the leading writers during the Second Constitution. Collaborating with the magazine “Türk Yurdu”, she gets acquainted with such Turanic and Turkic ideologists as Yusuf Akchura and Ziya Gökalp [4: 145]. Their ideas, especially those of Ziya Gökalp, had a great influence on the formation of the political views of Halide Edip Adıvar. Imbued with these views, Halide Edip Adıvar decides to present her vision and try to give her answer to the question of what the future of the empire should be. The answer was the novel “Yeni Turan” (“New Turan”), written in 1912 [1: 27].

In this novel Halide Edip proposes the path of the country's development according to the model of Turkish Turkism and at the same time specifies what exactly the writer understands by the idea of Turkism. Despite the fact that the supporters of Turkism and Turanism proclaimed the idea of uniting the Turks of different states, and some even put forward the idea of creating a single

Turkic state, the idea of Turan in the novel has a different implementation. Defending the ideas of decentralization and Turkism, Halide Edip does not set herself the task of achieving the unification of the Turks. It is important for her to single out the Turks as the main element of the Ottoman Empire [2: 419]. So she advocates the idea of “Turkish Turkism” (Türkiye Türkçülüğü).

The reflection of the idea of “Turkish Turkism”, as well as the idea of decentralization, is the New Turan party, while the New Ottomans party is the spokesman for the ideas of Ottomanism and centralization.

When analyzing the novel, it becomes obvious that Halide Edip Adivar “supports” the “New Turan” party and it is with its ideas that she connects the construction of a “new” Turkey. Moreover, the ideas of “New Turan” embodied in the novel are not the point of view of one specific political trend, it is a synthesis of the ideas of several trends, mainly the views of Prince Sabaheddin [6: 305] and Ziya Gökalp [5: 133].

When considering the above two parties in the novel, the author of the study concludes that the Party of Unity and Progress, which came to power after the Young Turkish revolution, can serve as a prototype for the New Ottomans and New Turan parties. At the same time, the New Ottomans party is the policy of the Ittihadists, which was really pursued at that moment, and the New Turan party is the political course that the Unity and Progress Party should take in order to save the country. “Turkish Turkism”, decentralization, equal rights of women with men, universal education, including religious education, freedom of madhhabs — these are the postulates on the basis of which the state should revive, but revive not as the Ottoman Empire, but as a “new” Turkey. It is this path, put forward in the novel by the New Turan party, and is the path of saving the country, according to Halide Edip.

Bibliography:

1. Enginün, İ. Yeni Türk Edebiyatı-Tanzimat'tan Cumhuriyet'e (1839–1923). — İstanbul: Dergâh Yayınları, 2006.
2. Gözütok, T. Yeni Turan'da milli kimlik sorunu // Turkish Studies. International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. — Vol. 5/2. — 2010. — S. 410–448.
3. Poulton, H. Top Hat, Grey Wolf and Crescent. Turkish Nationalism and the Turkish Republic. — New York: New York University Press, 1997.
4. Türk Edebiyatı, Eski — Türk Edebiyatı, Yeni // Türk Ansiklopedisi. — C. 32. — Ankara: Milli Eğitim Basımevi, 1983. — S. 134–201.

5. Tokluođlu, C. Ziya Gokalp ve Türkçülık // Ankara Üniversitesi SBF Dergisi. — C. 68. — Sayı 3, 2013. — S. 113–139.

6. Ően, H. Prens Sabahattin versus Ziya Gokalp // VII. Ulusal Sosyoloji Kongresi “Yeni Toplumsal Yapılanmalar: Geçiřler, Kesiřmeler, Sapmalar”. Bildiri kitabı I. — Muđla Sıtkı Koçman Üniversitesi, 2013. — S. 299–313.

Э. И. Пирага

**Головные уборы и мужская одежда азербайджанцев
в XIX – начале XX вв. (по материалам Милской,
Муганской, Ширванской этнографических зон)**

Ключевые слова: азербайджанцы, материальная культура, национальные костюмы, этническая культура, Кавказ.

E. I. Piraga

**Men's clothes and headgears of Azerbaijanis in the XIX –
early XX centuries (Based on the materials of the Mil,
Mugan and Shirvan ethnographic zones)**

Abstract: The article deals with the men's clothes of Azerbaijanis living in Mil-Mugan, Shirvan historical ethnographic regions of the Republic of Azerbaijan. Here is also spoken about the men's head-dresses of the Azerbaijani people. According to method of cutting and sewing technique the types of traditional men's clothing of Azerbaijanis was of all-Caucasian character.

Traditional clothes include shirts, underpants, trousers tied up with cord, waist-coat, arhaluk (a type of men's short outer garment), chukha (Caucasian coat, long waisted outer garment), felt cloak, sheepskin coat, long and loose frock and others. In the past, depending on their social status men wore such head-gear as papakh, bork (tall Caucasian hat usually made of sheepskin), tsek, skull-cap, bashlyk (hood), turban and others and foot-gear — bast sandals, slippers, mest, chust (light and heelless footwear), jackboots, foot-binding, onoocha (cloth wrapped round feet in bast-shoes), foot wrappers and so on. In addition, men dress was complemented by belt, tekband, sash, dagger, and so on. Some types of clothing, including felt cloak, apron and so on were dresses connected with trade. In connection of the climate diversity some types of clothing, such as fur coat, bashlyk, foot wrappers and others were not equally spread in Mil-Mugan and Shirvan. Aba (long and loose frock), turbans and others were the type of clothing belonging to the clergy. The traditional headdresses were made of different materials- leather, felt, fabric etc. In the XIX – early XX centuries papakh occupied an important place among the men head-gear. In most cases, wealthy men's papakh was sewn of the Karakul

(astrakhan fur) brought from the Crimea and Central Asia. Local people called it as “Bukhara papakh”.

Key words: Azerbaijanis, material culture, national costumes, ethnic culture, Caucasus.

На территории Азербайджана благодаря большому разнообразию естественно-географических условий и исторически обусловленной неравномерности развития социально-экономической жизни и культуры значительно дольше сохранялись традиции в одежде. Для установления уровня материальной культуры народа, его быта и образа жизни весьма ценное значение имеет изучение его традиционной национальной одежды и украшений.

Экономическая, культурная и социальная эволюция во все времена приводила к изменениям в одежде людей и сообразно естественно-географическим и климатическим условиям их проживания меняла типы их одеяний. «Введенная человеком данной местности одежда совершенствовалась или приходила в упадок в зависимости от разнообразных условий. Если человек в окружающей его природе находил необходимый для своей одежды материал, то он пользовался им для этой цели в широкой степени» [2: 71].

Азербайджанская национальная одежда формировалась в результате очень длительных исторически сложных процессов. Истоки появления ткани, а значит и ткачество в Азербайджане уходят в глубокую древность, о чем нам красноречивей слов говорят многочисленные археологические находки датируемые VI–V тыс. до н. э. [22: 24].

Керамические пряслицы биконической формы, найденные в древних оседло-земледельческих поселениях Гаджи-Фируз в бассейне оз. Урмия, упоминания в памятнике Кюль-тепе, находящегося под г. Нахчываном (Нахичевань), обнаруженные старинные ткацкие детали в поселении Аликомектепе на Мугани, а также в курганах и в некоторых кувшинных погребениях Мингечаура, Харабагилана, Шамаха, Сальяна, Ордубада, свидетельствуют о производстве тканей на территории Азербайджана. Среди этих археологических находок встречаются остатки шерстяных и грубых льняных материалов, изготовленных местными мастерами. Есть предположение, что в древнем Азербайджане изначально ткани изготавливали из льна, а начиная со II–I вв. до н. э. — из конопли. Археологические раскопки показывают: первые бронзовые шилья и иглы датируются III тыс. до н. э. Это подтверждает, что древнеазербайджанские

мастера умели шить и шили одежду. Глиняные статуэтки из Кюльтепе, изображения на перстнях-печатках из Мингечаура (I тыс. до н. э.) дают нам достаточно ясное представление об одеяниях и украшениях тех далеких времен. Ежегодно археологи находят многочисленные украшения (бусинки, диадемы, кольца и прочее), сделанные из различных материалов, которые издревле использовались людьми [3, с.17; 4. с. 10].

В эпосе «Китаби Деде Коркуд» при упоминании некоторых видов одежды азербайджанского народа используется термин “don”. В “boyax” (частях) эпоса упоминаются “kömnək”, “köynək” (рубашка), “cübbə-samur”, “cübbə-çuxa”, “kaftan, şalvar” (брюки); из головных уборов — “çalma”, “tac”, “küləh”, “yaşmaq”; из обуви — “sərmuzə” типа тапочек “naleyin”, “soğman” — (сапог), похожее на чекме, “edik” — женские сапожки на каблуках [21: 44].

Одежда, обувь, головные уборы азербайджанцев, в частности бакинцев, упоминается в работах С. Г. Гмелина, П. Зубова, Н. Ф. Дубровина, И. Н. Березина и др. русских исследователей. Одной из первых русских книг, где приводят краткие сведения по этой теме, была работа С. Д. Бурнашева [3; 6; 9; 10; 11].

Однако в исследованиях подобного рода содержатся сведения, охватывающие широкий круг вопросов, которые могли заинтересовать русского читателя, не знакомого с новыми владениями Российской империи — с Кавказом. Авторы старались заинтересовать читателей вопросами состояния хозяйства, естественных богатств и их практического использования для нужд своей Родины, а также описать возможные торговые пути и предметы торговли. В этот специальный круг интересов входило ознакомление с достопримечательностями страны, ее городами, обычаями народов, их образом жизни. Описываются, например, пояса, выполненные в технике ажурной накладной филигрании с позолотой и инкрустацией с россыпью из бирюзы, рубинов и изумрудов. К началу XX в. цены на такие пояса были заоблачными. Также были малодоступны для большинства женщин серебряные с позолотой и тремя-четырьмя камнями или цветным стеклом браслеты “güllama”. Названные ювелирные изделия с конца XIX в. приобретали на рынках Тифлиса, Баку, Сяляны, Астрахани, Москвы. Наряду с ними азербайджанцы покупали модные европейские поделки — брошки, цепочки и пр. Все эти дорогие вещи надевали в особых торжественных случаях. Тех, у кого не было ничего, называли “biğouz” — нищенка.

Пожилые женщины и незамужние девушки украшений носили намного меньше, чем молодые женщины и невесты. Невеста, как было принято, любой ценой должна была выделяться числом украшений и роскошеством платья. В дни траура никаких украшений надевать было не принято.

Традиционные мужские костюмы азербайджанцы XIX – начала XX вв. по покрою и технике изготовления носили ярко выраженный национальный характер. Мужская одежда включала в себя нижнее белье — “tuman-köynək”; верхнюю одежду — “köynək, şalvar, çuxa, arxalıq”; головные уборы “paraq, ağaçın, təsək”. Учитывая удобной крой, не стесняющий движений, предохраняющий в неблагоприятную погоду в горных условиях, некоторые исследователи полагают, что широкие шаровары (джутбалаг или тайлы туман) впервые появился среди тех, кто вел кочевой образ жизни [8: 122]. Верхняя одежда и головные уборы зависели от общественного положения мужчин, и часто в повседневной жизни именно эта часть костюма больше показывала род занятий и занимаемое мужчиной место в обществе.

“Köynək” — это рубаха простейшего покроя, с прямыми длинными рукавами, плечевыми швами, прямым разрезом от горловины до талии. Для пошива использовали широкую хлопчатобумажную ткань, а если она оказывалась узкой, то по бокам рубахи вшивали расширяющиеся к низу клинья. Рукава таких рубаш могли быть без манжет, но обязательным элементом были воротники-стойки. Полы рубахи доходили до колен. Штаны — “şalvar” — были длинными и относительно широкими, с прямоугольной вставкой в шагу. Верхний край штанов подшивался в рубец, в который продевалась вздержка (“tuman bağı”), с кистями на концах. Если рубаху шили из хлопчатобумажной материи кустарного производства, то штаны — чаще из плотного сукна, крашеной бязи, сатина и т. д. Нижнее белье мужчин было из дешевого и простого материала, а верхняя одежда шилась из дорогих тканей. Несостоятельные люди изрядно поношенные верхние рубашки и штаны использовали как нижнее белье. Нижняя рубаха из-за покроя носила название “dizuxa”. К началу XX в. эту часть одежды шили из “çit”а, которые называли по марке производства — “Tağıyev çiti”, “humayun ağı”, “rus çiti”, “qalın ağı”.

Мужская верхняя одежда классически подразделяется на поясную и наплечную. К первой группе специалисты-этнографы относят штаны, во второй — рубаху, дон, архалык, чуху, кюрк.

Верхние шальвары (брюки) обычно шили из темно-синего и черного ластика такого же покроя, что и исподние шальвары. Разница между ними была только в серединной вставке — ластовице. Такие ластовицы выкраивались из трех кусков материала, из которых с одной стороны вставлялся клин, а с другой — два других, равные вместе первому клину. “Tuman bağı” — пояс для вздержки — подшивался обычно с изнанки на 2–6 см тканью белого цвета в полоску или же более богатой, именно штанины шальвар подшивались и с низу. Поясные шнуры плелись из шелковых ниток, и их можно было растягивать более чем на 20–40 см. По обоим концам шнура из этих же ниток делали кисти. Следует отметить, что в отличие от женской одежды, где эти шнуры должны были быть скрытыми, мужчины любили показывать эти шнуры, демонстрируя искусство рукоделия женщин своей семьи [12: 169].

Следующую часть мужского костюма составлял архалык, который также называли “don” и надевали на рубашку. В прикаспийской зоне Азербайджана, в частности на Апшероне, мужскую одежду типа архалык называли дон [18: 124]. Архалык шили из темно-синей или темных тонов полушерстяной ткани. Подкладка архалыка, которой изнутри облегалась и рукава, кроилась из хлопчатобумажного материала темного цвета. Рукава вшивались в закругленную пройму. В целом мужской архалык состоял из девяти частей: двух полочек длиной до талии, двух треугольных клиньев между полочек и спинкой, двух рукавов, воротника-стойки с закругленными краями и состоящей из четырех прямых полотен отрезной сборки, идущей вниз от талии. Приблизительная длина архалыка от плеч до талии, в зависимости от размера мужчин, 40–60 см, а от талии вниз — приблизительно 50 см. Нижняя сборка у талии имела ширину около метра, причем на протяжении 10–20 см от переда к бокам. С каждой стороны материал без сборок просто подшивался к лифу, а на остальных 70–80 см (части переда, боков и спины) собирался в густую сборку. Понизу сборка архалыка имела ширину до 3 см. Рукава архалыка застегиваются на три пуговицы, а петли наматываются из черного, синего или красного шнура, начиная от талии и сантиметров на 15 выше нее. Воротник вместе с подкладкой, подшитой на внутреннюю сторону, простегивается частыми швами. Здесь застежка устроена по-мужски, слева направо. На архалык надевали длиннополую одежду (чуха) с газырями и без них. Будучи общекавказской одеждой, чуха шилась из шерстяной ткани, сукна, обычно на шелковой или хлопчатобумажной подкладке [17: 76].

До конца XIX в. все детали как мужского, так и женского одеяний шились вручную в домашних условиях. «Arxalıq в зависимости от региона назывался по-разному. В Прикаспийской части Азербайджана его называли “don”, а в других регионах Азербайджана, а также в странах Передней и Средней Азии, Поволжья и на Кавказе, он именовался “arxalıq”, “bəşməq”, “çapan”».

Архалык/дон по описанию русских исследователей выглядел таким образом: «Дон — это полукафтанье, длиной по колени, с узкими рукавами, сборками сзади на талии и открытой грудью, застегиваемый в талии и выше нее на несколько пуговиц: рукава, как и у женских архалуков, выкроены у кисти острым мысом, разрезаны и застегиваются на пуговицу». Дон шьется из полушелковых материй или из «гедаку» — бумажной материи темного цвета, перепоясывают позументовым кушаком, за которыми у богатых беков красуются великолепные пистолеты или кинжалы [20].

С начала XX столетия отдельные жители Баку, в том числе интеллигенция, торговцы, служащие административно-управленческого аппарата города стали одевать короткие “arxalıq”. Этот более «модный» “arxalıq” был однобортным или двубортным, приталенным и имеющим цельные (передние) полы. Некоторые из них имели откидные, суженные к концу рукава. Поверх такого архалыка иногда надевали широкий и длинный пояс, который обвязывался несколько раз вокруг талии.

Мужской кафтан — “çуха” (чуха) шили из сукна разных цветов. Передние полки чухи цельные, по талии не отрезные, сбоку он имеет горизонтальный разрез. Шитье собрано в аккуратную сборку, идущую вниз, как и у трех полотнищ, составлявших бока и спинку от талии вниз. Спинка от талии вверх цельная, так же как и рукава, которые вшиваются почти в прямую пройму, но обязательно с подмышечным вырезом. По всей длине рукав распашной. На локтях рукава украшены декоративными петлями из пестрого цветного шнура. Из такого же материала, изготовленного шнуром, обшиты по всей длине распашные края рукавов, края полочек, ворот и подол. Сверху до талии и в рукава вшивается серая коленкоровая подкладка. Застежек на чухе нет. Воротник-стойка, сшитый из того же сукна, что и вся чуха и снаружи, и изнутри, украшен настроенными швами и по форме напоминает воротник архалука. Архалук и чуху мужчины надевали, когда выходили из дома. Для придания воротнику твердости и жесткости пришивали вручную тонкими

швами стоячий воротник. Вертикальные ложные карманы (по одному справа и слева) прорезаны на первом от переда боковом клине. Длина прореза кармана равнялась 20 см. Снаружи прорезы карманов обшивались двумя рядами серебристо-синего и темно-синего сутажа, а изнутри серебристо-черной тесьмой. Отделка чухи была достаточно богатой. По краю ворота и груди на расстоянии до 150 см подкладывали полоску ткани типа “tigmə” — очень дорогой, тонкий, узорчатый шерстяной материал ручной выделки [23: 87]. Такой же тканью тирме обшиты края лопасти рукава и воротника. На воротнике зелеными крупными крестообразными стежками синих шелковых ниток изнутри пришивается “kanaus”. Снаружи, на спине, начиная от подмышечных вырезов, через лиф вниз, ниже талии проводили две линии позументов, заканчивающихся маленьким розетками — цветками из шнура. Линии позументов частично драпировали, скрывая тем самым швы на лифе и на нижней части чухи. Чуху в Баку, Шамахе и Сальяны шили из сукна Мазандаранской тонкой верблюжьей шерсти, туркменской и кубачинской шали темного цвета, считающихся в Дагестане весьма хорошей [4: 109; 10: 39].

Зимой мужчины надевали полушубки с полурукавами и открытой грудью. Более состоятельные носили шубу иного фасона — с длинными ложными рукавами мехом внутри. Ее так же, как и чуху, местами украшали вышивкой из шелковых ниток. Такой тип шуб был широко распространен в конце XIX — начале XX вв. [15: 150].

Богатые заказывали себе мягкие и легкие “kürk” (кюрк), на изготовление которых шло несколько овчин, ими же широко пользовались люди, совершавшие паломничество в Мешхед, Кербалу и Ардебиль. Кюрк приобретался на центральных базарах Тифлиса, Гянджи и других городов [15: 150].

Головные уборы азербайджанцев можно разделить на две группы: один надевали, другими покрывали голову. Головные уборы в XIX–XX вв. шились из меха и из плотных сортов тканей. Меховые назывались “параğ”, а сшитые из тканей — “şarkə”. Зажиточные слои населения носили “параğ” (папаха) из каракуля, привезенного из Крыма или Средней Азии, в том числе из Бухары.

Для азербайджанцев до недавних времен мужской головной убор был показателем социального положения, чести и достоинства. Самым тяжелым оскорблением по всему Азербайджану считалось сорвать папаху с головы мужчины. Мужчины старались по мере материальных возмож-

ностей иметь как минимум два головных убора: повседневный — недорогой, так называемый “bazar parađı” и выходной — “buxara parađı”.

Исследователи кустарных промыслов Южного Кавказа еще в конце XIX в. отмечали, что папаха из бухарского каракуля стоила от 8 до 14 рублей, в зависимости от величины и качества меха, а папаха из местного меха стоила от 50 копеек до 1,5 рублей [19: 53].

“Pараđı” — мастер, изготовлявший папаху, считался человеком сравнительно обеспеченным и при существующем в те времена большом спросе на этот головной убор зарабатывал в день 40–50 копеек. Так оплачивался только мастер высшей квалификации. Беглый подсчет говорит о том, что цена папаху из отборного меха равнялась месячному заработку мастера. Естественно, что приобрести его мог не каждый [15: 150].

Мужчины так же, как женщины надевали на голову “təsək”. “Təsək” являлся ночным головным убором азербайджанцев, похожим на колпак. Известен был также головной убор под названием “kūlah”, имевший распространение в XIX – начале XX вв. в ряде регионов Средней Азии, где его шили из четырех треугольников, и он не имел околыша. В Иране до недавнего прошлого термин “kūlah” употребляли вообще для обозначения мужского головного убора [16: 28, 198]. Принятый в Мугане конический “kūlah” в Иране носили исключительно средние и высшие слои населения. Кроме них, по этнографическим данным высокий, остроконечный “kūlah” можно было видеть на головах слушателей религии — дервишей, мулл и газы. Общепринятый в Саяны маленький, конический “təsək” носили пожилые мужчины. По рисункам Г. Г. Гагарина, П. Роттера, А. Азимзаде и по имеющимся фотографиям в книгах XX в. становится ясно, что мужчины носили высокий меховой остроконечный головной убор в виде вмятого с одной стороны конуса. Такие же головные уборы носили и люди духовного звания и местные богачи. Приблизительно со второй половины XIX в. бакинцы среднего достатка предпочитали папаху цилиндрической формы с круглым матерчатым дном. В отличие Милской, Муганской, Ширванской этнографической зон Азербайджана, в исследуемой зоне головной убор — кокошник «дингя» — состоял из остова (чэнбер) из ивовых и виноградных прутьев, обмотанного тканью. Головной убор чалма в отличие от дингя повязывался на тэсэк, причем различными способами [5: 75]. У В. Легкобытова мы находим следующее описание папаху: «Высокий

меховой папах из бараньей шкуры, несколько загнутый назад, составляющий головной убор, имел вид усеченного конуса. Папах у бедных бывает белый или рыжий, а у богатых — черный. Впрочем, в летнее время и богатые, в защиту от солнечных лучей, носят также белые папахи, которые туземцы никогда не снимают» [15: 367].

На основе существующей коллекции и по данным литературы о головных уборах мужчин их можно разделить на несколько типов. Это касается только меховых папах.

I тип — в виде конуса и усеченного конуса.

II тип — круглой формы с плоским матерчатым суконным донышком.

III тип — папах, форма которой имеет вмятину с одной стороны конуса.

В западных зонах Азербайджана эти типы меховых папах назывались по-разному: “şiş paraq”, “şələ paraq”, “daqqa paraq”, “sikara paraq”, “aşıq parağı”, “qoçu paraq”, “kazax parağı” и т. д. [7: 61].

Как было отмечено выше, по форме головного убора определяли не только род занятий, материальное состояние, но также характер и увлечения мужчин. Такие нюансы лучше всего можно проследить в художественной литературе того времени. Среди них особое место занимают рассказы Джафара Джаббарлы и прекрасные портреты-персонажи художников журнала «Молла Насреддин». В целом верхняя одежда и головные уборы больше зависели от общественного положения мужчин, и показывали род занятий [1: 202].

В Азербайджана резко отличались “qoçu paraq”, которые кроились из каракуля, и шкурок ягненка. Это были дорогие мужские головные уборы, по цене почти равные “buxага paraq” и доступные лишь состоятельным людям. “Qoçu paraq” состояла из основы, донышка и подкладки. Доньшко делали из сафьяна или дубленой шкуры. Два раза в год в ней менялась подкладка — зимой шерстяная, летом — хлопчатобумажная. Самые лучшие шапки такого рода приобретали на базарах Гянджи, Шамахе, Саяны и Тифлиса. В XIX в. в моде были также шапки в форме усеченного конуса, называемые “çərkəzi paraq” (черкесская папах). Молодые люди из богатых семей щеголяли в черкези чуху и черкези папах. Бедняки в основном одевали “şələ paraq” или же “motal paraq”, известные так из-за сравнительно большого объема и низкого класса меха. Эти папахи имели вид усеченного конуса, но с плоским

верхом темного сукна. Такую шапку делали и на подкладке. Подобные головные уборы шили из куска овечьей шерсти с клиньями в верхней части. Под такую “*motal paraq*” надевали тонко вязаную тюрбетейку, для защиты пота или во время хозяйственных работ под папаху накидывали “*cuna*” — марлю.

Тюрбетейку-арахчын носили в основном мужчины средних лет и зачастую внутри дома. Кроме этого существовал обычай, когда после обручения невеста дарила жениху арахчын с вышивкой. Обычай этот назывался “*bəgouz*”.

В конце XIX – начале XX вв. извозчики фэзтонов, фургонов, ландо и других транспортных средств из-за частых и сильных бакинских ветров поверх прочих головных уборов надевали “*başlıq*”. “*Başlıq*” шился из плотной однотонной шерстяной ткани. Большие же конусообразные башлыки изготавливались из верблюжьей шерсти. Они имели длинные, закругленные на концах лопасти, обматываемые вокруг шеи, которые возницы завязывали в узел и перебрасывали за спину. Сукно для башлыков было местного происхождения [19: 27]. Для русских исследователей головные уборы были не более, чем шапками-папахами, поэтому они отмечали, что в Баку в то время и старики носили конусообразные, длинные, тяжелые папахи, весом чуть ли не в 8 фунтов. Молодежь и детвора носят легкие, круглые папахи карабахского покроя. Мужчины духовного звания при различных официальных церемониях повязывали на голову поверх тесек “*əmtmə*”. Согласно мусульманским традициям “*əmtmə*” использовали не только как головной убор, но также как длинную ткань, которая обычно соответствовала росту человека, что позволяло при надобности использовать ее в качестве савана — “*kafan*”, а во время паломничества по мере надобности как дорожную скатерть или куршак (ремень). Религиозные лидеры Шемахе, носила зеленые тюрбаны “*əmtmə*” на головах [17: 81].

С конца XIX в., с превращением Баку в промышленный центр, рабочие, прибывавшие из разных стран, приносили с собой «новые» модные шапки. Так, в обиходе стали употребляться обычные матерчатые шапки (кепки). На начальном этапе под влиянием иностранцев — русских (молакан), украинцев и др., азербайджанцы переняли от них рабочую одежду с таким недорогим атрибутом, как матерчатая кепка.

В заключение остается отметить, что в крупных городах Азербайджана в предреволюционные годы мужчины стали носить европейский

или европеизированный костюм. В настоящее время все мужское население сельских местностей носит нижнюю и верхнюю одежду городского типа. Из национального мужского костюма сохраняются лишь папаха и изредка архалык и шуба, надеваемые иногда престарелыми мужчинами. Мужская одежда населения Азербайджанской Республики благодаря росту материального благосостояния народа становится все более нарядной.

Литература:

1. Абасова, Л. И. Материальная культура Баку XIX – начала XX вв. (историко-этнографическое исследование): Автореферат дисс. ... кандидата исторических наук. — Баку, 2008.
2. Адлер, Б. Ф. Возникновение одежды. — СПб., 1903.
3. Березин, И. Н. Поездка на Апшеронский полуостров (из путевого журнала). — Казань, 1847.
4. Березин, И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. — Казань, 1850.
5. Богданов, Л. Ф. Персия. — СПб., 1909.
6. Бурнашев, С. Д. Описание областей Азербайджанских в Персии и их политического состояния. — Курск, 1773.
7. Велиев, Ф. И. Материальная культура западной зоны Азербайджана XIX – начало XX вв. — Баку: Элм, 1996.
8. Гаген-Торн, Н. И. К методике изучения одежды в этнографии // Советская этнография. — 1934. — № 3–4. — С. 121–129.
9. Гмелин, С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. — III ч. — СПб., 1785.
10. Дубровин, Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. — Т. 1. — Кн. 2. — СПб., 1871.
11. Зубов, П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, этнографическом, статистическом, финансовом и торговом отношениях. — Ч. IV. — СПб., 1835.
12. Исмаиладзе, П. Э. Мужская одежда азербайджанцев в XIX – начале XX в. // Вопросы истории. — 2018. — № 4.
13. Исмизаде, О. Ш. Исследования средневекового Баку / О. Ш. Исмизаде, Ф. А. Ибрагимов, Н. В. Минкевич-Мустафаева, В. П. Фоменко. — Баку: Элм, 1974.

14. Казиев, С. М. Археологические раскопки в Мингечауре // Общее собрание АН СССР, посвященный 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. — М.; Л., 1948.
15. Легкобытов, В. Провинция Ширван // Обзорение Российских владений за Кавказом. — Ч. III. — СПб., 1836.
16. Луконин, В. Г. Культура Сасанидского Ирана. — М.: Наука, 1969.
17. Мустафаев, А. Н. Материальная культура Ширвана. Баку: Элм, 1977.
18. Народы Кавказа. — II. — М.: Изд-во АН СССР, 1962.
19. Пиралов, А. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа // Кустарная промышленность в России. — Т. II. — СПб., 1913.
20. Торчинская, Э. Г. Мужская одежда азербайджанцев XIX – начала XX вв. по собранию Государственного Музея этнографии народов СССР // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX–XX вв. — Вып. 1. 1971.
21. Kitabı-Dədə Qorqud. — Bakı: Azər nəşr, 1962.
22. Nərimanov, İ. H. Sarıtərə yaşayış yerindəki arxeoloji qazıntılar (1956–1957 — ci illər). — Azərbaycan EA “Xəbərləri”, İctimai elmlər seriyası. — Bakı, 1959. — № 2. — S. 23–31.
23. Piraga, İ. On the specific lokalites of the garment and adornments of the Kur-Araz regions population // International Journal of Current Resarch. — October, 2016. — Vol. 8. — İss. 10. — P. XXX–XXXX.
24. Piraga, İ. On ethno-cultural contact of Russian and Turkic peoples public domestic // International Scientific Journal Theoretical & Applied Science, Thomson Reuters, ISPC Technology and Innovation, Philadelphia, USA. — 02(34):194. — 29.02.2016. — P. 32–35.

А. И. Пылев

Образ пророка Хызра (Хадерилиаза) в тюркских версиях дестана «Ашик-Гариб» и в сказке М. Ю. Лермонтова об Ашике-Керибе

Ключевые слова: дестан, карабахский вариант, азербайджанская версия, турецкая версия, пророк Хызр, суфийская притча.

A. I. Pilev

The Image of the Prophet Hyzr (Haderiliiaz) in the Turkic Versions of the Destan “Ashiq-Garib” and in the Tale of M. Y. Lermontov about Ashiq-Kerib

Key words: destan, the variant of Karabakh, the Azerbaijani version, the Turkish version, the Prophet Hyzr, tale, sufi parable.

В огузском народном дестане (сказании) об Ашике Гарибе и в сказке М. Ю. Лермонтова, созданной на основе этого сказания, изображены два волшебных события, одно из которых — встреча во время странствования с пророком Хызром / Хызр-Ильясом (у М. Ю. Лермонтова — Хадерилиазом, св. Георгием), чудесным образом перенесшим героя на своем коне из Эрзинджана в Тифлис менее чем за один день. Данный эпизод имеет ключевое значение для развязки сюжета — соединения героя с возлюбленной на ее свадьбе.

Ашик Гариб в начале развязки сказания подвергается испытаниям: Хызр помогает ему не сразу, а только проверив твердость его намерений. В частности он сначала заставляет героя бежать за своим быстройходным конем, затем берет его переметную суму, а самого героя снова заставляет идти пешком, и только потом, вняв жалобам Ашика, сажает его рядом с собой на круп лошади. Данный эпизод имеется в карабахском варианте азербайджанской версии дестана и в сказке М. Ю. Лермонтова.

В закавказско-тюркской и турецкой версиях дестана чудесный помощник главного героя назван Хызром, у М. Ю. Лермонтова — Хадерилиазом. Действительно, в мусульманском мире широко распространено поверье о том, что Хызр, покровитель и помощник всех странников и путешественников, испив из источника живой воды и обретя бессмертие, слился своей сущностью с ветхозаветным пророком Илией (Ильясом). Вместе с тем у М. Ю. Лермонтова он также отождествлен со св. Георгием, что соответствует грузинским и армянским мифологическим представлениям.

В целом история любви Ашика и его возлюбленной Мах-и Мехр (Шахсанем; Магуль-Мегери) в некоторых вариантах сказания имеет вид развернутой суфийской притчи о «верных влюбленных». В мусульманской мистической традиции такая любовь, как правило, заканчивается трагически: один из влюбленных гибнет после их воссоединения. В народном сказании «Ашик-Гариб» мы видим счастливый конец — герои воссоединяются для совместной жизни в любви, — однако в произведении налицо основные элементы притчи о «верных влюбленных»: влюбленность обоих героев друг в друга по воле Бога при посредстве пророка Хызра или некоего дервиша, преодоление ими испытаний, помощь святого Хызра на пути любви и, наконец, чудесное воссоединение вопреки всем внешним препятствиям. Представляется, что рассмотрение народного дестана «Ашик-Гариб» с данной точки зрения поможет определить возможный литературный источник сказания.

К. С. Рогожина

Экономическое сотрудничество Ирана с Казахстаном и Туркменистаном в нефтегазовом секторе

Аннотация: В статье предпринимается попытка оценить сотрудничество Исламской Республики Иран с Казахстаном и Туркменистаном в нефтегазовом секторе в период с конца XX в. до настоящего времени. Рассматривается история экономических отношений в данной отрасли. Описывается взаимная выгода от данного сотрудничества всех трех республик.

Ключевые слова: нефтегазовый сектор, Иран, Казахстан, Туркменистан, нефтепровод, газопровод.

K. S. Rogozhina

Economic cooperation of Iran with Kazakhstan and Turkmenistan in the oil and gas sector

Abstract: The author tries to assess the cooperation of the Islamic Republic of Iran with Kazakhstan and Turkmenistan in the oil and gas sector in the period from the end of the 20th century to the present day. The paper deals with the history of the economic relations in this sector. The mutual benefit of all three republics from the cooperation is discussed.

Key words: oil and gas sector; Iran; Kazakhstan; Turkmenistan; oil pipeline; gas pipeline.

Центральная Азия — регион, обладающий огромными сырьевыми запасами, такими как нефть и природный газ. В той или иной мере каждая центральноазиатская республика богата энергоносителями, минеральными ресурсами, ирригационным потенциалом. Это привело к тому, что Центральная Азия стала одним из стратегических регионов мира, в котором постоянно идет соперничество крупных держав. В регионе отчетливо наблюдается экономическое присутствие КНР, США и РФ. Исламская Республика Иран не является исключением: вышеупомянутая ресурсообеспеченность региона рассматривается ею в ка-

честве основы для плодотворного сотрудничества. В первую очередь, речь идет о Туркменистане и Казахстане, где Иран преследует свои экономические интересы. Основное направление сотрудничества с вышеупомянутыми центральноазиатскими республиками осуществляется в нефтегазовом секторе. В случае с Казахстаном будет рассмотрен импорт и экспорт нефти, с Туркменистаном — импорт и экспорт газа.

Казахстан

Для транспортировки собственной нефти Казахстан вынужден прибегать к получению у России необходимых экспортных квот, так как через территорию Российской Федерации проходят пути нефтепотоков, которые доставляют казахстанскую нефть в Европу транзитом через Черное море. Один из таких важнейших нефтепроводов — Каспийский трубопроводный консорциум (КТК). В систему КТК поступает нефть, в основном, с обширных месторождений западного Казахстана, а также сырье российских производителей [7].

Такая зависимость Казахстана от России создает для последней возможности политического давления. Для того чтобы избежать этого, Казахстан ищет альтернативные пути транспортировки собственной нефти. Речь идет о транзитном маршруте через каспийский порт Актау в порты северного Ирана.

Экономические интересы Ирана в сотрудничестве по этому вопросу заключаются в импорте казахстанской нефти для обеспечения развития северных регионов страны. Их удаленность от основных месторождений нефти, которые в основном расположены в юго-западной части Ирана в пределах нефтегазоносного бассейна Персидского залива, демонстрирует Ирану экономическую целесообразность импорта нефти из Казахстана: таким образом транспортировка выходит намного дешевле [4].

В 1996 г. было достигнуто соглашение о поставках казахстанской нефти по схеме замещения (SWAP) [4]. По этому договору Казахстан должен был доставлять свою нефть в иранский порт Нека (северная провинция Мазандеран) с дальнейшим следованием на переработку на заводах Тебриза и Тегерана. Взамен этого Иран поставлял из портов Персидского залива для экспорта на мировые рынки определенное количество нефти. Однако данное сотрудничество не решило вопрос транспортировки казахстанской нефти на мировой рынок, поэтому сотрудничество с Россией в рамках КТК остается актуальным.

Поставки нефти по своповой системе действовали с 2005 по 2010 гг., после чего они прекратились из-за низкой доходности. Однако есть вероятность, что основной причиной стали санкции по отношению к Исламской Республике со стороны США и ЕС.

Также не стоит забывать, что у Казахстана есть альтернатива европейскому рынку сбыта — Китай. Нефть поступает в КНР по «Казахстанско-Китайскому трубопроводу» (ККТ), который осуществляет транспортировку по магистральным нефтепроводам «Атасу — Алашанькоу» и «Кенкияк — Кумколь». Этот трубопровод — единственная для Казахстана линия, которая не проходит через третью страну, а выходит непосредственно к конечному потребителю сырой нефти.

В 2017 г. Иран заявил, что планирует восстановить своповые поставки нефти с Казахстаном, Россией и Туркменистаном, как только эти страны смогут поставлять необходимые объемы сырья [3].

Туркменистан

Для начала рассмотрим газопровод «Корпедже — Курт-Куи». Газопровод был открыт в декабре 1997 г. Протяженность газопровода с туркменского газового месторождения Корпедже до иранского города Курт-Куи составляет 197 км, из них 132 км проходят по территории Туркменистана. Годовой объем поставки по данному газопроводу — 8 млрд куб. м газа в год. По газопроводу проходил транзит газа, в том числе с каспийских месторождений [5].

Данный газопровод был первой успешной попыткой стратегии диверсификации экспорта Туркменистана, направленной на снижение зависимости от РФ (этот трубопровод не проходит в какой-либо третьей стране), однако ограниченная мощность не позволила ему стать альтернативным коридором экспорта энергии.

Теперь рассмотрим следующий газопровод «Довлетабад — Серахс — Хангеран». Газопровод был открыт в январе 2010 г. Протяженность туркменского участка газовой магистрали, которая берет начало с крупнейшего газового месторождения «Довлетабад» на юго-востоке Туркменистана, до населенного пункта Сальыр Яп на границе с Ираном составляет 30,5 км. Объем поставки был рассчитан на ежегодную транспортировку до 12,5 млрд куб. м газа [5].

Поставки газа из Туркменистана на север Ирана были приостановлены в начале 2017 г., поскольку Госконцерн «Туркменгаз» и Министерство нефти Ирана не договорились о погашении задолженности

иранской стороны за поставленный газ [6]. Но речь не шла о полном прекращении сотрудничества. В 2018 г. Иран и Туркменистан возобновили газовые своп-операции [2]. Получаемый туркменский газ иранцы использовали в северных провинциях и тот же объем поставляли на западе страны в Азербайджан.

В начале августа 2017 г. Иран ввел в эксплуатацию внутренний газопровод «Дамган — Нека», чтобы снизить зависимость от импорта туркменского газа [9]. Протяженность газопровода составляет 170 км, он проходит от города Дамган в провинции Семнан через города Кисасар и Сари в провинции Мазандеран и заканчивается в городе Нека недалеко от побережья Каспийского моря. Это предоставляет Ирану возможность транспортировки собственного газа с юга, где сосредоточены основные газовые месторождения страны, на север.

В 2018 г. Туркменистан официально подал заявку в международный арбитражный суд для решения газового спора с Ираном [10]. Из этого следует, что проблема значительной задолженности Ирана по оплате туркменского природного газа так и не была решена в ходе предшествующих встреч и переговоров. В 2019 г. Иран выиграл первый этап судебного разбирательства в Международном арбитражном суде (IAC). В начале 2020 г. Международный арбитражный суд объявил свой вердикт по поводу газового спора между Ираном и Туркменистаном. В соответствии с ним Иран должен выплатить Туркменистану почти 2 млрд долл. США, чтобы погасить свой долг за газ, поставленный Туркменистаном с 2007 по 2013 гг. Министр нефти Ирана Б. Зангане заявил, что способы и пути решения выплаты долга будут обсуждаться. Он также подчеркнул, что Иран не смог перевести деньги из-за санкций и долг перед Туркменистаном будет выплачен [8].

4 августа 2020 г. на спецзаседании парламентской энергетической комиссии Маджлиса было объявлено о предстоящей встрече членов Энергетической комиссии иранского парламента с послом Туркменистана и о решении создания специального комитета для рассмотрения соответствующих документов по вопросу газового спора двух стран [8].

Мы уже упоминали о реализованных своповых соглашениях между Туркменистаном и Ираном. Теперь обратим внимание на перспективы. В 2018 г. заместитель министра энергетики Ирана Хамид Реза Араки заявил о готовности своей страны поставлять туркменский газ в Пакистан на основании свопового обмена. Высокопоставленный иранский

чиновник выразил сомнение в осуществлении проекта ТАПИ, который предполагает транспортировку туркменского газа через территорию Афганистана в Пакистан и Индию [11].

Армения также настроена воспользоваться транзитными услугами Ирана для покупки газа у Туркмении. Речь идет о поставках по системе своп, по которым туркменский газ будет поставляться в северные провинции Ирана, в дальнейшем Исламская Республика будет поставлять свой газ в Армению [1].

Выводы

Казахстан и Туркменистан являлись значимыми партнерами для Исламской Республики Иран в нефтегазовом секторе благодаря своему географическому положению и наличию ресурсов. На данный момент активное сотрудничество не наблюдается по различным причинам, одна из них — санкции по отношению к Ирану со стороны США и ЕС, однако страны имеют стремление и потенциал для совместной плодотворной работы.

Литература:

1. Двусторонние отношения. Иран // МИД Республики Армения. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mfa.am/ru/> (дата обращения: 29.05.2020).
2. Иран возобновил газовые своп-операции с Туркменистаном // ИРНА. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.irna.ir/> (дата обращения: 29.05.2020).
3. Иран готов возобновить своповые поставки нефти с Россией, Туркменией и Казахстаном // ТАСС [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/4457104> (дата обращения: 29.05.2020).
4. Месамед, В. И. Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога. — М., 2010.
5. Основные газопроводы Туркменистана // МИД Туркменистана. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru> (дата обращения: 29.05.2020).
6. Сообщение для средств массовой информации // МИД Туркменистана. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mfa.gov.tm/> (дата обращения: 29.05.2020).
7. Текущая деятельность // КТК. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cpc.ru/> (дата обращения: 27.04.2020).

8. The Islamic Republic of Iran Ministry of Petroleum. [Электронный ресурс]. — URL: <https://en.mop.ir/> (дата обращения: 11.12.2020).
9. شیر انتقال گاز دامغان- نکا دقایقی پیش باز شد // ILNA. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ilna.news/> (дата обращения: 29.05.2020).
10. مناقشه گازی ایران و ترکمنستان به دادگاه بین المللی سپرده شد. // IRNA. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.irna.ir/> (дата обращения: 29.05.2020).
11. عراقی: بعید می دانم که خط تاپی، عملیاتی شود // MIZENAFT. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.mizenaft.com/> (дата обращения: 29.05.2020).

Г. С. Сахатова

О некоторых экспрессивно окрашенных глаголах (пере)движения в тюркских языках

Аннотация: Статья имеет описательный характер и посвящена туркменским глаголам с основами на *tas-/daz-/tis-*, передающим одновременно как характер протекания действия, так и испытываемое при этом эмоциональное состояние. Анализ их значений позволяет проследить малоизученные до сегодняшнего дня признаки генеалогических связей между тюркскими языками.

Ключевые слова: акциональность, модальность, экспрессивно окрашенные глаголы (пере)движения, туркменский язык, чувашский язык, якутский язык, тувинский язык, тюркские языки.

G. S. Sakhatova

On some expressive motion verbs in Turkic languages

Abstract: The paper is mainly descriptive and focuses on Turkmen verbs with the stems *tas-/daz-/tis-* which convey both the way the action proceeds and the emotional state that one feels at the same time. An analysis of meanings and functions of these verbs allows to trace the signs of genealogical links between the Turkic languages that have been understudied up to the present day.

Key words: actionality, modality, expressive motion verbs, Turkmen, Chuvash, Yakut, Tuvan, Turkic languages.

Доклад посвящен глаголам с основами на *tas-/daz-/tis-* в туркменском языке, передающим как характер и способ протекания действия, так и испытываемое при этом эмоциональное состояние. Как анализ их значений, так и вопрос о происхождении корня *tas-/daz-/ti-s* (в дальнейшем TAS-) являются на сегодняшний день малоизученными. Целью настоящего исследования явилось определение грамматической и модальной природы глаголов на TAS- в туркменском языке с привлечением языковых материалов из других тюркских языков — тувинского, якутского,

хакасского и чувашского. Эмпирической базой исследования послужили словарные статьи к глаголам, как напр. *tasanjyramak* — «быстро передвигаться (туда и обратно)», *tasatmak* — «напугать / спугнуть и сделать так, чтобы убежали, не чувствуя под собой ног / очень быстро водить / сделать так, чтобы качались в разные стороны», и т. д. [3: 235; 254, 648; 7]. Было установлено, что туркменские глаголы на TAS- описывают динамическую ситуацию, при которой скорость (пере)движения в пространстве живых существ, объектов оценивается как быстрая, стремительная или очень высокая; при этом быстрая скорость (пере)движения может быть вызвана, напр. испугом, эмоциональным состоянием, которое испытывается с внезапным ощущением опасности.

Привлеченный материал из других тюркских языков, таких как якутский, хакасский, или чувашский указывает то, что для выражения значения внезапности, однократности, законченности или силы действия в них используются сложновербальные конструкции с глаголами *tjyc-/tys-* — «падать, бросаться, спускаться» в служебной функции: *-A + tys/-A + tjyc: kuzuri tys* — «грохнуть», *чылтыри tjyc* — «блеснуть», *пала сарбаңни тјскен* — «ребенок вздрогнул», *тухса вѣс-* — «убежать, бежать стрелой», *чупса тух* — «выбежать, выскочить» и т. д. [243–244; 4: 280–282; 5: 18; 1: 85–86]. Сравнительный анализ показал, что в туркменском языке TAS-глаголы сохранили свое первоначальное значение, в то время как напр. в якутском языке аналитическая форма вида, образованная при помощи служебного глагола *tys-*, достигла высокой степени грамматикализации.

Литература:

1. Лебедев, Э. Е. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. — Чебоксары, 2016.
2. Насилов, Д. М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. — Л., 1989.
3. Туркмен дилиниң сөзлүги / под ред. М. Я. Хамзаева. — Ашхабад, 1962.
4. Убрятова, Е. И. Грамматика современного якутского литературного языка. — Т. 1. Фонетика и морфология. — М., 1982.
5. Чернов, М. Ф. К вопросу о классификации сочетания слов (с глаголом *тух*) в чувашском языке // Вопросы истории и грамматики чувашского языка. — Чебоксары, 1977. — С. 16–41.

6. Щербак, А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. — М., 1961. — С. 82–172.

7. Куýасова, G. Türkmen dilinin düsüründüsli sözlügi. Iki tomruk / G. Куýасова, A. Geldimyradow, H. Durdyýew. — Aş., 2016.

8. Radloff, W. Versuch eines Wörterbuchs der Türk-Dialekte. — Dritter Band. — Gravenhage, 1960. 635 с.

Д. М. Тимохин

О роли кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака в борьбе между Хорезмом и кара-китаями: по данным арабо-персидских источников

Аннотация: Доклад посвящен анализу информации о роли кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака в борьбе между Хорезмом и государством кара-китаев. Автор пытается выстроить максимально подробный рассказ о том, как описывают эту роль средневековые арабо-персидские авторы. Наибольшее внимание в данном докладе уделено сведениям из исторических сочинений XII–XIII вв., а также отдельных более поздних памятников.

Ключевые слова: арабо-персидские источники, тюркские племена, Хорезм, Дешт-и Кыпчак, кара-китаи.

D. M. Timokhin

On the role of nomadic Turkic tribes of Eastern Desht-i Kipchak in the struggle between Khorezm and Qara-Khitai: according to Arab-Persian sources

Abstract: The report is devoted to the analysis of information about the role of nomadic Turkic tribes of Eastern Desht-i Kipchak in the struggle between Khorezm and the Qara-Khitai state. The author tries to build as detailed a story as possible about how medieval Arab-Persian authors describe this role. The greatest attention in this report is paid to information from historical works of the XII–XIII centuries, as well as some later monuments.

Key words: Arab-Persian sources, Turkic tribes, Khorezm, Desht-i kipchak, qara-khitai.

История Хорезма, равно как и государства кара-китаев, обладает существенной историографией: исследователи достаточно подробно рассмотрели как историю этих политий, так и их противостояние, ко-

торое закончилось победной хорезмшахов из династии Ануштегинидов [1; 3; 4; 5; 6; 8]. Этот доклад посвящен менее изученному сюжету, а именно участию в этой борьбе кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака, той роли, которую они сыграли и их дальнейшему сотрудничеству с Хорезмом в различных его аспектах. При этом большое внимание будет уделено тому, как арабо-персидские историки, прежде всего авторы XII–XIII вв., описывают участие тюркских племен в борьбе между Хорезмом и кара-китаями. Это позволит выстроить, с одной стороны, более четкую картину взаимодействий между хорезмшахами и тюркскими племенами, а с другой — выделить те лакуны, которые существуют по данной проблематике в арабо-персидских исторических сочинениях.

Важно отметить, что начало самого противостояния между Хорезмом и кара-китаями связано именно с кочевыми племенами восточного Дешт-и Кыпчака: хорезмшах Ил-Арслан активно выстраивал взаимоотношения с карлуками [7: 131–132] и поддержал последних, когда правитель кара-китаев захотел переселить их в Кашгар. «Хан ханов ас-Сини, царь хитаев, поручил управление Самаркандом и Бухарой ильхану, Чагры-хану, сыну Хасан-тегина, и сделал его наместником над ними. Он из царского рода древнего происхождения и проживал в Самарканде, руководя его делами. В настоящее время царь хитаев послал ему [распоряжение] выселить тюрков из областей Бухары и Самарканда в Кашгар, чтобы они перестали носить оружие и занялись земледелием и другими делами. Чагры-хан отдал им приказание об этом, но они отказались. Он их обязывал и настойчиво требовал от них переселения. Тогда они объединились, сговорились между собой, собрались во множестве и двинулись в Бухару. Законовед Мухаммад ибн ‘Умар ибн Бурхан ад-дин ал-‘Азиз ибн Маза, глава Бухары, послал к Чагры-хану, уведомляя его об этом, и побуждал его прибыть к ним со своими войсками, прежде чем зло от них [карлуки] увеличится и они [карлуки] разграбят страну» [2: 267–268].

Этот небольшой пример демонстрирует нам, что кочевые тюркские племена восточного Дешт-и Кыпчака уже с середины XII в. активно контактировали с Хорезмом, правители которого были, несомненно, заинтересованы в использовании их против собственных врагов, главным из которых станет именно государство кара-китаев. В борьбе с этим политическим противником хорезмшахи будут использовать, согласно

данным арабо-персидских источников, различные тюркские племена, о чем нами будет подробно рассказано в представленном докладе.

Литература:

1. Агаджанов, С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969.
2. Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-тарих. «Полный свод по истории». Избранные отрывки / пер. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камолиддина. — Ташкент: Узбекистан, 2006.
3. Ахинжанов, С. М. Кипчаки в истории средневекового Казахстана. — Алматы: Гылым, 1995.
4. Ахинжанов, С. М. Хорезм и Дешт-и Кыпчак в начале XIII в. (о месте первого сражения армии хорезмшаха с монголами) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / отв. ред. В. М. Массон. — Алма-Ата: Наука. Каз. ССР, 1989. — С. 326–335.
5. Бартольд, В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — М.: Наука, 1961.
6. Буниятов, З. М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 гг. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.
7. ал-Хусайни, Садр ад-Дин ‘Али. Ахбар ад-Даулат ас-Селджукиййа (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукиййа) («Сообщения о Сельджукском государстве»). «Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях») / пер. З. М. Буниятова. — М.: Восточная литература, 1980.
8. Biran, M. The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History: Between China and the Islamic World (Cambridge Studies in Islamic Civilization). — Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Г. И. Халлиева

С. Н. Иванов о тюркской газели

Аннотация: В статье на основе тюркологических исследований С. Н. Иванова анализируются специфические особенности тюркской газели и выводы ученого о ней. Рассматриваются вопросы закономерности развития жанра, индивидуальные особенности газелей Атаи, Лютфи, Бабур, Навои, Хусайни, Надиры, Муками, Фурката и других поэтов.

Ключевые слова: газель, узбекская классическая литература, закономерности, Атаи, Лютфи, Бабур, Навои, Хусайни, Надира, Муками, Фуркат, мотив газелей.

G. I. Khallieva

S. N. Ivanov about Turkish gazelle

Abstract: According to the materials of the Turkological study S. N. Ivanov, the article analyzes the features and conclusions of the scientist about the Turkish gazelle. The questions of the regularity of the development of the genre, the individual characteristics of the gazelles of Atoy, Lutfi, Babur, Navoi, Husaini, Nadir, Mukimi, Furkat and other poets are examined.

Key words: gazelle, Uzbek classical literature, patterns, Atai, Lutfi, Babur, Navoi, Husaini, Nadira, Mukimi, Furkat, gazelle motif.

Если учесть, что чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже, то следует отметить, что богатое фактическим материалом наследие российских востоковедов имеет важное значение в истории культуры тюркских народов. Объективное научное исследование этих материалов определяет актуальность темы настоящей статьи.

В истории изучения узбекской классической литературы большое значение имеют исследования по теории лирических жанров [1; 3; 4; 6; 7; 9]. В этой связи заслуживают внимания статьи видного ученого и талантливого переводчика С. Н. Иванова (1922–1999) о жанре газели.

Благодаря переводам С. Н. Иванова русский читатель получил возможность наслаждаться лирикой Юсуфа Хас Хаджиба, Навои, Бабура, Агахи, Муниса и других поэтов [2]. До наших дней в переводе С. Н. Иванова многократно публиковались образцы узбекской классической литературы. В этом отношении его научные труды и переводы имеют неизмеримо важное значение.

В 1977 г. в Москве был опубликован лирический сборник, состоящий из газелей и мухаммасов Амири, Атаи, Саккоки, Лутфи, Навои, Бабура и других поэтов, в переводе С. Н. Иванова. В начале книги имеется предисловие переводчика под названием «Пять веков узбекской газели» [3]. Статью можно назвать первой в литературоведении масштабной научной информацией о тюркской газели. В ней решаются следующие проблемы:

1. Закономерности развития жанра газели в арабской, персидской и тюркской литературе, яркие представители в этом жанре, общие замечания о поэтических особенностях (бейт, стих, рифма и т. д.).

2. Раскрытие традиционных тем газели, системы образов, взаимосвязи бейтов и разновидностей газели. Исходя из особенностей жанра автор подразделяет газели на четыре вида: *любовные, жалобы на старость, дидактические, обличительные газели* и приводит примеры каждого вида. Он дает толкование более 20 типичных мотивов газелей (мотив разлуки, мотив жестокости любимого и т. д.).

3. Анализ традиционных сравнений и метафор в газелях, их условность, и демонстрация того, что они не связаны с реальными переживаниями поэта.

4. Влияние суфизма на литературу, своеобразие суфийской лирики, ее внешний и внутренний смыслы. Ученый подчеркивает, что неправильно искать мистический смысл во всей поэзии Центральной Азии. Действительно, использование суфийской «терминологии» в литературе часто является просто традицией.

5. В своем исследовании С. Н. Иванов показывает индивидуальные особенности газелей Атаи, Лютфи, Бабура, Навои, Хусайни, Надиры, Муками, Фурката и других поэтов. Автор обращает внимание на богатое художественное воображение у Атаи, философичность и законченность у Бабура и драматизм у Машраба.

6. Автор выражает мнение о роли мастерства переводчика в переводе восточных газелей.

Как видно, С. Н. Иванов намеревался донести до русского читателя специфические особенности тюркской газели и совершить «путешествие» в мир классических поэтов. В этой связи исследователь счел необходимым внести уточнения в некоторые из отмеченных проблем:

Автор считает, что писать газели в тюркской литературе начал азербайджанский поэт Имамиддин Насими (1370–1417). Но нам известно, что первая газель встречается в творчестве Рабгузи (XIII–XIV вв.).

В статье говорится, что жанры мухаммас и мусаддас появились как стихотворный вид на основе газели. Такой взгляд отрицает само существование мухаммаса и мусаддаса.

С. Н. Иванов отвергает «версию» о реальных переживаниях поэта, утверждая условность образов, изображаемых в газели событий. Однако некоторые исследования показывают, что существуют газели, связанные с личностью (хасби хол), реальными событиями из жизни автора [8: 157–201]. Например, И. В. Стеблева, опираясь на газели Бабура, частично отклоняет версии о том, что личные переживания автора не отражаются в газелях, что их описание не нужно связывать с биографией поэта, что это условные поэтические, специфические традиции газелей [8: 159]. Исследователь утверждает, что лирика Бабура является очень важным материалом для разрешения этих вопросов.

В другой статье, посвященной изучению жанра газели [1], С. Н. Иванов утверждает, что *при анализе газели необходимо интересоваться не только тем, что сказано, но и недосказанным*. Именно не высказанная в газели мысль, полустишие, бейт, выражающие специфику жанра, могут стать причиной некоторых споров. Опираясь на теоретические выводы А. Михайловой [5], С. Н. Иванов считает некоторые условные знаки и символы в газели не удалением от истины, а напротив, приближением к ней через «художественную рамку». Традиционность образов является одним из свойств художественной условности. Как отмечает Д. С. Лихачев, нетрадиционность образа, неповторимость и уникальность, особенность свойственны искусству нового времени, искусство же прошлого опирается на «этикет» всем известных выражений. С. Н. Иванов отмечает, что можно подходить к газели по такому же принципу. Он пишет, что необходимо соблюдать литературный «этикет», следуя за традицией, и не отрицать творческую индивидуальность.

Также С. Н. Иванов анализирует еще одно свойство газели — вопрос взаимосвязанности бейтов. По замечанию автора, литературовед

Я. Рипка, изучавший персидскую поэзию, считал, что каждая газель имеет основную идейную доминанту, т. е. точку, а бейты, кружась вокруг этой точки, служат раскрытию главной идеи в газели. Исследователь отмечает, что бейты имеют аккордные свойства. В этом случае соединение более трех звуков, создающее их слитное звучание, сравнивается с единством, которое создают, объединяясь, разные мотивы в бейтах газели. Бейт — это не только часть общего текста, но и составная часть системы образов, «целостной сущности». С. Н. Иванов приводит примеры из газелей Навои, Надиры, Фурката для доказательства того, что понять содержание газели можно, если рассматривать бейты как образующуюся целостность, в связи друг с другом. В конце статьи С. Н. Иванов останавливается на вопросе перевода газелей и мастерства переводчика.

Литература каждой нации является неотделимой частью мирового художественного творчества, ибо интерес народов к литературе и чтение ими произведений считаются основными критериями, определяющими значение художественной литературы. Известность того или иного народа в мире прежде всего связана с масштабами распространения и признания его культуры, искусства и литературы. Переводы и статьи С. Н. Иванова послужили повышению мирового статуса узбекской классической литературы.

Литература:

1. Иванов, С. Н. К изучению жанра газели в староузбекской поэзии // Тюркологический сборник. — М., 1978. — С. 149–157.
2. Иванов, С. Н. К переводческому истолкованию поэмы «Язык птиц» Алишера Навои // Алишер Навои. Язык птиц. — СПб.: Наука, 2007. — С. 330–358.
3. Иванов, С. Н. Пять веков узбекской газели // Узбекская классическая лирика XV–XX вв. — М.: Наука, 1977. — С. 5–39.
4. Мартынецв, А. Е. К проблеме «ритм и метр» в тюркоязычном классическом стихосложении // *Turcologica*. К восьмидесятилетию академике А. Н. Кононова. — Л., 1986. — С. 172–180.
5. Михайлова, А. О художественной условности. — М.: Мысль, 1966.
6. Стеблева, И. В. К проблеме современной интерпретации теории тюркского аруза // Тюркологический сборник. — М., 1981. — С. 256–265.

7. Стеблева, И. В. К вопросу о происхождении жанра туюг // Тюркологический сборник. — М., 1970. — С. 135–148.
8. Стеблева, И. В. Семантика газелей Бабура. — М.: Наука, 1982.
9. Стеблева, И. В. К вопросу формирования образной системы лирики в классической тюркоязычной поэзии // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. — М.: Наука, 1988. — С. 176–188.

Я. Ю. Дж. Хана

Турецкие и персидские заимствования в иракском диалекте

Аннотация: В статье рассматриваются различные категории и формы заимствований из турецкого и персидского языков в иракском диалекте арабского языка. Процесс проникновения заимствованной лексики в диалект начался, по-видимому, еще до появления ислама, что объясняется соседствующим географическим положением Ирака, Турции и Ирана. Наиболее активным процесс усвоения лексики из турецкого и персидского языков в иракский диалект стал в эпоху Арабского Халифата, а позднее Османской империи. В настоящее время количество новых заимствований из турецкого и персидского языков в иракский диалект минимально.

Ключевые слова: арабский язык, иракский диалект, заимствования, турецкий язык, персидский язык, лексика.

Y. Y. J. Hana

Turkish and Persian loanwords in the Iraqi dialect

Abstract: The article examines various categories and forms of loanwords from Turkish and Persian in the Iraqi dialect. The process of penetration of borrowed vocabulary into the dialect began, apparently, even in the pre-Islamic era, because of neighboring geographic location of Iraq, Turkey and Iran. The most active process of assimilation of vocabulary from the Turkish and Persian languages into the Iraqi dialect became in the era of the Arab Caliphate, and later the Ottoman Empire. At present, the number of new loanwords from Turkish and Persian into the Iraqi dialect is minimal.

Key words: Arabic language, Iraqi dialect, loanwords, Turkish language, Persian language, vocabulary.

Современный арабский литературный язык — это официальный язык СМИ, книг, документов и учебной литературы. Тем не менее в повседневной речи используются диалекты арабского языка, которые сохраняют значительные фонетические, лексические, морфологические и синтаксические особенности. Лексика диалектов арабского языка наи-

более подвержена различным влияниям и представляет для исследователя особенный интерес, так как дает представление о способности языка постоянно меняться, подстраиваясь под современные нужды. На протяжении длительного времени иракский диалект усваивал большое количество лексики из персидского, турецкого и английского языков. Поскольку речь идет о заимствованиях в диалекте, а не в литературном языке, надо полагать, что они передавались устно. При этом проникновение заимствованной лексики происходило поэтапно и затронуло различные сферы жизни.

Арабские лингвисты начали проявлять интерес к изучению и собиранию заимствованной лексики еще в Средние века. «Составлялись словари заимствованных слов, приводились критерии определения заимствований, высказывались мнения относительно происхождения того или иного заимствованного слова, изучались, насколько это было возможно, языки, из которых они пришли» [3: 468].

Наиболее явные изменения прослеживаются в фонетике заимствованной лексики, хотя их семантическая структура также зачастую подвергается деформации: отдельные слова сохраняют первоначальную семантику, в то время как другие частично, а иногда полностью ее меняют. У некоторых заимствований можно наблюдать сужение или, наоборот, расширение первоначальных значений [2: 136–137]. Подобная ситуация произошла, например, с турецким словом *tuz соль*, которое, после заимствования диалектом, полностью поменяло свою семантику — значение слова *توز tuz* в иракском диалекте: *Плевать на него!* Считается, что это произошло во времена, когда все товары, кроме соли, облагались налогом. При проезде через посты, взимавшие налоги, продавцов соли пропускали без оплаты [10].

Активное проникновение в иракский диалект турецких и персидских заимствований, прежде всего, объясняется соседствующим географическим положением Ирака, Турции и Ирана. Известно, что первые персизмы встречаются еще в произведениях доисламских поэтов: ал-Аша, Зухейра и Антары. При этом самым ранним зафиксированным заимствованием из персидского языка считается слово *تاج tağ корона, венец*, обнаруженное в набатейско-арабской надписи из ан-Немары [3: 469]. С распространением ислама, а также с появлением мест религиозного поклонения шиитов в Карбале и Наджафе взаимопроникновение заимствованной лексики значительно увеличилось.

Первые зафиксированные тюркизмы начинают проникать в арабский язык с XII в. Однако наиболее активное заимствование турецкой лексики в иракский диалект происходило в период господства Османской империи на этих территориях. «В Багдаде, очевидно, турки играли большую роль. Правый берег р. Тигра, населенный бедуинами, называется по-турецки: “Каршы яка”. Турецкие слова заносились и иммигрантами, и чиновничеством. Из моды или из тщеславия население, часто женщины, употребляло турецкие слова: их слух ласкала иностранная речь» [1: 276].

Как турецкие, так и персидские заимствования в иракском диалекте могут быть объединены в следующие лексико-семантические группы:

1. Названия посуды и предметов быта (наибольшее количество турецких и персидских заимствований входит в эту группу):

Тюркизмы:

چطل	çatal	вилка
خاشوگه	haşuga	ложка
دوشگ	doşag	матрас, лежанка
طوز	toz	пыль
قېغ	qabağ	крышка
قیمه	qima	фарш

Персизмы:

چفجیر	çafçir	шумовка
چمچه	çamça	поварёшка
چنگل	çangal	вилка
چرپایه	çirpaуа	кровать
قوری	qurî	чайник
شویگ	şobak	скалка
چرچوپه	çarçura	рама
طبر	tibar	топор
زولیه	zuliya	дорогой ковер

2. Описание человека (обычно употребляется с издёвкой, сарказмом, злой иронией):

Тюркизмы:

شاقنداهی	şaqandahi	шутник
چلابی	çalabi	знатный человек

بیچім biçim *физиономия* (в турецком — в значении форма)

زنگین zangin *богатый*

عفاریم afarim *молодец* (при заимствовании произошло чередование

звуков *t* и *n*: в турецком aferin)

Титулы, обращения (в настоящее время используется с долей иронии):

پاشا paša *паша (воинский чин)*

بک bek *бек, бей, господин*

آفندی afandı *господин*

آغا ağa *господин*

هانم hanım *ханум, госпожа*

خانم khanım *ханум, госпожа*

Персизмы:

دخو dkhu *толстяк*

زقچ zaqıç *карлик*

زنجار zingar *смуглокожий* (с отрицательной окраской)

چهره çahra *физиономия* (в персидском семантика слова положительная, значение слова *лицо*)

3. Продукты питания и напитки:

Тюркизмы:

آرموط armut *груша*

Персизмы:

کشمش kišmiš *кишмиш*

شیره šira *сироп*

گوجه gawğa *вид сливы*

میوه mewa *фрукты*

4. Предметы одежды:

Тюркизмы:

پوستال pustał *солдатские сапоги*

قاپ qat *комплект одежды*

Персизмы:

بابوچ babuğ *тапочки*

5. Сооружения:*Тюркизмы:*جادة ġadda *проспект*سرای saġay *сарай**Персизмы:*سرداب sirdab *подвал*میدان midan *площадь*طاق taq *арка* (было заимствовано благодаря сохранившемуся на территории Ирака сооружению эпохи Сасанидов — Таки-Кисра)¹.**6. Отвлеченные понятия:***Тюркизмы:*قالبالغ qalabalaġ *шум**Персизмы:*درد darid *печаль*ناموس namus *совесть*چاره çaġa *выход, решение*مچه maçça *страстный поцелуй*میانہ mayana *без официоза, неформально*داد ddad *призыв на помощь***7. Животный мир:***Персизмы:*بلبل bulbul *соловей***8. Предметы:***Тюркизмы:*جام ġam *стекло*قمچی qamçı *хлыст, плетка*طمغة tamġa *печать*صوپة sora *обогреватель*طاپو tapu *документ о праве собственности*

¹ Таки-Кисра — шахский дворец эпохи Сасанидов, расположенный на берегу реки Тигр в Аспанбаре.

Персизмы:

- كاغد kağad бумага
 لنگه langa старые вещи, старье
 خردة khurda мелочь (о деньгах)

Интересно отметить, что заимствованная лексика в арабском языке в основном представлена именами существительными. Однако в иракском диалекте можно встретить различные части речи.

Например, **глагольные формы с производными отглагольными именами или причастиями:**

Персизмы:

- كعكل kaakal завивать (волосы) / كعكولة kaakula завиток
 كفش kufaš хватать за волосы / كفشه kafša расчёпанность (волос)
 كوك kawwak шить большими стежками или нервировать /
 مكوك mkawwak нервозный (о человеке)

Имена прилагательные:*Тюркизмы:*

- بوش bosh пустой
 ماوي mawī голубой, синий

Персизмы:

- دبنک dabang глупый
 مگرود magrud несчастный
 زگورتنی zgurti холостой
 نازوگ nazug нежный
 سادة sada однотонный, без примесей

Отдельно следует упомянуть лексему خوش khoš хороший.

Несмотря на то, что по семантике она может быть отнесена к именам прилагательным, ее употребление в диалекте нельзя назвать стандартным: слово используется в препозиции к определяемому, что является для арабского языка исключением. Например:

- خوش کتاب khoš ktab хорошая книга
 خوش فلم khoš film хороший фильм

Вопросительная частица:*Персизмы:*

- خو kho разве, ли (совпадает по семантике с вопросительной частицей

литературного арабского языка (هل). Интересно отметить, что первоначальное значение слова: *хороший, приятный*, однако в иракском диалекте его семантика полностью изменилась.

Наречие:

Тюркизмы:

بلكت ، بلكى balki balkat *возможно, может быть*
 يواش yawaş *медленно*

Частицы:

Персизмы:

هم hamn и همین hammen *тоже, также*

Суффиксы, которые несут определенное значение:

سز siz указывает на отсутствие чего-либо.

Например: ادب سز adab siz *невоспитанный*, دماغ سز damağ siz *глупый, безмозглый*.

چی çî указывает на имя деятеля.

Например: عربنجی arabançî *повозчик*, فیترچی fitarçî *автослесарь*, اوتچی utaçî *гладильщик*.

Некоторые из этих форм впоследствии стали частью известных фамилий. Например:

الشكرچی iş-şakarçî

الچلبی iç-çalabî

الخاصکی il-khasakî

Иракский диалект, как и любой разговорный язык, продолжает постоянно меняться, воспринимая и ассимилируя новую лексику, иногда адаптируя ее под нормы арабского языка, а иногда сохраняя без изменений. Так, например, некоторые заимствованные лексемы получают окончания багдадского диалекта при образовании форм множественного числа²:

سبندیة sebandiya

أدبسیة adab siziya

عربنجیة arabançiya

Отдельные лексемы получают еще более нестандартные формы. Например, слово چرخچی çarkhaçî *ночной патруль* персидского происхож-

² Формы множественного числа в иракском диалекте отличаются от аналогичных форм в литературном арабском языке.

дения, но при этом имеет суффикс, заимствованный из турецкого языка — *چی*. В иракском диалекте этот суффикс традиционно используется у существительных, указывающих на род деятельности.

На сегодняшний день проникновение новых тюркизмов и персизмов в иракский диалект значительно сократилось, хотя уже заимствованная лексика всё еще очень употребительна. В то же время англицизмов объяснимо становится больше. Тем не менее влияние языков соседних стран еще встречается: например, в Ираке среди шиитов было зафиксировано употребление исходно арабской фразы с персидским произношением и измененным синтаксисом:

عيني صلوا على النبي *eni mhammad salawat* вместо арабского *عيني صلوا على النبي eni sallu ala n-nabi* *дорогие (люди), вознесите молитвы Пророку!*

Процесс проникновения и адаптации заимствованной лексики является одним из важнейших источников пополнения словарного состава языка. Как отмечал А. А. Реформатский, «нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами. В каждом языке имеются и слова заимствованные, иноязычные. В разных языках и в разные периоды их развития процент этих “не своих” слов бывает различным» [4: 139]. Изучение заимствованной лексики в том или ином языке является актуальной общелингвистической задачей и позволяет глубже понять характер и степень взаимовлияния народов и культур на почве политических, торговых, экономических или религиозных отношений.

Литература:

1. Гордлевский, В. А. К вопросу о влиянии турецкого языка на арабский // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. — Т. V. — Л., 1930. — С. 271–291.
2. Денмухаметова, Э. Н. Арабские и персидские заимствования в синонимии тюркских языков // Научный Татарстан. — 2015. — № 2. — С. 135–139.
3. Исаева, Ф. А. К вопросу о словах персидского происхождения, представленных в произведениях ал-Джахиза и памятниках арабской народной литературы, но не вошедших в общий лексический фонд арабского языка // Труды Института востоковедения РАН. — 2018. — № 19. — С. 468–476.

4. Реформатский, А. А. Введение в языковедение. — М.: Аспект Пресс, 2004.
5. البزرگان 2000 — رفعت رؤف البزرگان. معجم الألفاظ الدخيلة في اللهجة العراقية الدارجة. بغداد، 2000، 192 ص.
6. الحنفي البغدادي — 1978 الشيخ جلال الحنفي البغدادي. معجم اللغة العامية البغدادية. معجم لهجي فولكلوري. الجزء الأول، بغداد، 1978، 638 ص.
7. الحنفي البغدادي — 1982 الشيخ جلال الحنفي البغدادي. معجم اللغة العامية البغدادية. الجزء الثاني، بغداد، 1982، 716 ص.
8. الحنفي البغدادي — 1993 الشيخ جلال الحنفي البغدادي. معجم اللغة العامية البغدادية. الجزء الثالث، بغداد، 1993، 551 ص.
9. حلوم — 2000 عماد الدين حلوم. معجم الكلمات الوافدة. اللاذقية، 2000، 192 ص.
10. <https://www.arabpage.net/100585/meaning-of-tuz/>

Д. А. Ханипова

**Женские образы
в современной казахской литературе
(на примере произведений М. Омаровой)**

Аннотация: Данная статья посвящена анализу еще не изданных произведений молодой писательницы на казахском языке и рассмотрению образов казахской женщины, которые сложились в современном обществе. Переводы выдержек из произведений являются авторскими и были выполнены в ходе написания работы.

Ключевые слова: женский образ; современная казахская литература; литература на казахском языке; современность; «женская проблема».

D. A. Khanipova

**Female images in modern Kazakh literature
(on the example of Madina Omarova's works)**

Abstract: The focus of the paper is on the analysis, not yet published works of a young writer in Kazakh language and the images of Kazakh women that has developed in modern society. Translations of extracts from the works are copyrighted and were made during the writing of the work.

Key words: the female image; the modern Kazakh literature; literature in the Kazakh language; modernity; “women's issue”.

Часто образ женщины ассоциируют с семейным очагом и уютом, забывая при этом о личностной составляющей самой женщины. Что касается казахского общества, то казахская женщина могла приглядеть за домом и в то же время участвовать с багырами в войнах. Однако этот образ претерпевал изменения наряду с изменениями самого общества. Несомненно, данные изменения нашли отражение в литературе, в частности в произведениях современной казахской писательницы Мадины Омаровой, а именно в двух пьесах «Гүлнәр мен Нұржамал» («Гульнара и Нуржамал»), «Квартиранттар» (“Квартиранты”) и реалистичных рассказах «Менің ауылым» («Моя деревня») и «Әже» («Бабушка»).

Нормы поведения и положение женщины определялось адатом (обычным правом) и шариатом, а в XIX–XX вв. еще и законами Российской империи, которые затем сменились советским законодательством. Стоит заметить, что адат защищал казахскую женщину и облегчал ее положение в тех случаях, когда нормы шариата принимались в качестве основного закона. Раньше юридическое и экономическое положение женщины не было столь же свободным, как и ее бытовое положение [5: 190–192].

В литературе XX в. появляется феномен «советская женщина», были распространены идеи «раскрепощения женщины Востока», «освобождения восточной женщины». Теперь женщина рассматривалась не только как мать, но и как работница, которая будет повышать трудовую производительность. Этот период породил парадокс: при том, что само государство стремится к модернизации, в обществе еще существуют некоторые пережитки прошлого и стремление к сохранению традиций. Писатели старались понять женскую натуру и раскрыть в своих произведениях понятие «советская женщина». К их числу относятся М. Ауэзов («Каракоз», 1926), Г. Мусрепов («Пробужденный край», 1953), Б. Майлин («Коммунистка Раушан», 1923) и другие [1]. В самой Центральной Азии в частности происходит деевропеизация (дерусификация). И представители традиционного общества усиленно твердят, что в социальной иерархии женщина должна стоять ниже мужчины. В современном же Казахстане происходит архаизация общества, несмотря на то, что женщины активно борются с его устоями, которые связаны в первую очередь с обычным правом (адатом), поэтому в последнее время возрос интерес к «женской проблеме».

Конечно, в современном обществе уже успели сложиться различные установки относительно того, какой должна быть современная казашка. И литературные произведения Мадины Омаровой как нельзя кстати подхватили нынешние тенденции общества. В своих произведениях писательница старалась ясно осветить «женскую проблему» и показать те тенденции, которые сложились в современном казахском обществе.

В трагикомедии «Гульнара и Нуржамал» писательница знакомит читателя с двумя пожилыми женщинами 60 лет. Сюжет пьесы разворачивается в однокомнатной квартире. Из диалога персонажей мы узнаем о судьбе Нуржамал, которая оказалась в этой квартире не случайно, так

она хотела дать своему сыну возможность жить отдельно со своей семьей. Мужа у нее уже не было, так как он бросил ее с маленьким сыном на руках. Она всю жизнь работала в архиве, а теперь получает маленькую пенсию, которую едва хватает на еду. Но в своих бедах она винит подругу Гульнару, которую она хотела зарубить топором.

Две героини и два совершенно разных образа. Если обратиться к значению их имен (Нуржамала: «нур» — луч света, «жамал» — красота; Гульнара: «цветок гранатового дерева» или «подобная цветку»), то следует полагать, что девушка должна быть изящна, красива, мудра, стремиться к рождению детей и созданию семьи (гранат, как символ супружества и плодородия). Даже Нуржамал Гульнара описывает так:

«Оның әдемілігін құдай маған берсе ғой, онда мен... Наташа Ростоваға ұқсап балға барушы едім» [2: 4].

(«Ах, если бы Бог наградил меня такой же красотой, я бы тогда... Я бы была похожа на Наташу Ростову и ходила бы на балы»).

Такой «правильной» казашкой и пытается быть Нуржамал, что и привело ее к терзаниям и смятению. Она понимает, что не оправдала своих надежд и не совсем подходит под тот образ казашки, который ей диктует общество. Ей казалось, что очень важно удачно выйти замуж, создать свою семью и укреплять традиции. Она теряет и не знает, что ей делать, ведь такой исход событий не предусмотрен в традиционном обществе. Именно эти внутренние переживания и проблемы, скорее всего, и привели ее к тому, что она начала пить. В конечном счете, она понимает, что важно жить так, как хочет она, и не стараться подвести свою жизнь под стандарты общества, в котором она живет. Смелая и свободолюбивая Гульнара доказывает ей это на своем примере, живя для себя и не слушая мнения других людей, которое может только ей навредить. Гульнара предстает перед нами бойкой, живой, довольно смелой подругой, которая может поддержать в трудную минуту. Она довольно эмоциональна и от нее можно было услышать такие слова, междометия и фразы, как, например, «атаңа нәлет!» («проклятый!»), «ойбай!» («ой-ой-ой») и «құдай-ау» («о, Боже!»).

В следующей пьесе «Квартиранты» М. Омарова пишет не столько о взаимоотношениях мужчины и женщины, сколько о внутренней драме героини. Гульсим предстает перед читателем серьезной, искренней, но в то же время эмоциональной и вспыльчивой женщиной, которая за словом в карман не лезет. И как принято в обществе, она вышла замуж

за своего старого знакомого, когда ей еще не было двадцати лет, и родила четырех детей. К тому же она заведует своим магазинчиком различных товаров, которые привозит из Бишкека, а раньше она работала учителем, как успел заметить Есимбек. Казалось бы, она вписывается в идеальную картину того мира, в котором она живет. Но за всей этой «идеальностью» скрываются определенные проблемы: мужа уволили с работы, он начал пить, денег стало не хватать, нужно заниматься воспитанием детей и искать хорошую квартиру в спокойном районе, выполнять дела по дому и работать. И все эти тяготы не могут не терзать Гульсим. Она во всем сомневается и не совсем уверена в своих решениях и даже в любви:

«Жүргенде қатал тұрмыс илеуінде, Білмеймін, сүйдім бе мен, сүймедім бе» [3: 10]

(«В суровости жизни, Я не знаю, влюбилась я или нет»).

Старушку из рассказа «Моя деревня» писательница описывает следующим образом:

«Саусақтары жуан, икемге көнбейтін тарамыс. Өмір бойы қара жұмыс істегені, аянбай істегені көрініп тұр. Суалған жанарымен қара жолға демін ішіне тартып телміреді» [4: 9].

(«Ее пальцы толстые, сухожилия выпирают. Очевидно, что она всю жизнь выполняла черную работу, не жалея своих сил. Потухшим взглядом и тяжело дыша она глядела на большую дорогу»).

Даже исходя из этого незначительного описания, можно представить работающую, трудолюбивую, сильную и непоколебимую женщину — именно этот образ сложился в казахском обществе. Он (образ) существовал давно и лишь сильнее укрепился в сознании приверженцев традиционных ценностей. Они считают, что женщина должна разрываться между работой и семьей, при этом семья должна быть на первом месте. Тот традиционный образ жизни, которая вела эта безымянная старушка, что только говорит о собирательности ее образа, не сделал ее счастливой и превратил ее жизнь в череду серых будней.

А вот о героине рассказа «Бабушка» читатель знает только присущую ей особенность:

«— Қайда барасың? — Әжесінің дауысы зілді шықты. Ешқашан дауыс көтермейтін ол айкайды ауыр зілмен ауыстыра білетін». [4: 15]

(«— Куда идешь? — Голос бабушки был хриплым. Не повышая голоса, она могла заменить крик на резкий упрек.»)

В данном рассказе читатель видит героинь из двух разных миров: мира человека старой закалки и мира юной, незамужней девушки, бойжеткен. Бабушка жалеет ее, называя «сормандай» и «бейшара» (оба слова переводятся как «бедняжка»). На первый взгляд может показаться, что она держит всех в ежовых рукавицах, но на самом деле она старается уберечь внучку от ошибок и необдуманных поступков. Портрет бабушки дополняют такие фразы, как «Мэссаған!» («Вот те на!»), «Жаратқан ием, сақтай көр» («Господи, спаси меня»). Чаще всего их можно услышать от старшего поколения людей, порой так ревностно борющихся за сохранение традиционных устоев общества. На протяжении всего повествования она держит пиалу с чаем и даже идет с ней в спальню. В данном случае пиала выступает носителем и хранителем национальной культуры казахов, которая так же, как и изображение казахской женщины, претерпевает изменения. В рассказе же на эти изменения указывает погода, которая очень быстро сменилась с ясной на дождливую и пасмурную.

Литература — это особый вид искусства, в котором находят отражение темы и события, волнующие общество в определенный момент времени. Она может содержать в себе исторические изменения, которые писатель передает с помощью героев. И героини произведений М. Омаровой — это олицетворение той ситуации, которая складывается в наше время, когда героине порой необходимо вести себя и жить так, как того требует от нее ее окружение. Все они являются простыми людьми. Их речь полна разговорных слов и порой даже брани, но от этого они не становятся менее интересными. Именно они составляют огромный социальный пласт, глядя на который у человека складывается определенный образ о том или ином обществе. Внутри одной культуры, одного общества происходит столкновение интересов разных поколений. Общество обновляется, подвергается трансформации, как и образ женщины: он становится дуалистичным. Ее роль и социальный статус, а также восприятие ее обществом еще не до конца и не совсем точно позволяет представить себе образ современной казахской женщины. Сохранившиеся среди казахского народа традиции и обычаи накладывают определенный шаблон поведения и создают определенный образ, которому должна соответствовать любая казашка. Общество диктует ей, какой она должна быть, при этом не учитывается ее желание вести себя так, как хочется ей. Современная казашка — это девушка, женщина,

бабушка, которая пытается связать два разных полюса. Она независима, стремится к самореализации, но вместе с тем она сохраняет любовь к дому и семье, уважает старших и своего мужа, чтит традиции.

Литература:

1. Кудайбергенова, Д. Кем была «Советская Женщина»? По материалам дореволюционной и советской казахской литературы. [Электронный ресурс] // Фемштаб. — URL: <http://www.art-initiatives.org/ru/content/kem-by-la-sovetskaya-zhenshchina-po> (дата обращения: 15.05.2020)
2. Омарова, М. Гүлнәр мен Нұржамал: редакционный вариант. — 10 с.
3. Омарова, М. Квартиранттар: редакционный вариант. — 19 с.
4. Омарова, М. Менің ауылым. Әже // Әңгімелер: редакционный вариант. — 22 с.
5. Стасевич, И. В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. — СПб., 2011.

Сведения об авторах

АЛИЕВА Камилла Абдулаевна

аспирант кафедры тюркской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета

БЕКДЖАЕВ Тагандурды Бекджаевич

старший преподаватель кафедры туркменского языка (факультет туркменской филологии) Туркменского государственного университета им. Магтымгулы (Ашхабад, Туркменистан);
E-mail: yapon70@rambler.ru

БУРЫКИН Алексей Алексеевич

доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); E-mail: albury@mail.ru

БЫЧКОВА Светлана Константиновна

студентка 3-го курса восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (кафедра тюркской филологии);
E-mail: svetlana_k_bychkova@mail.ru

ГЕЙГЕР Николай Николаевич

выпускник кафедры тюркской филологии (бакалавриат, 2018), кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки (магистратура, 2020) восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета

ГОРДЕЕВА Полина Витальевна

студентка 4-го курса восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (кафедра Центральной Азии и Кавказа); E-mail: st064296@sudent.spbu.ru

ГУЗЕВ Виктор Григорьевич

доктор филологических наук, профессор кафедры тюркской филологии восточного факультета СПбГУ; E-mail: vgguzev@gmail.com

ДЕМЬЯНЧЕНКО Валерия Андреевна

студентка 4-го курса восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (кафедра истории стран Ближнего Востока, отделение истории Турции); E-mail: vademyan13@gmail.com

ДУБРОВИНА Маргарита Эмильевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; E-mail: maggydu@rambler.ru

ЖУКОВ Константин Александрович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего Востока восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета;
E-mail: k.zhukov@spbu.ru

ЗАЙЦЕВ Никита Александрович

студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва)

ИЗБАСАРОВА Асель Руслановна

студентка восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; E-mail: bzi.a99@gmail.com

КАМАЛОВА Шахназ Норвуз кызы

аспирант кафедры тюркской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета;
E-mail: shahnazkamal@gmail.com

КОВАЛЕНКО Екатерина Александрова

студентка восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета;
E-mail: katyaK97@mail.ru

КОЗИНЦЕВ Марк Альвиевич

младший научный сотрудник, аспирант Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург); E-mail: m.kozintcev@mail.ru

КОЛОСОВА Дарья Ивановна

аспирант кафедры тюркской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета;
E-mail: darykolosova@yandex.ru

МИРЗОЕВА Гюнель Амирхан кызы

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела тюркских языков Института языкознания Национальной академии наук Азербайджана (Баку, Азербайджан); E-mail: lingui80@mail.ru

МИХАЙЛОВА Кристина Владимировна

студентка 4-го курса восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (кафедра истории стран Ближнего Востока); E-mail: tina_mi99@mail.ru

МОЛЧАНОВ Иван Андреевич

студент 4-го курса восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (кафедра истории стран Ближнего Востока)

ОБРАЗЦОВ Алексей Васильевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; E-mail: 0708ural@mail.ru

ОРЛОВСКАЯ Анастасия Вячеславовна

студентка 4-го курса восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; E-mail: 0840981@bk.ru;

ПИРАГА Эюб оглы Исмаилзаде

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана (Баку, Азербайджан)

ПОПОВ Владимир Александрович

профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург); E-mail: popoffvladimir@gmail.com

ПЫЛЕВ Алексей Игоревич

кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета

РОГОЖИНА Кристина Сергеевна

студентка 4-го курса восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (кафедра Центральной Азии и Кавказа); E-mail: kristinarogzhina532@gmail.com

САВЕЛЬЕВА Наталья Вячеславовна

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург); E-mail: n.v.savelieva@inbox.ru.

САХАТОВА Гюльшен Сахатовна

Dr. phil., Assistant Professor, Department of Turkish and Middle Eastern Studies, University of Cyprus (Cyprus, Nicosia);

E-mail: gulshen.sakhatova@ucy.ac.cy

СУЛЕЙМАНОВА Алия Сократовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; E-mail: suleymanova2001@mail.ru

ТИМОХИН Дмитрий Михайлович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва); E-mail: horezm83@mail.ru

ФОМИН Эдуард Валентинович

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Чувашского государственного института культуры и искусств (Чебоксары)

ХАЛЛИЕВА Гулноз Искандаровна

доктор филологических наук, профессор Узбекского государственного университета мировых языков (Ташкент, Узбекистан)

ХАНА Яфия Юсиф Джамиль

кандидат филологических наук, доцент кафедры арабской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; E-mail: yhana@mail.ru

ХАНИПОВА Диана Айзатовна

студентка 4-го курса восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; E-mail: st064288@student.spbu.ru

Санкт-Петербургский центр развития
и поддержки востоковедных исследований

Научное издание

**Актуальные вопросы
тюркологических исследований**

Международная научная конференция
XXXV Кононовские чтения
Санкт-Петербург

Сборник материалов

Корректор Е. Л. Белкина

Подписано в печать с оригинал-макета 20.04.21.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Объем 11 п.л.

Тираж 200 экз. Заказ 12.

